

Капитан Брамы

Вадим Булычев

Герои романа люди православные, волею судеб оказавшиеся по ту сторону мира, среди гномов и стражей. А всему виной аномальная зона Брамы, ворота в иные миры.

Все начинается с бесследного исчезновения священника-монаха, в одном из отдаленных степных сел аномальной зоны. На поиски пропавшего иеромонаха

отправляется другой священник, отец Иван, вместе со своим другом Дмитрием.

Главным героям предстоит пройти вместе с Капитаном через Брам, познакомиться с «деревьями» – стражами и вместе с ними остановить воинственного иеромонаха и его «православных» гномов, а так же совершить путешествие к Истоку. И все это ради будущего союза между стражами и людьми.

Автор выражает глубокую благодарность сайту «Воздушный Замок» (<http://rmvoz.ru>) за помощь в создании этой книги.

Капитан Брамы

Предисловие

Белое дерево осторожно сделало шаг. Белая, почти призрачная нога выдвинулась

прямо из древесного ствола, а сам ствол превратился во вторую, такую же призрачную ногу.

Белое дерево тихо пошло. Впрочем, ходьбой это пока можно было назвать условно. Дерево не шло, а как бы плыло, едва-едва касаясь земли белыми пятками. При этом дерево старательно покачивалось и размахивало ветвями – точь-в-точь как это делаем мы, во время ходьбы. Вот уже вместо ветвей появились призрачные руки. Белое дерево постепенно уменьшалось и одновременно вытягивалось в высокую человеческую фигуру.

Прошло около четверти часа. Тот, кто был Белым деревом вышел к человеческой дороге. Настороженно прислушался. Предстоял самый трудный участок – с полкилометра вдоль трассы. Но иного пути к Капитану не было. И не было иного способа стать похожим на человека.

Внезапная угроза, быстро переходящая в панический ужас, возникла в его сознании. Он огляделся. Справа, из-за поворота дороги (как же он мог забыть о том, что в этом месте человеческая дорога делает крутой поворот), вынырнуло желтое пламя, с грохотом двинулось прямо на него.

Пламя стремительно приближалось. Он отчаянно метнулся в сторону лесопосадки. И тут же понял – не добежит. Слишком стремительно двигается мертвое пламя. Вот оно уже почти надвинулось на него. Выбора не осталось, он быстро присел, прямо у обочины дороги и снова стал Белым деревом.

***

Голова¹ краснокутовского сельсовета очень торопился. Был уже двенадцатый час ночи, а он обещал своим быть к семи. Старенькая черная «Волга» подпрыгнула на ухабе и едва не пролетела поворот на село. Голова резко сбавил скорость.

Машина повернула. И тут произошло нечто необычное. Фары автомобиля осветили метнувшуюся вдоль дороги призрачную фигурку человека в нелепом, невозможном одеянии. Фигурка напоминала сбежавшую из музея египетскую мумию, с ног до головы закутанную бинтами. (Нечто похожее голова видел в фильме про Индиана Джонса). Мумия быстро присела, прямо у обочины дороги. Будто приготовилась к смертельному прыжку.

Холодные мурашки побежали по спине краснокутовского председателя. Под сердцем похолодело от страха. Мозг лихорадочно соображал. За какие-то доли секунды он много о чем подумал и много что вспомнил.

Вспомнил, что недалеко отсюда, совсем рядом, аномальная зона, Брама. В аномальность Браммы он никогда не верил; теперь вот поверил.

Еще голова вспомнил о Боге. Вспомнил, что он хоть и член компартии, но православный. Да, можно так и сказать – православный коммунист. Современному коммунисту не возбраняется быть верующим, прошли те времена. Но, видно, совсем он забыл о Боге за своими делишками раз ему нечистая сила прямо на дороге является.

Господи, прости меня, помоги – взмолился голова и со всех сил нажал педаль газа. До привидения в белом оставались уже считанные метры. И вдруг в ярком свете фар он увидел, что принял небольшое, причудливо изогнутое дерево за нечистую силу.

Краснокутовский председатель нервно хохотнул. Остановил машину, дал задний ход.

Точно, дерево! Немного странное, какое-то нездешнее. Но кто знает, аномальная зона.

Голова с облегчением вздохнул и уже спокойно поехал дальше. Включил «на полную» радио. Играл жуткий западный рейв. Но даже эта враждебная капиталистическая музыка сейчас успокаивала.

---

¹ Голова (укр.) – председатель, начальник

Все. Домой. Спать...

***

Как только человеческая машина скрылась из вида, Белое дерево медленно и бесшумно разогнулось. И превратилось в высокую стройную фигуру, в длинном свободном одеянии.

Немного постояв, прислушиваясь, он неспешно двинулся вслед за машиной в село. Еще раз оглядел себя со стороны, особым «боковым» зрением.

Нет, он так и не стал до конца человеком. По-прежнему не идет, а плывет, подобно привидению.

Он вошел в лесополосу, и ему сразу же стало легче. Исчезла тревожная тяжесть в душе, прояснились мысли, четче стало «боковое» зрение.

Он шел и разговаривал со стройными великанами-тополями. В отличие от него они почти не страдали, они привыкли к присутствию человека и его огнедышащих машин. Они практически всего этого не замечали, устремляясь к Солнцу и небу. Впрочем, и посажены они человеческими руками. Пол человеческого века назад.

Он прошел лесополосу и остановился. Перед ним опасным неведомым чудищем лежало спящее село. Желтым, ядовитым светом пылали редкие фонари. Кое-где светились и окна.

Почему этот мертвый желтый свет так губительно действует на его народ? Почему их так страшит человеческая техника? Что это, память о далеких-далеких временах, когда люди едва не уничтожили их своими машинами? Впрочем, то были совсем другие машины и другие расы людей. То было очень давно, до большой воды.

А к мертвому человеческому свету придется привыкать. Ради будущего союза наших народов. Но пока через село идти нельзя. Еще не время... Да, он пойдет по секретной тропинке, о которой ему подробно рассказывал Капитан. Как же хорошо, что его дом на отшибе.

Итак, надо повернуть направо. Впереди будет еще одна лесополоса. Надо торопиться. Он несет важные вести Капитану. Его народ обнаружил пропавших людей. Еще он должен сказать о возможном союзе между нашими народами. Серебряные Деревья говорят о союзе... Нет, об этом пусть поведают на Холме. Капитан приглашен на Холм. Сегодня ночью они вместе войдут в Брамю. Если, конечно, Капитан не против...

Пройдя вторую лесополосу, он свернул на едва заметную тропинку. Изгибаясь дугой, она широко обегала село. Где-то там, на самой вершине дуги, есть небольшой запущенный садик. Рядом пасека. И дом Капитана.

... Его народ также ждет вестей: кто те люди, что ищут Василия? Один из них служитель... (он произнес непривычное на человеческом языке слово). Другой, его друг. Должен прибыть со дня на день... Кажется, их имена... Ива-у-н и Ди-ми-у-трий. Так, кажется. Серебряные Деревья говорят о союзе и особенно интересуются теми двумя людьми...

Он остановился. Впереди одиноко горел тусклый желтый квадрат окна. Это был дом Капитана. Маленький домик, даже по человеческим меркам этого села. А уж про дома его народа тут и не стоит говорить.

Но дом добрый; со свежепобеленными стенами и крохотной деревянной пристройкой. Рядом с домом растут несколько десятков фруктовых деревьев. Деревья молодые, только немного неухоженные. Он уже знает каждое дерево по имени. Ему тоже дали имя – Гость. Что ж, пока пусть будет так.

Гость подошел к невысокому покосившемуся заборчику. Вошел в мысли Капитана. Мысли были немного тревожные. Тогда Гость несколько раз громко свистнул, по-птичьи.

В тусклом и мертвом желтом мареве комнаты мелькнула фигура Капитана. Через

минуту распахнулась входная дверь. В проеме появился худощавый человек, чуть выше среднего роста. Он жадно вглядывался в темноту:

- Белодрев, неужели ты?! Прошел Брамму?!
- Да, это я, Капитан. Прошел...

ЧАСТЬ I Человек из Браммы День первый

Автобус остановился среди бескрайних полей. Водитель автобуса махнул рукой в сторону едва заметной проселочной дороги и, перекрикивая вопящее «Русское радио», сказал с легким кавказским акцентом:

- Туда дорогой, туда! Прямо идешь, прямо и придешь!
- А далеко?
- Нет, дорогой, не очень. Километров десять, двенадцать. Главное прямо, прямо иди, и придешь, прямо, куда надо придешь...

Проселочная дорога, на которую указал водитель, представляла собой две накатанные автомобильные колеи – они пересекали асфальтовое шоссе и, убегая вдоль лесопосадки, терялись среди огромного поля; в зыбком, колышущемся солнечном мареве.

Взвалив на плечо старую дорожную сумку с затертой надписью «adidas», я тронулся в путь. Сзади меня по трассе с тяжким гулом промчалась грузовая машина. Гул стих, и воцарилась тишина: глубокая, всепроникающая – такая, какую почти невозможно услышать в городе.

На фоне тишины – не нарушая ее – чирикали мелкие пташки, кричали пронзительными, немного скрипучими голосами чайки. Их крик напоминал о море – оно, действительно, должно быть от этих мест недалеко. В лицо мне дунул ласковый весенний ветерок, он пах морем.

Через огромный, очерченный лесополосами квадрат поля, я вышел в открытую степь. Степь была плоская; только на юго-западном горизонте, очень далеко, смутно синела, колыхаясь в солнечной дымке, линия каких-то возвышенностей. Именно там, по моим расчетам и должно быть море. С противоположной стороны виднелась синесерая полоса лесопосадки. Над ней медленно кружилась коричневой точкой птица. Именно туда плавно заворачивала моя дорога.

Я шел вперед, наслаждаясь безлюдьем, тишиной и простором. И вдруг посторонний, раздражающий, совершенно не степной звук вторгся в мое сознание. Вылился в рокочущий, немного дребезжащий гул машины. С трудом веря своим ушам, я обернулся.

Вдогонку за мной катил самый обыкновенный старенький «Москвич», пыльного желтого цвета. Поравнявшись со мной, машина остановилась. Открылась передняя дверь и худощавый, коричневый, как вспаханная весенняя земля, пожилой кореец высунулся из нее:

- Садись, подвезу.
- Мне бы в Черноморку?
- Куда ж еще, – небрежно бросил водитель и еще раз молча показал нетерпеливым жестом, мол, хватит лишних разговоров, давай, садись.

Кореец показался мне человеком раздражительным и странным.

– Что, попа едешь навестить! Да? – выпалил он таким злым голосом, что я даже немного поежился, неопределенно кивнув головой. Кореец между тем продолжал:

– Просвещать, значит, нас, дураков, будете, своими молитвами... Знаем мы вас, знаем. Все о вас знаем. Да!..

Сделав вид, что не расслышал последние слова, я молча рассматривал однообразный степной пейзаж. Далекие туманные возвышенности на юго-западном горизонте плыли вместе с машиной. Словно стадо фантастических исполинских животных. Словно корабли... С грустью подумав о море, отвернулся от окна.

Кореец неподвижной мрачной тучей нависал над своей баранкой и что-то бормотал сквозь сжатые зубы. От этого бормотания стало не по себе. Я ощутил томительное неудобство, тесноту. Воротник свитера, до этого совершенно просторный, вдруг сдавил мне шею. Руки самым безобразным образом вылезли из рукавов, а ноги затекли и заныли.

Какое бы положение тела я ни принимал, все было неудобно. Вдобавок, стало казаться, будто от меня исходит не совсем приятный запах, словно на мне грязная, чужая одежда. Да еще и на несколько размеров меньше, чем я ношу.

Странный тип. Очень странный тип! И что он там бормочет?..

К неудобству добавилось чувство тревоги, опасности. По горлу прошла удушливая спазма. Отчаянно заколотилось сердце.

Да заткнется он, или нет!..

Вспомнилось, как позапрошлым летом мы устраивали молитвенный пикет против всемирно известного колдуна. И как на нас бесноватые бросались. А мы их крестом и молитвой...

Молиться!

Преодолевая удушье, стал мысленно читать все молитвы, которые знаю. Кажется, подействовало. Водитель прекратил шаманское бубнение. С минуту ехали молча. Удушливые спазмы стали проходить. Успокоилось сердце. Только по-прежнему было неудобно в салоне машины, неловко как-то, душно.

Кореец повернул свое лицо ко мне:

– К попу, значит, в гости, ну-ну, – загадочно сказал он и даже улыбнулся. Улыбка больше походила на оскал. В глаза бросились стесанные желтые зубы. И тут же в голову влезло:

А ведь корейцы едят собак. И этот, тоже, наверное...

Я живо себе представил, как стесанные желтые клыки впиваются в трепещущую собачью плоть. Тут же передернуло от омерзения. К духоте и тесноте добавился отвратительный запах мокрой псины.

Не поддаваться на чернуху, – внушал я себе. – Максимально отстраниться, не осуждать... Итак, запах псины распространяется только в моей голове. И вообще, человек взялся меня совершенно бесплатно подвести, а я тут сижу, перемываю ему кости: сектант, атеист, обиженный попами, собакоед. А может, у человека просто плохое настроение...

Сработало! Отвратительный запах псины исчез. Остался только душный и неудобный салон машины.

Слава Богу, ехать пришлось меньше, чем я ожидал. Минут через пятнадцать дорога окончательно повернула на север, и слилась с хорошо укатанной грунтовкой. Впереди показалась целая гряда невысоких, но очень пологих и длинных холмов.

Холмы поразительно напоминали волны, только гигантские и неподвижные, с зеленные гребнями свежей весенней травы на вершинах.

Показалось и первое строение – развалины какого-то скотника. Потом еще одни развалины, что-то похожее на разбитую прямым попаданием снаряда подстанцию.

Зрелище было удручающим и привычным.

Машина взмыла на очередной гребень холма, и взору открылось небольшое, компактное село.

– Черноморка, – угрюмо прокомментировал водитель. И спросил:

– К поповскому дому, или к этому клубу, в котором теперь, значит, церковь. Мне все равно, я дальше еду.

– Нет, спасибо. Священник сказал, что будет меня возле сельсовета, ну, возле памятника Ленину ожидать.

– Памятника Ленину? – Издевательски повторил кореец и нехорошо хохотнул. – Раньше КПСС нам мозги пудрило, теперь, значит, вы... Ну да ладно, мое дело маленькое. Будет тебе возле сельсовета. Возле Ленина. Хе-хе... Там, кстати, и поповский дом недалеко. Да.

Грунтовка под колесами машины сменилась плотно уложенными плитами. Кореец добавил газу, и мы резво покатались с холма.

Сразу за холмом начиналась просторная луговая низина. Низину украшал небольшой запущенный пруд. В пруду в изобилии плескалась домашняя птица. Темная стоячая вода мутно-зеленого цвета холодно блестела под ласковым весенним солнцем.

Вода такая же мутная, холодная и недобрая, как душа водителя корейца, – подумал я и поймал себя на том, что вновь осуждаю.

Дорога поползла на следующий холм. Пейзаж заслонили неказистые сельские хаты. Краешком глаза я еще успел увидеть мирно пасущихся овец в противоположной, от пруда, стороне и смутно подумать о неосуждении и травоядности.

Машина взбиралась к вершине холма. Дома стали немного богаче. А сбоку, на другом склоне холма показалась еще одна улица, также бегущая к вершине. В месте, где две улицы встречались, гордо возвышалось небольшое двухэтажное строение казенного типа.

Сельсовет – догадался я. И потянулся рукой к своей дорожной сумке. Первая часть путешествия подходила к концу.

Еще пару минут и запыленный корейский «москвич» тарыхтя вполз на вершину холма и весело побежал по уже асфальтированной дороге к административному центру. Центр Черноморки, как я понял, это пересечение двух сельских улиц. Там-то меня и высадили.

– Спасибо! – сказал я угрюмому корейцу.

– Нема за шо, – буркнул тот в ответ, хлопнул дверцей и укатил на своем москвиче по второй улице, в ту сторону, где по моим расчетам должно быть море. А я двинулся по узкой, посыпанной песком дорожке к сельсовету. Весь в предвкушении встречи со старым другом.

Дорожка привела меня прямо к памятнику вождю мирового пролетариата. Ильич стоял перед входом в сельсовет. Одна рука у него была заведена за спину, а вторая, с заломленной в кисти каменной кепкой, указывала на жовто-блакитный ²флаг, висящий над входом.

Символично – подумал я и тут, буквально в двадцати шагах от себя, увидел отца Ивана. Он шел навстречу, от сельсовета к памятнику, и весело махал мне рукой. Мы обнялись:

– Давно ждешь?

– Ты, знаешь, как почувствовал, что ты на подходе, – сказал отец Иван. – Думаю, дай выйду, посмотрю. И точно, выхожу, ты идешь... Кстати, ехал, как я тебе говорил?

– Не совсем, – ответил я. И принялся сбивчиво объяснять, что немного перепутал автобус, который пошел по соседней, параллельной трассе. Кажется, в сторону

---

² Жовто-блакитный (укр.) – желто-голубой, цвета государственного флага Украины.

Желтого Порга.

Так что водитель меня высадил прямо посреди полей и объяснил, как сюда кратчайшим путем добраться. Ну, я прошел, наверное, несколько километров, а потом меня машина подобрала. И прямо сюда доставила. Вот собственно и все.

– Да, – спохватился я, – очень странный человек меня вез. По виду, вылитый кореец. Сам остановился, предложил подвести. И главное, сразу угадал, что я к тебе еду. И обо всем этом с какой-то такой непонятной ненавистью выразился. Так и сказал, что мы своими молитвами будем дурить людям мозги, как раньше коммунисты людям мозги дурили. И при этом привез меня, куда надо... Странный человек.

– Кореец, говоришь, – принялся уточнять отец Иван, – в возрасте, худощавый, загорелый до темно-коричневого цвета, нервный?

Я утвердительно кивал головой.

– Ну, ты попал, Дима, – весело воскликнул отец Иван. – Этот кореец активный член местных Свидетелей Иеговы. Счастье еще, что не с этого села, с Алексеевки. И надо же, угораздило тебя прямо к нему в машину сесть. Это, брат, знак... Ну, а насчет того, что угадал к кому едешь, знаешь, здесь это нетрудно. Село, не город. Здесь каждый на виду. А у тебя борода сама за себя говорит...

– Подожди, – перебил я, – самое главное. Он что-то постоянно бормотал за рулем. Не знаю из-за этого, нет, но мне стало плохо в его машине. Чуть сознание не потерял. А когда он кончил бормотать, стало легче... Этот кореец никакой случайно магией не занимается?

– Узнаю борца с антихристом, – сказал отец Иван и рассмеялся.

– При чем здесь борец с антихристом, – обиделся я, – серьезно же спрашиваю.

Отец Иван перестал смеяться:

– Если серьезно, Дима, сам подумай; как активный иеговист может еще и колдуном быть? Что-что, а у иеговистов с этим делом строго, колдуны прокляты Иеговой... А этот кореец сам по себе человек тяжелый, непростой. А ты после дороги, в машине душно, воняет. Вот и один к одному.

– Логично, – согласился я. – Впрочем, от иеговистов всего можно ожидать.

Отец Иван нервно махнул рукой:

– Пошли скорее ко мне. Чем меньше нас видят, тем лучше.

– Это из-за иеговистов шифруемся? – спросил я и оглянулся, словно ожидая увидеть под каждым кустом притаившегося иеговиста.

– Иеговисты ни при чем, – сказал отец Иван и тоже оглянулся. – Просто, батюшка на селе весьма заметная фигура. Начнутся всякие лишние пересуды. А нам это не надо... Ну, пошли скорее. – Отец Иван нетерпеливо потянул меня за рукав.

Мы двинулись по «партизанской» тропе, что, петляя, бежала параллельно тропе «официальной», по которой я шел к сельсовету. Немного не доходя до условного сельского центра, на пересечении улиц, тропа резко нырнула в бок, пересекала остатки детской площадки с ржавыми остовами качелей и упиралась в длинный одноэтажный дом, барачного типа.

Первое убежище

– Пришли, – сказал отец Иван, оглядываясь и отпирая ключом обшарпанную деревянную дверь. – Вот он, наш кратковременный дом, наше убежище. Привыкай, друг мой.

Отец Иван толкнул заскрипевшую дверь, и мы ввалились в тесный коридорчик. После залитой весенним солнцем улицы в коридоре было хоть глаз выколи. Пока разувались, я влетел одной ногой во что-то похожее на пустой таз. Таз загремел.

– Привыкай, – тут же откликнулся эхом отец Иван. – Удобств почти никаких, но и нора временная. Вдобавок не моя.

– А что и хозяин может появиться?

– Не переживай. Хозяин этой халупы местный батюшка, отец Михаил. Но его еще почти неделю не будет. Он в отъезде. Уехал, так сказать, на свою историческую родину. Так что разувайся и проходи на кухню. Чувствуй себя как дома...

Мы сидели на тесной, ярко освещенной заходящим солнцем кухне, пили крепкий и ароматный чай, и, надо сказать, я чувствовал себя уже почти как дома. Отец Иван вводил меня в курс дела:

– По телефону всего не скажешь. Так что сейчас я постараюсь тебе немного объяснить, что нам предстоит. А предстоит нам такая дыра, что я, когда узнал, так заявление за штат подал. И ты думаешь, епископ мое заявление принял? Что ты, как разорался! Я Вас, мол, не для того рукополагал, чтобы Вы от трудностей бежали.

– Я говорю – владыка, у меня ж семья. – А он – ничего, потерпите. Господь терпел и нам велел. К тому же я Вас не навсегда посылаю. Прибудете на место, оглядитесь. Разберетесь, куда это назначенный мной иеромонах³ Василий пропал. Людей расспросите. Приход заодно поднимете. А там... посмотрим.

– Вот так вот, брат. Едем в аномальную зону. С легкой руки епископа, будем православными детективами, сбежавшего краснокутовского попа будем искать. И православным МЧС, по совместительству. Приход из руин поднимать. Боюсь, Дима, надолго меня от семьи оторвали. Может, владыка думает, что я вслед за Василием сгину, в аномальной зоне, – отец Иван горько вздохнул.

– Слушай, батюшка, а что там за аномалия? Подробней можно? А то я ничего по телефону не понял.

Отец Иван вяло махнул рукой:

– Да фигня, прости Господи, все это! Ты же знаешь, я практик. Пока лично не увижу, никогда не поверю. Ну а так, говорят, есть тут по дороге на Красный Кут холмик с вынутой серединой. Якобы природная аномалия. Стоит себе такой холмик без середины, стоит недалеко от дороги на Кут. Так что мы увидим его, когда туда пойдем. Вот. Середины у холма нет, поэтому все это похоже на огромный такой проход, естественные, природные ворота. По-украински – Брама.

– Прямо как индуистское божество, – не удержался я.

– Индуистское или не индуистское, – усмехнулся отец Иван, – но, собственно, эта Брама и есть аномалия. А еще она является как бы негласной границей Кута...

– Погоди, – перебил я отца Ивана, – ты можешь мне конкретно сказать, в чем аномальность этой Браммы?

– Ха, если б я знал это, Дима, – батюшка немного повеселел.

– Кстати, сами местные, здесь в Черноморке, не очень-то верят в аномальность Браммы. Говорят, если б там действительно нечто было, то тут с города бы понаехало всяких уфологов, археологов и прочей братии. А так, никого особо эта Брама не беспокоит. Но разве что сфотографироваться на фоне необычного холмика... Вот и вся аномалия. Правда, мне еще в городе один умник рассказывал, что Брама пробуждающаяся аномалия. Мол, лик земли меняется. И меняется основательно. Климатические катаклизмы, это только видимая сторона процесса. Собственно речь идет о том – сохранимся ли мы, как цивилизация, или сгинем в огне апокалипсиса? Вот

---

³ Иеромона́х (греч. Ἱερομόναχος) — в христианстве монах, имеющий сан священника. Иеромонахами становятся монахи через хиротонию или белые священники через монашеский постриг. (Материал из Википедии).

и пробуждаются всякие спящие аномальные зоны, как вулканы... Интересная, конечно, теория. Но я практик.

– Тогда еще один вопрос, – сказал я, – что все-таки произошло с этим иеромонахом Василием?

– Никто толком не знает, – вздохнул отец Иван. – Пропал куда-то. Лично я думаю, что просто тихо сбежал. Наверное, крыша у человека поехала от одиночного сидения в дыре. Да и искушения всякие. Вообще, для молодого монаха ведь это смерть, когда из монастыря вырывают и вот в такую дыру засовывают...

– Слушай, а почему ты так уверен, что этот Василий сбежал. А вдруг его того... Понимаешь?

– Не совсем.

– Ну, вдруг там, под вывеской тех же иеговистов, особо опасная оккультная секта. Места-то ведь глухие. А священников сейчас довольно часто убивают. Всякие сатанисты.

– То есть, – отец Иван сморщил лоб, – ты хочешь сказать, что нашего иеромонаха убили?

– Ага.

– И в землю закопали, и надпись написали?

– Нет, ты подожди шутить. Ты все-таки, подумай. В наше время ничего исключать нельзя.

– Ладно, – нехотя согласился отец Иван. – Завтра же посетим Красный Кут. Может, что-то и прояснится... Ну а так, друг мой, основное я до тебя довел.

И отец Иван надолго замолчал. Молчал и я.

На нашей маленькой кухне повисла тишина, наподобие той, что я пережил в степи. Только здесь она была еще глубже, еще ощутимее.

В этой тишине отчетливо, выпукло слышалось, как где-то далеко лает местная собака, а совсем рядом скрипит калитка, и в отдалении, только в другой стороне, гогочут гуси. И весь этот нехитрый набор звуков на фоне потрясающего, пронзительного безмолвия – вселенского, невыразимого человеческим языком.

Сидеть бы так и сидеть; молча наблюдать, как первые вечерние сумерки незаметно ползут со стороны полутемного коридора, и ни о чем не думать (особенно о завтрашнем походе в загадочный Красный Кут и обо всех тех аномальных неприятностях, что нас неизбежно подстерегают).

Просидеть бы так все отпущенное нам на Красный Кут время. И только благоговейно слушать, как лает где-то собака, скрипит под порывами ветра калитка, гогочут гуси. И пусть бы в этом заключалась вся наша миссия. Сидеть и слушать тишину...

Отец Иван хлопнул себя ладонью по лбу. Звук был, как выстрел. Я даже подпрыгнул на стуле.

– Да, насчет иеговистов. Чуть не забыл. Хотел тебе сразу показать. А то мы что-то немного приуныли.

Батюшка встал, вышел в комнату и вернулся назад с журналом «Сторожевая Башня» в руке.

– Иеговистов я не люблю, но картинки у них очень интересные. Очень такие реалистичные. Картинки я смотреть люблю. Вот, полюбуйся, – отец Иван придвинул ко мне журнал, – смотри, как красочно они рисуют царствие Божие на земле. Вот что будет, когда Иегова на планете новое мировое правительство установит.

На обложке иеговистского журнала было изображено будущее «Царство» – яркая сочная зелень, уютная лужайка, обилие солнца. На переднем плане маленькая девочка гладит совсем ручного льва. Рядом пасется ягненок. Чуть поодаль растут какие-то экзотические деревья с огромными цветами. За деревьями начиналась следующая

поляна и на ней рабочие, в аккуратных оранжевых комбинезонах, строят дом. Рядом с домом, взявшись за руки, гуляют счастливые семейные пары с детьми.

На заднем плане иеговистского пейзажа изящная излучина реки. За рекой вздымаются величественные горы, уходящие своими вершинами в необычайно белые пушистые облака. Так и хочется прижаться к ним щекой... Нарисовано неплохо. И все-таки что-то не то.

Мой взгляд вернулся к «райским работягам». Я заметил, что рабочие поголовно в касках. То есть, они работают с соблюдением всех мер безопасности. До меня, наконец, дошла дикая нелепость картинки – в царстве Божиим и в касках!!! С соблюдением всех мер безопасности! И это-то в Царстве Божиим! Нет, такое даже нарочно не выдумашь! Эти наслаждаются Божиим царством, а эти вкалывают! Так еще и в касках, строго по инструкции...

Хохотали с батюшкой, как зарезанные. Я не помню, когда так в последний раз смеялся.

Брама

Никогда не встречал такого ледяного взгляда. Даже у всемирно-известного мага, против которого мы когда-то устраивали пикеты, и то, взгляд потеплее был. Но этот...

Я его ощутил физически, буквально, спиной. Мы как раз обогнули холм, на котором располагалось село. Наша тропинка раздваивалась. Одна ветка продолжала свой бег в прежнем направлении и терялась между холмами. Другая, повернув налево, выводила к дороге на Кут. По ней мы и пошли.

Не прошло и пяти минут, как мы поравнялись с отарой овец. Животные паслись возле самой тропы. Я еще подумал, что это, наверное, те же овечки, что я видел вчера, въезжая в село. И тут ощутил на себе этот взгляд. Нас в упор разглядывал невзрачный невысокий мужичонка, лет шестидесяти на вид. По-видимому, пастух. На голове у него была мятая широкополая, ковбойская шляпа – шляпа сразу бросилась в глаза. Довольно непривычный головной убор, для села.

Пастух стоял немного в стороне от тропы, шагах, может, в двадцати, стоял совершенно неподвижно, застывший, как статуя и только смотрел. Но что это был за взгляд! Сколько в нем было необъяснимой потусторонней ненависти.

Мы невольно прибавили шаг. Метров через сто, не сговариваясь, одновременно оглянулись. Загадочный мужичонка все так же неподвижно стоял на том же месте и по-прежнему неотрывно смотрел нам вслед.

– Чего это он так на нас вылупился?

– Кто его знает, брат, – почти шепотом ответил мне отец Иван. – Ты только не оборачивайся и не смотри на него. Идем спокойно, как шли...

Минут через десять мы наконец-то вышли на долгожданную трассу и двинулись в юго-западном направлении. В сторону Красного Кута.

До Кута по трассе около двенадцати километров. Мы намеревались посетить село, познакомиться с краснокутовским председателем сельсовета. Но и сообщить, что в ближайшее время мы прибываем на постоянное место жительства. Обратное, в Черноморку, планировали вернуться до темноты.

Мы бодро шагали по гладко утопанной грунтовой дороге. Светило весеннее солнышко, чирикали птички, кричали пронзительными кошачьими голосами чайки. Жуткий взгляд постепенно забывался. Загадочный пастух овец теперь больше вспоминался философски – этакая странная демоническая личность в ковбойской шляпе.

Прошел час нашей настойчивой ходьбы по безлюдной грунтовке, два. Наконец я потерял счет времени. Мне даже стало казаться, что что-то произошло с самим временем и конца нашему путешествию не будет.

Отупевший от ходьбы, я не сразу заметил, что пейзаж вокруг нас изменился. Верней, заметил только после реплики отца Ивана: «О, кажется, подходим к Куту!». Я огляделся и обнаружил, что казавшиеся бесконечными гряды плавных, как волны, холмов исчезли. И по ту, и по другую сторону от трассы расстилалась совершенно плоская степь.

Однообразный плоский пейзаж портил разве что одиноко торчащий холм, по левую от нас сторону. Холм был темно-серого, выжженного цвета и имел подозрительно правильную форму – пирамида с усеченным, словно срезанным верхом, и пологими, очень длинными склонами.

– Неприятная возвышенность, – сказал я. – Знаешь, на что похож этот холм?... На мавзолей. Слушай, это, наверное, курган?

– Он самый, – подтвердил отец Иван, щурясь и закрываясь ладонью от солнца. – Местные считают его скифским захоронением. Пробовали даже копать, но ничего не нашли. Сейчас, по описаниям, должны справа корейские поля начаться. Потом будет поворот уже на сам Кут. Ну, а там должна быть Брама. За Брамой уже само село.

Корейские угодья не заставили долго себя ждать. По правую сторону от нас показались свежевспаханные поля. Самые обычные поля, на краю которых стояло несколько жилых вагончиков с ободранными фанерными боками мутно-зеленого, лилового и какого-то совсем грязного, неопределенного цвета.

Из-под ближайшего вагончика на нас с тьякнанием бросилась небольшая собачка. Кроме собачки не было ни души. Какая-то труднообъяснимая зловещая тишина стояла над корейскими угодьями.

Дорога окончательно повернула на юг, и мы увидели Браму. Аномальный холм находился совсем недалеко от трассы (это, кстати, доказывало, что в аномальность Браммы и здесь не очень-то верят, иначе сделали бы дорогу подальше). Брама выглядела впечатляюще: два пологих склона издалика бегут навстречу друг другу, вздымаются на высоту двух-трех этажного дома, и не добежав друг до друга метров пять, десять, резко обрываются почти отвесными стенами – голыми, мрачными, черными. Между двумя половинами холма получается нечто вроде прохода, проема; но вот только выхода на ту сторону почему-то невидно.

Присмотревшись внимательно, я заметил, что стены обрываются не совсем вертикально, а немного наискосок. В итоге проход между ними уходит в бок, как в некий таинственный лабиринт.

Во мне возникло едва сдерживаемое желание сойти с дороги и заглянуть в загадочный лабиринт. Тут же появилось «предположение»: а может Брама – это и не проход вовсе, может там что-то совершенно иное?

В голову полезли мысли о пространственно-временных дырах, всяких там разломах в земной коре, воротах в иной мир. В общем, все то, что мне приходилось краешком уха слышать по «ящику», или мельком читать в Интернете. Все эти заумные рассуждения о неизученных силах природы и таинственных зонах Земли, все, над чем я снисходительно посмеивался, как над очевидной бесовщиной и оккультной ересью; все это теперь лезло в мою голову. И лезло с тем прицелом, что, мол, я, скептик, ортодокс, сам теперь, собственной своей персоной присутствую перед аномальным явлением, по имени Брама.

Вспомнилось как один «умник» доказывал отцу Ивану, что Брама – это пробуждающаяся аномалия. И вообще, «лицо Земли» меняется, вот и пробуждаются по всей планете всевозможные аномальные зоны.

Мне вдруг ярко представилась картинка «пробуждающихся аномальных зон»; в виде

бесконечной цепочки «просыпающихся» друг за другом вулканов. А потом произошло нечто необычное – пространство вокруг меня сместилось, поплыло. Детали пейзажа стали полупрозрачными и невесомыми. Исчезла Брама. Вместо Браммы появился огромный, как бы воздушный холм, похожий на застывшую морскую волну с белоснежной заоблачной вершиной.

Вершина сказочного холма искрилась и сверкала на солнце, сияла как полуденное солнце. Ее лучи распространялись по всему виденному мной миру, падали на меня, отца Ивана.

Чуть ниже вершины, по бокам величественного холма, я увидел множество цветущих деревьев. Еще подумал: странно, только конец марта, а уже во всю цветут деревья.

Между деревьями были большие полупрозрачные шатры серебристого цвета. Над крышами шатров что-то двигалось, искрилось, порхало. Из этого непонятного мне движения мой взгляд выделил несколько деревьев. Они тут же приблизились ко мне, и встали перед холмом.

Деревья были странные: одно полностью белое, очень похожее на березу, но не береза, какая-то другая неясная мне порода. Второе дерево похоже на клен, но опять же, нельзя сказать, что это клен. Только подобие, приблизительная внешняя форма клена. Третье дерево самое причудливое. С необычно длинной, пучками, хвоей (или очень узкой листвой). С диковинными разноцветными ветвями. Отчего все дерево казалось пестрым, словно веселая детская картинка.

Впрочем, самым удивительным был не внешний облик деревьев, а четкое внутреннее ощущение, что они разумны. И не просто разумны, а видят меня и что-то пытаются мне сказать, или передать. Что мне хотят сказать деревья, я понять не успел.

На прекрасный холм надвинулась тьма. Ударил резкий порыв ветра; ветер был черный – я не видел это, но почему-то знал, что ветер – сама тьма. Белое дерево сломалось. Падая, оно жалобно закричало, совсем как человек. Тут же погасли все краски. Все заволкло густой, чернильной тьмой.

Зловещее, мутно-лиловое светило тускло сочилось багровым светом во тьме... Ни звезда, ни планета, ни Луна; скорее дыра – лиловая дыра с грязным серым оттенком. Размерами чуть больше полной луны.

Я почувствовал головокружение и тошноту. Как перед потерей сознания.

Откуда-то издали прилетел голос отца Ивана:

– Дима, ау, очнись!

Не хватало только хлопнуться в обморок – подумал я. Тряхнул головой. Наваждение прошло. Я как будто бы проснулся. Передо мной была все та же Брама. Но теперь, как самый обычный холм с аккуратной вырезанной серединой.

Отец Иван пристально смотрел на меня. Взгляд у него был совсем мне непривычный. Это был взгляд человека пробудившегося от какого-то долгого оцепенения и теперь с удивлением (и даже некоторым испугом) смотрящего на мир вокруг.

– У тебя тоже что-то необычное было?

– Ага, – кивнул я головой, – очень странные видения, или галлюцинации... даже не знаю, что подумать...

– Потом, – перебил меня отец Иван. – Все потом обсудим. Не обижайся, но я отчего-то чувствую, что сейчас не место и не время эту Брамму обсуждать. К тому же, скоро село. Надо быть полностью в форме. Так что, потом.

– Хорошо, – согласился я, – потом, так потом.

Дальше мы шагали молча.

Человек из Браны

По обочинам дороги показалась целая цепочка плакатов. И каких! Я такие лет пятнадцать, если не больше, не видел. Плакаты эпохи перестройки. Причем, плакаты были не то что бы свежеекрашенные, но и не ржавые, не ободранные и не облупленные, что бы с ними неминуемо произошло за пятнадцать с лишним лет. А значит, за плакатами изредка, но следят. Но, зачем, с какой целью?!

Всеми виной аномальная зона, – подумал я. – У них что-то случилось со временем. Ни с самим временем, а, скажем, с осознанием времени. То есть, объективно люди знают, что на дворе начало 21 века – приходится же им выезжать, или телевизор смотреть, радио слушать. Но, по ощущению времени, они там, в перестроечной, а скорее даже советской эпохе.

Я принялся жадно рассматривать плакаты, будто ища в них самих разгадку. Первый плакат гордо гласил:

«Мы от своей линии на мир не отступим!» Прямо под лозунгом красовалось – М.С. Горбачев. Ниже, во весь плакат были изображены красные серп и молот. С ручки серпа свисал кроваво-красный ленинский декрет о мире, а на фоне тяжелого молота порхал белый голубь, голубь мира.

Следующий плакат был настолько классически-перестроечным, что вызвал в моей душе целую ностальгическую гамму чувств по безвозвратно ушедшей юности. На плакате были нарисованы советские люди разных профессий. И такая до боли знакомая надпись была над ними: «перестройка, демократия, гласность».

Дальше шли – «постановления XXVII Съезда Партии в жизнь». Потом – «ускорение», и «пьянству бой».

– Как все это понимать? – ошарашено спросил я отца Ивана.

– Не знаю, Дима, какой-то Советский Союз, просто, – батюшка выглядел изумленным не меньше меня. – Да, забросил меня епископ... Ладно, расслабляться нельзя, вперед и с именем Христовым.

Сразу за плакатами шел указатель с надписью «село Красный Кут».

– Прибыли, брат, наконец-то, – устало сказал отец Иван. – Теперь нам к сельсовету. В самый центр.

Едва только миновали указатель, как тополя по обочинам дороги расступились, и взору открылось село. Я ожидал увидеть небольшой хуторок. Но даже невооруженным глазом было заметно, что село будет, пожалуй, раза в полтора (если не больше) крупнее Черноморки. Вот тебе и «страшная дыра», «глушь», «отдаленнейшее село»!

Трассу, по которой мы шли, пересекала одна улица, вдали змеилась еще одна параллельная ей. За ней, по контурам лесопосадки, смутно угадывалась еще одна. Уже на первой от нас улице, отчетливо блестела на солнце крыша двухэтажного здания, гораздо крупнее, чем сельсовет в Черноморке – что-то похожее на школу.

При входе в село нам навстречу попала легковая машина. Опять это был «москвич». На этот раз вызывающе-красного цвета. И за рулем, о, ужас, сидел кореец. Только другой. Помоложе, поплотнее и не такой загорелый.

Подъехав к нам, машина сбавила ход. Водитель-кореец неотрывно смотрел на нас. Его взгляд показался мне очень странным; в нем ощущалось нечто мутное и холодное, даже мертвецкое, словно на нас смотрел зомби, а не человек. В то же время взгляд водителя «москвича» был наполнен довольно живым и очень недобрим вниманием к нам, как, наверное, к опасным конкурентам. В общем, ничего хорошего нам этот взгляд не обещал.

Вдоволь на нас наглядевшись, кореец дал полный газ, и вскоре машина скрылась среди тополей.

– Итак, Дима, – грустно сказал отец Иван. – Первая проблема у нас есть. Корейцы-иеговисты. Впрочем, думаю, это наименьшая из проблем... Ладно, друг мой, входим в село. Хоть и устали, но постараемся выглядеть бодрее и жизнерадостнее. Мы теперь представители церкви. И от того, как мы войдем, многое зависит. Поверь моему опыту.

– Верю, – охотно согласился я.

Мы вошли в село и двинулись к центру. С виду все было как в Черноморке. Только местность плоская. А так, те же сельские хаты, где побогаче, где победнее. Редкие прохожие здоровались с нами. Правда, бывало, останавливались и смотрели вслед. С несколько странным выражением лица. Или это мне только казалось.

В центре села было сразу несколько двухэтажных зданий. Одно здание представляло собой сезонное общежитие, второе сельсовет, третье, было бывшим детским садиком. Именно в детском садике, на втором этаже и должна быть церковь.

В центральной пуповине села, в месте пересечения улиц, было даже что-то вроде мини-площади, в центре которой, как и положено, стоял памятник вождю мировой революции. Ленин точно такой же, как и в Черноморке, только, может быть, немного более ухоженный.

Возле памятника Ильичу рос большой раскидистый тополь и пара плакучих ив. Под деревьями было несколько скамеек для отдыха; обшарпанных, с частично переломанными «ребрами», но вполне годными для сидения. Центр Красного Кута производил даже некоторое культурное впечатление.

Мы направили свои стопы к сельсовету. Здание сельсовета и по форме и по размерам было таким же, как и в Черноморке. Возле единственного входа в казенную двухэтажку красовалась черная «Волга». Машина подобной марки могла принадлежать только председателю сельсовета. В этом ни у меня, ни у отца Ивана сомнений не было. А значит, начальство здесь... Мы невольно прибавили шаг.

Председателя краснокутовского сельсовета (или голову, по-украински) обнаружили на втором этаже. Поначалу мы нерешительно топтались на первом этаже, удивляясь полному отсутствию людей в здании. Простучав во все двери (их было всего четыре и все без табличек) и услышав в ответ сухую канцелярскую тишину, решили подняться наверх. Где и столкнулись с невысоким кучерявым и жизнерадостным человеком, лет пятидесяти, который и оказался председателем. Он как раз выходил из собственного кабинета.

– Вы до мэнь? – Весело спросил нас голова. Отец Иван кивнул. Затем вежливо и лаконично объяснил, кто мы такие и что нам нужно.

– Проходите, – сказал председатель, отворяя нам дверь своего кабинета.

Кабинет у головы был небольшой, чистый и уютный. На стене, напротив входной двери, висело увеличенное фото ныне действующего президента Украины. Фото было вставлено в рамку. Из книжного шкафа робко выглядывал портрет вождя мировой революции. Рядом с книжным шкафом, на подставке, красовался дорогой телевизор с плоским плазменным экраном.

На большом рабочем столе лежал объемный старомодный портфель из желтой крокодиловой кожи и с двумя замками. Такие портфели мне приходилось видеть разве что в старых советских фильмах, в руках мелкой партноменклатуры.

Едва я подумал о «совдеповской» партноменклатуре, как портфель мелодично затренькал. Председатель открыл портфель, порылся в нем руками и извлек на свет Божий самый обычный мобильный телефон.

– Прошу прощения, – сказал нам голова и бросил несколько слов в телефон о том, что он будет, где-то через час, как договаривались. Положив телефон обратно в портфель, голова, как ни в чем не бывало, сказал нам:

– Слухаю вас.

Пришлось отцу Ивану объяснять все сначала.

Голова произвел на меня впечатление человека постоянно думающего о каких-то своих делах (так и хочется сказать – делишках). Все остальное, что к делишкам отношения не имеет, он воспринимает вполуха, вскользь.

Вот и сейчас, говорит нам, что не против возобновления в селе церковной деятельности. А сам думает о чем-то своем. Думает о своем даже когда нас спрашивает, мол, не будем ли мы пропадать, как предыдущий поп пропал.

На осторожный вопрос отца Ивана, что же все-таки с иеромонахом Василием произошло, председатель простодушно пожимает плечами и отвечает:

– Пропал. Пропал и все тут. Никто ничего не знает.

Что ж, нам оставалось перейти к более конкретным делам. Переезжать решили через два дня. Председатель пообещал прислать машину. Жить будем, как и предполагалось, в совершенно пустом общежитии. Ну а дальше разберемся.

Кинув очередной беглый взгляд на часы, голова доверительно сообщил нам, что он, лично, не против церкви и вообще православный коммунист, если можно так выразиться. А пока он очень просит его простить. Ему надо срочно отбыть в Алексеевку.

Сразу после этих слов председатель быстро вскочил и буквально выкатился вместе с нами из кабинета. В коридоре он еще раз махнул нам своим старомодным портфелем, пожелал всех благ и стремительно скатился с лестницы.

– А ведь в Алексеевку-то можно только через Черноморку попасть, другой дороги нет, – сказал отец Иван и горько вздохнул. – А он и подвезти не предложил... Коммерсант.

Мы вышли из сельсовета и тронулись в обратный путь. Тут только я почувствовал, насколько устал. Ноги буквально налились свинцом и едва волочились. Но только оказались за пределами села, как свинцовая тяжесть покинула нас. И словно второе дыхание открылось.

Мы миновали плакаты. Стали приближаться к Бrame. Разговоры затихли сами собой. Наконец, показалась Брама, и я ощутил, как колотится мое сердце.

Хочется, чтобы мое видение оказалось сном, не больше – тревожно подумал я. – Ибо больше – это опасно для души, мир духов, прелесть бесовская... И все же, положив руку на сердце, разве не возникает в глубине души желания еще раз увидеть прекрасный холм с прекрасными деревьями. Может, теперь пойму, что они хотели мне сказать...

Поравнявшись с Бrameй, мы невольно замедлили шаг. Я опять взгляделся в проем, теперь немного освещенный заходящим солнцем, и вдруг, к немалому своему удивлению увидел, как оттуда вышел человек.

Человек не был видением, он был абсолютно реален, как и мы, из плоти и крови. Я это понял как-то сразу, наверное, «шестым чувством» и тут же дернул за рукав отца Ивана:

– Смотри! Там человек!

– Точно, человек! – отец Иван был удивлен не меньше меня.

Человек из Бrameы неторопливо оглядел местность возле проема. И тут заметил нас. Махнув нам рукой, вполне дружелюбно (это одно уже согрело душу), он поднял с земли велосипед и двинулся к нам.

Через минуту «человек из Бrameы» уже стоял со своим велосипедом у самой обочины дороги, возле непроходимого колючего кустарника. Приветливо улыбался. Дружелюбие, приветливость, казалось, сквозили в каждой его клеточке. И это было так необычно после угрюмых, настороженных, озабоченных, усталых лиц, виденных нами до этого.

«Человек из Бrameы» был не похож на местного жителя, не похож и на современного горожанина. Больше всего он напоминал старого советского интеллигента – средних лет, среднего роста, худощавый; густые русые волосы по-старомодному зачесаны

назад, широкий открытый лоб, прямой немного мясистый нос и очень худое загорелое лицо с большими карими глазами. И очень интересный взгляд: открытый, пронзительный и одновременно мечтательный.

На мгновение в моей голове промелькнула фантастическая мысль, что человек с велосипедом не из нашего времени, а в наше... ну, конечно же, через Брамму угодил!

Впрочем, уже через секунду все стало на свои места. Человек с велосипедом улыбнулся своей обескураживающей улыбкой и спросил отца Ивана:

– Простите, Вы наш новый батюшка?

– Точно так, – ответил отец Иван, – а Вы?

– Николай, – тут же назвался человек и, подняв над головой свой велосипед, быстро прошел через непроходимый колючий кустарник. Буквально секунд через десять он уже стоял перед нами, точнее, перед отцом Иваном, сложив руки лодочкой:

– Благословите.

Отец Иван немного растерялся. Но после короткой заминки, благословил Николая от души, даже обнял.

– Простите, – еле слышно пробормотал покрасневший Николай – и когда Вы к нам, на жительство?

– Рассчитываем на послепослезавтра.

– Значит, послепослезавтра, – мечтательно повторил Николай, поднимая своего «коня».

– Еще раз, извините за беспокойство, – он снова улыбнулся своей доброжелательной улыбкой и вскочил в седло.

– Если не секрет, а что Вы там делали? – не удержался я.

Николай проследил за моими глазами.

– Возле Браммы? – переспросил он и как-то весь напрягся, ушел в себя, словно улитка в раковину.

– Угу, – подтвердил я, – возле Браммы.

– Да, так, – нехотя выдавил Николай, – ключик искал... Значит, послепослезавтра.

И он помчался от нас в сторону села.

Мы молча смотрели ему вслед. Пока он не скрылся среди тополей и плакатов перестроенной эпохи.

– Слушай, а как это он через кусты прошел? – спросил я батюшку.

– Не знаю, давай посмотрим, – рассеянно ответил отец Иван и добавил – странный, очень странный человек. Но, добрый. И на нашей стороне! И это, Дима, меня начинает радовать...

Мы спустились с дороги и сколько ни ходили вдоль непроходимых кустов, даже намек на тропинку не нашли. Продраться через кусты напролом, да еще и с велосипедом казалось невозможным.

Снежинки

– Да, брат, все в жизни взаимосвязано, – сказал мне отец Иван на следующий день. – Я вчера так это ясно, возле Браммы, увидел. Я всю свою жизнь, как бы со стороны, на ладони, увидел! И все это в несколько секунд! Говорят, так бывает перед смертью. Я и подумал, что умираю... Да, дружище, мне и сейчас кажется, будто я умер. И заново родился. Точнее, переродился.

Отец Иван сделал небольшую паузу и продолжил, с трудом роняя слова:

– Понимаю, немного отдает мистицизмом, причем дешевым – умер-переродился – но, друг мой, я просто по-другому не знаю, как все это объяснить.

Батюшка мучительно напряг свой загорелый лоб и быстро, скороговоркой закончил:

– Только не подумай, что я стал там каким-то просветленным, или прочее. Нет, конечно. Думаю, духовности во мне немного прибавилось, но что-то внутри изменилось, почти неощутимо изменилось. Что, пока и сам не пойму... Впрочем, Дима, это так сказать, личное. Самое же интересное для нашего дела, вот что... Даже не знаю, как подать... я видел отца Василия! Да, именно его, в какой-то пещере. Странно, конечно, откуда здесь пещеры, но, тем не менее, это был он! И это не все! Он стоял в окружение каких-то бородатых карликов. Знаешь, как лилипуты в цирке: все в старинных таких кафтанах. Все с длинными, пышными, прямо архиерейскими бородами и с... топорами. Огромные такие топоры, странно изогнутые. В жизни таких не видел. Да и лилипутов, кажется, таких не бывает.

– А это точно иеромонах Василий был? Ты же говорил, что незнаком с ним.

– Да, незнаком, – вздохнул отец Иван, – но в этом видении, у Браммы, я точно знал, что это отец Василий.

– Тогда интересный образный ряд получается, если символически толковать. Смотри: пещера может означать, что отец Василий ушел из Православной церкви в какую-нибудь катакомбную секту. Лилипуты с архиерейскими бородами, это их лжеучителя. Ну а топоры у них в руках, могут означать их отношения ко всем, кто не с ними. То есть, неприятие, если ни ненависть.

– Может быть, может быть. Только, Дима, не думаю, что ларчик открывается так просто.

Отец Иван уставился невидящими глазами в серое и мутное пространство за окном, где сеялся унылый, ледяной дождь, периодически переходящий в мокрый снег. Еще вчера сияло весеннее солнышко, зеленела травка и паслись овечки... и вот, на тебе. И, кажется, во всем этом виновата эта аномальная зона.

Поначалу, со стороны моря, появилась зловещая черная туча, в ней даже что-то сверкало и клубилось. Мы как раз возвращались обратно в Черноморку, только что миновали неприятный курган, случайно обернулись и тут ее увидели. Туча только еще вставала над горизонтом, но на фоне зловещего кургана выглядела жутко. Туча двигалась прямо на нас! Ничего не оставалось делать, как со всех ног кинуться в наше убежище, в Черноморку.

Несмотря на то, что до села было еще не менее десяти километров, мы все же успели достичь нашего дома раньше тучи. Когда входили в Черноморку, я был едва живой. Смутно помню глубокие сумерки, переходящие в ночь. На улице ни единой души, даже собаки не лают – гробовая, выжидающая тишина. На небе уже вовсю горят равнодушные звезды, а сзади, за нами, буквально по пятам движется стена мрака.

Едва мы ввалились в нашу «нору», как на мир обрушился сильный ветер вместе с тоннами песка. Поднялась самая настоящая песчаная буря. Буря, правда, довольно быстро стихла, но после нее сразу же похолодало. Пошел мелкий и частый дождь со снегом.

Сегодня с утра та же погода. Еще я ухитрился натереть огромную водянистую мозоль на пятке. Так что это просто счастье, что мы не сегодня переезжаем. Вот и сидим на кухне попиваем чаек и обсуждаем наши вчерашние приключения.

– Ты знаешь, – нарушил долгое молчание отец Иван, – а мне нравится даже, что все так получается. Эта Брама для нас, может быть, Милость Божья! Ведь не сами же мы все это придумали или выбрали! Более того, я именно и хотел подать за штат, когда узнал, что меня в аномальную дыру посылают, такую, что здесь попы пропадают. Но теперь вижу, что все не просто так. Правда, пока совсем не ясно, куда дело повернет, но то, что перемены будут, это точно. И это все изменит.

Отец Иван улыбнулся.

– Ну а что ты, все-таки, про мои видения возле Браммы думаешь? – спросил я. – Бесовщина?

– Свет на холме точно не бесовщина. Да и сам холм образ очень хороший, библейский такой. Деревья, как мне кажется, что-то личное, твое. Ну а вот тьма и лиловая луна... сдается мне, что местная нечисть очень недовольна нашим вчерашним появлением. Тучу помнишь?

– Еще бы!

– У меня такое чувство, – продолжил батюшка, – что нам поможет разобраться во всем Николай.

– Да, Николай! – воскликнул я, – этот человек из Браммы – интереснейший тип! До сих пор понять не могу, как он через кусты прошел?!

– Вот тебя зациклило на кустах, – рассмеялся отец Иван. – Как прошел, как прошел... Ладно, придет время, лично у него поинтересуешься насчет кустов. – Отец Иван престал смеяться и снова впал в задумчивость:

– На самом деле, друг мой, мне интереснее другое. Что Николай вообще там делал?! В аномальной зоне! Я не думаю, что местные там особо любят гулять. Обратил внимание, рядом с этой Браммой нет ни колхозных полей, ни пасущихся овец – ни-че-го! Мертвая зона.

– Да, – подхватил я, – а тут человек не просто возле Браммы гуляет, а выходит из самой что ни на есть Браммы. И ведь как смутился, когда я его спросил насчет того, что он там делал. Ключик, говорит, искал.

– Ключик искал, – эхом повторил отец Иван. – Знаем, брат, мы эти ключики. Есть у меня некоторое предположение... Он не местный, хотя и живет в селе. Это видно по нему. Для стандартного городского жителя так же странноват. Зачем-то лазит в этой Брамме, что-то ищет. Внешность неординарная. Кто он тогда? Уфолог? Как там еще называются исследователи аномальных зон и паранормальных явлений? Вот. Скорее всего, когда-то приехал в Красный Кут, исследовать Брамму. Да здесь по неведомым нам причинам и остался.

– Странно, уфолог и верующий, – возразил я. – Ведь это у него не поза была, когда он к тебе под благословление подошел. Ему требовалось, это было видно, требовалось благословление священника.

– Верно. Я это почувствовал. Кажется, он верующий человек.

– Дык уфолог, – снова возразил я.

– Ах, тебя смущает уфолог и верующий в одном лице?.. Кстати, почему же, обязательно уфолог? Уфологи, это, по-моему, те, кто за тарелочками бегают. А Николай, может, просто исследователь аномальных зон. Понятно дело, что не монах, но и мы не без греха.

– Да, возможно, во мне говорят прежние привычки, борьба с сектами и прочее... Хорошо. Но почему тогда он так смутился, когда я его спросил конкретно, что он там делает, в Брамме?

– Наверное, и смутился, – ответил отец Иван, – что ты его конкретно спросил. Может это его тайна. Может, его тот же отец Василий зашугал. Например – пока шагать на Брамму не бросишь, к Причастию не допущу. Или что-то в этом роде. А он не в силах увлечение всей своей жизни бросить, или что там еще.

– Увидим. Только я не Василий. Я с ходу рубить не буду. Мне самому интересно будет послушать Николая.

***

На следующее утро меня разбудил бодрый, слегка гнусавый мужской голос на фоне

космического свиста. Я открыл глаза. Отец Иван задумчиво сидел в кресле, он слушал радио.

– Неужели, – сказал я, зевая, – у отца Михаила ничего нет, кроме радио?

– Чем тебя радио не устраивает? – спросил отец Иван.

– Не знаю, не могу, хоть убей, информацию по радио воспринимать. Не привык.

Отец Иван выключил радио и подошел к окну:

– У меня такое чувство, – сказал он, – что в мире что-то происходит. Во всем мире! Что-то сдвигается с незыблемой многовековой оси... Тут, друг мой, или конец долготерпению Божьему, или, действительно, все изменится. Хочется верить во второе. Я оптимист. Не все еще так плохо. Хотя порой и кажется, что конец. Но это от малодушия и маловерия. Это от страха. Нет, не все еще потеряно... Вот, хочешь посмотреть? Это вселяет надежду.

Я встал и подошел к отцу Ивану. Мы, как зачарованные, смотрели. За окном была удивительная, для этих мест, погода: тихое безмолвие и безветрие и огромные, огромные снежинки медленно опускались на землю и таяли.

Снежинки появлялись как маленькие чуть-чуть синеватые точки на фоне светло-серого неба. Плавно и даже величаво они опускались вниз, становились белыми, увеличиваясь в размерах. Вот уже можно было легко разглядеть узор, на каждой из проплывающих мимо окна снежинок. А спустя какие-то секунды эти чудные Божии творения опускались в серо-коричневую грязь дороги и исчезали.

Не знаю, сколько мы простояли возле окна. Кажется, я «выпал из времени и пространства». Я погрузился в мир бесконечно летящих и танцующих от радости снежинок. Снежинки искренне радовались мне, стоящему рядом со мной отцу Ивану и всему этому унылому серому миру.

И тут сквозь светло-серые тучи внезапно блеснул луч солнца. Мы очнулись.

– Надо потихоньку собираться, – сказал отец Иван. – Надеюсь, председатель сельсовета свое слово сдержит.

Краснокутовский голова свое слово сдержал. Во второй половине дня за нами пришла машина. Это была старенькая заляпанная грязью «Нива» темно-синего цвета. За рулем сидел немного угрюмый, мордатый бугай, где-то тех же лет, что и председатель. Он и назвался «кумом головы».

Погрузив в багажник машины наши нехитрые пожитки, тронулись в путь. Вся дорога заняла от силы минут двадцать! У меня было такое ощущение, что машина словно сожрала время и пространство. Все чудесное, все, что нам казалось значительным, все эти тропки, пастухи и курганы - все исчезло, будто и не существовало вовсе! Будто это и не мы два дня назад совершали наш пеший путь. И не с нами случилось столько происшествий. Даже Брама из окна машины выглядела унылым мокрым холмиком. Было удивительно вспоминать наши видения в этом месте, встрече с «чудным» Николаем.

Вдруг мне подумалось, что окружающая Браму степь удивительно похожа на плоскость канцелярского стола, стоящего в кабинете у головы сельсовета. Она так же безжизненна и безобразна. И так же не оставляет следов в памяти.

Пожалуй, все, что запомнилось из этого путешествия, так это лужи. В Черноморке они были небольшие, но частые. По мере же приближения к Красному Куту лужи становились все больше и больше, но реже. Наконец, на повороте к Бrame нам попала просто огромная лужища. Обезжая ее, водитель тихо выругался.

Нас поселили на втором этаже. Комендант общежития – невысокая пожилая женщина, немного медлительная и малоразговорчивая – сообщила нам, что мы пока единственные его обитатели. Она же выдала нам матрасы и одеяла и показала крохотную комнатку, в которой нам предстояло жить.

Комнатка была прямоугольной формы. По длине комнатки, вдоль стен, стояли две кровати, между ними был узкий проход, настолько узкий, что мы с отцом Иваном едва в нем развернулись.

Комната оканчивалась самым обычным окном с давно нестиранными мутно-серыми занавесками. Под окном стояла небольшая тумбочка с полукрытой покосившейся дверцей. Возле тумбочки сиротливо скучал пустой банный таз. В тазу лежала дохлая муха.

На прощание малоразговорчивая комендантша вручила отцу Ивану ключи от обычных входных дверей и ключи от больших решетчатых ворот, что ограждали единственную лестницу на второй этаж. Об этих железных воротах комендантша почему-то беспокоилась более всего:

– Хлопцы, коли уходите, зачиняйте⁴ браму. – Сказала она и несколько раз повторила, – зачиняйте браму, коли уходите, не забывайте, зачиняйте браму.

При слове «брама» я зябко повел плечами. Но тут же, вспомнил, что «брамой» называют не только проходы в холмах, но и обычные ворота. Комендантша ушла. А меня еще раз передернуло. На этот раз от холода. Внутри общежития было неправдоподобно холодно, как в ледяном доме.

– Я в сельсовет, за обогревателем, – сказал отец Иван, и я увидел, как изо рта у него вышла струйка пара.

– Помочь?

– Не надо, я сам.

Отец Иван ушел, а я решил осмотреться. Первым делом поглядел в окно. Оно выходило на северную сторону здания (меня снова передернуло от холода); на безлюдный пустырь, плотно заросший могучими старыми деревьями и молодыми деревцами, хилыми, искривленными от нехватки солнца. За деревьями не было видно ничего, но я уже знал, что за пустырем находится небольшой одноэтажный клуб, где иногда устраиваются дискотеки и еще реже торжественные сельские собрания.

Сразу за нашим окном рос огромный и корявый от старости каштан. На его голых ветвях я заметил очень странные и большие серые наросты. Я даже не знал, что подумать; форма наростов казалась мне смутно знакомой.

Один из наростов пошевелился. На мгновение мигнул большой круглый глаз. До меня, наконец, дошло – да это же огромные ночные птицы, совы или филины. Я их не очень различаю. И сколько их, целая стая! Надо будет отцу Ивану показать, страшная глушь, – подумал я и вышел в коридор.

Несмотря на небольшие размеры здания, коридор казался длинным и таинственным. Восточная его часть утопала в мягком и пыльном полумраке, а в западную часть (в эту сторону коридор оканчивался окном) били первые косые лучи клонящегося к закату солнца.

Я подошел к коридорному окну и заглянул в него. С этой стороны деревьев не было. За окном так же простирался пустырь, но только не такой большой. На пустыре пучками росли колючие кусты, наподобие тех, что попадались нам в степи по бокам дороги и возле Браны.

---

⁴ зачиняйте (укр.) - закрывайте

Вернулся отец Иван с дорогим финским камином под мышкой.

– Ну и холодина здесь, – сказал он. – На улице намного теплее. Опять пришла весна. Небо ясное, солнышко даже пригревает. Я уже первые листочки видел.

– Так, может, пойдём на улицу греться?

– Пойдём на улицу греться, – задумчиво повторил отец Иван. – Парадоксально звучит. Нелепо – пойдём на улицу греться. А то замерзнем дома.

Я вспомнил про сов.

– Это ещё не все парадоксы. Соседей наших хочешь посмотреть?

– Соседей?!

Я подошел к окну и подозвал отца Ивана.

– Смотри, – сказал я и показал рукой на сидящих сов, чем-то, действительно, напоминавших огромные серые наросты выцветшего мха, или лишая.

– Что за очередная напасть, – батюшка сощурился. – Похоже, живые существа... совы?

– Угадал.

– Ничего себе, никогда их в таком количестве не видел... Ладно, будем жить с совами... Если не замерзнем.

Камин был включен «на полную» и поставлен в проходе между кроватями. Мы сели, каждый на свою постель и в нетерпении вытянули над финским чудом техники озябшие руки.

– На улицу не пойдём, – сказал отец Иван, когда первое живительное тепло побежало по рукам. – Надо нам, брат, комнату хоть маленько прогреть. Нам здесь спать. А вообще... странные тут дела творятся. Все хуже, чем я думал... Ключей от церкви нет. Приход, если он был, непонятно где. Странно, чем же здесь Василий занимался? Или голова сельсовета не в курсе церковных дел? Странно.

Отец Иван помолчал, потом снова тихо заговорил, обращаясь уже не столько ко мне, сколько вслух отвечая на свои собственные мысли:

– Конечно, голова не в курсе... Конечно. Но в том случае, если они тайно, как ранние христиане, собираются... Кино и немцы. Никогда б не поверил. Однако тут же Брама, как же я забыл, аномальная зона, у всех, наверное, вывих сознания...

– И феноменальная глушь, добавил я. – Совы под окном.

– Что? – Отец Иван очнулся. – Ах да, глушь... Так вот, староста здешней церкви исчез. Или вместе с отцом Василием исчез, или после него. Правда, с месяц назад он появлялся. Рассказывал, что переехал жить в Алексеевку. Однако ходят упорные слухи, что его нет в этой самой Алексеевке. Верней, был да сплыл. А вместе с ним и ключи от церкви. А теперь, представь, мы начинаем нашу миссию со взлома церковной двери. А? Какой подарок иеговистам для антицерковной пропаганды! Короче, брат, надо, во что бы то ни стало, ключи отыскать. Вот... А ты говоришь совы под окном.

С минуту мы молча грели руки. Отец Иван заговорил снова:

– Да, ещё те немногие, что церковь посещали, чем-то сильно напуганы. Все, как воды в рот набрали. Никто ничего не бачив; яка церква, нема у нас ни якої церкви... Бред.

– Почему бред, – спокойно возразил я. – А иеговисты. Неужели ты думаешь, что они тут спокойно будут смотреть на то, как в их законной глухомани православная церковь появилась. Или будут тут интеллектуальные диспуты вести. Нет. Достаточно было посмотреть на перекошенное от злости лицо того корейца, что меня подвозил. Тут, батюшка, иллюзий никаких.

– Да нет здесь у меня иллюзий, – вздохнул отец Иван. – Неужели ты думаешь, что я прямо такой уж либерал. Просто я с крестом и анафемами не собираюсь тут бегать. Но то, что они, иеговисты, сектанты, тут, брат, сомнений быть не может.

– Более того, – продолжил я с видом знатока сектологии, – здесь, в глухомани, они

могут быть и опасной сектой. Зачем им здесь городская дипломатия. К тому же смотри, возьмем корейцев иеговистов. Они имеют поля. А для местных тут вряд ли какая работа есть. Все ж наверняка развалено. Получаются, работодатели кто? Корейцы-иеговисты. Так что, думаю, им было несложно запугать людей церковных. Вдобавок, церковных без пяти минут.

– Соображаешь, – воскликнул отец Иван и рассмеялся, хлопнув меня по плечу. – Молодец, Дима, мозги есть. Я тоже об этом подумывал. А теперь, самое интересное! Староста у отца Василия также был корейцем!

– Что ж, – пожал я плечами, – корейцы тоже спастись хотят.

– Истинно так, но не здесь ли собака зарыта... Хорошо. Завтра сходим до одной певчей. Голова дал адрес. Она вроде как в небольшом конфликте с отцом Василием была. Может, что выясним... Ладно. Холодно... И кушать хочется.

Отец Иван порылся в своем дипломате и извлек на свет Божий пачку чая, луковичу и два засохших пряника.

– И это все?

– Все, – сказал отец Иван. – Будем поститься. Как раз Великий Пост.

Мы выпили по чашке крепкого чая и съели по прянику. Однако вместо того, что б хоть немного насытиться, я, напротив, почувствовал острое чувство голода. Крепкий чай согрел и взбодрил организм. И вслед за оживлением телесной жизни пришло здоровое ощущение голода.

Но больше всего доканывал холод. Казалось, что он проникает в самую душу и там леденит чувства и мысли. Делает их вялыми и тупыми. А вместе с голодом еще и мучительно тупыми, животными.

Камин работал на полную мощность весь вечер, но температура в нашей крохотной комнате не повысилась ни на один градус. Мы так и просидели над камином, не раздеваясь, в куртках. «Чудо финской техники» могло согреть лишь наши озябшие руки, а уже в спины нам дышал ледяной холод. Видимо, стены общежития за короткую, но ветреную и холодную зиму успели промерзнуть до основания. Теперь прогреть их не так-то просто.

Спать также легли в куртках. Мало того, пришлось надеть шапку – мерзла даже голова. В замерзшей голове навязчиво крутилось строка из песни Гребенщикова: «Боже, храни полярников с их бесконечной зимой...»

– Хорошее начало для нашей миссии, – сказал в ледяной сумрак отец Иван. – Осталось нам замерзнуть здесь, и будем мучениками. Представляешь? Какой шум поднимется. Епископу сообщат. Епископ соберет епархию и скажет: поп Иван и его псаломщик так старались задание выполнить, что замерзли насмерть. Представляешь?

Я живо себе представил, как утром находят наши замерзшие тела, как собирается епархиальная комиссия, дабы почтить двух великих мучеников, что умудрились в конце марта замерзнуть насмерть. И ни где-то там, в степи, а в обычном общежитии.

Картина получалась столь нелепая, что я улыбнулся и тут же рассмеялся. Батюшка, впрочем, тоже хихикал. Не знаю, но от смеха стало как-то теплей. Я даже и не заметил, как задремал.

Снился мне Николай, что выходил улыбаясь из Брамы. А в руках нес полный казанок горячей вареной картошки.

Спустя какое-то время Николай приснился вновь. Он опять выходил из Брамы. На этот раз в руках у него был большой горшок с землей, а в горшке росло то самое белое дерево, что было в моем видении возле Брамы. Николай аккуратно поставил горшок на землю, наклонился и стал что-то искать в сухой прошлогодней траве. Я двинулся к нему, но он (как это бывает обычно во сне), вдруг куда-то исчез.

Передо мной вновь возник Холм, из моего видения. Вершина Холма была озарена мягким звездным светом – в небе горели необычайно крупные жемчужные россыпи

звезд. И опять я увидел те три дерева, из видения. Они вновь хотели мне что-то сказать. И, кажется, я их почти понимал... Но тут проснулся. Заснул снова. Увы, больше сновидений не было.

Темная завеса

Утром следующего дня мы с трудом оторвали деревянные окоченевшие тела от кроватей. Попили крепкий горячий чай без ничего. Минут через пять меня вырвало этим чаем. Взбунтовался пустой желудок. Однако под конец тонизирующий напиток все-таки взял свое. Не сказать, что стало совсем хорошо, но прогуляться по селу, делая при этом вид бодрых постников, вполне было можно. Например, до певчей.

Певчая жила на той же улице, что и мы, только с другого краю и почти в самом конце села. Выйдя из общежития, мы сразу же повернули налево, пересекли трассу, по которой прибыли сюда из Черноморки и двинулись в конец села.

Долго мы стучали в ворота дома певчей, но к нам так никто и не вышел, только собачка во дворе рвалась с цепи. Впрочем, было ощущение (и у меня и у отца Ивана), что в доме кто-то есть. Даже как будто занавески в окне колыхнулись.

– Хозяйка! – громко крикнул отец Иван. Но никто нам не ответил. Только налетел на нас легкий весенний порыв ветра и принес с полей запах вспаханной земли пополам с навозом.

Мы еще постояли какое-то время. Я бездумно разглядывал гибкие лозы винограда, что тянулись из глубины двора к самым воротам, и абрикосовое, готовое вот-вот зацвести дерево возле этих же ворот, ворот которые так перед нами и не открылись.

– Пойдем, что ли, – сказал отец Иван упавшим голосом.

Вернулись в ледяную общагу и попробовали, что б хоть как-то развеяться, заняться подготовкой к службе. Однако все валилось из наших рук. Особенно из рук отца Ивана.

Так проползли мучительные несколько часов. Отец Иван, видимо, совсем изведя себя переживаниями, вдруг вскочил и выбежал из комнаты со словами: «Я сейчас, через час буду».

Оставшись один, я решил еще раз исследовать наш ледяной дом. Оказалось, что все комнаты на втором этаже не заперты. Комнаты были с двумя кроватями, как у нас, и с четырьмя. На первом этаже все комнаты под замком. (Вот, наверное, почему так переживает насчет брамы комендантша).

Вернулся назад, но не в нашу комнату, а в комнату напротив. Она была «четырёхместной» и с двумя большими окнами, которые выходили на южную сторону. В окна щедро светило весеннее солнышко. Я сел на кровать и подставил свое озябшее тело под солнечные лучи. Солнце оказалось гораздо эффективнее финского чудокамина. Прошло минут двадцать, и я так прогрелся, что невольно задремал.

Сколько я дремал, не знаю, но в какой-то момент сквозь дрему услышал, как звякнула железная брама и на лестнице послышались шаги. Я был уверен, что это комендантша (не знаю, может, она мне снилась), поэтому вскочил, и аккуратно прикрыв за собой дверь, кинулся в нашу комнату.

Едва успел сесть на кровать и принять непринужденную позу, как дверь распахнулась; но за дверью была не комендантша, за дверью стоял отец Иван. Он был спокойным и сосредоточенным.

– Договорился с головой, завтра с ним вместе едем в Алексеевку. Он по своим делам, а мы попытаемся отыскать этого старосту и забрать у него ключи.

– Здорово, – сказал я. – Если только я до завтра с голода не умру.

Отец Иван наполнил банку водой и, опустив туда кипяtilьник, воткнул его в

розетку.

– Не умрешь, – сказал он, – думаю, вечером поедим.

– У головы?

– Нет, у Николая.

– Ты видел Николая! – Я даже не заметил, как привстал с кровати.

– Нет, не видел, – спокойно ответил отец Иван, наблюдая за движением пузырьков в закипающей воде, – но я узнал, где он живет.

– Как узнал? Давай, рассказывай.

– Да рассказывать особенно нечего. Просто я еще раз к этой певчей ходил. Долго стучал. Вышла молоденькая девушка, симпатичная такая, и сказала, что мамы нет. Мама, мол, в городе на курсах по повышению квалификации.

– Оказывается, певчая эта учителем в местной школе работает. Ну, я говорю, мол, я ваш новый батюшка. Впрочем, думаю, она и сама догадалась. И тут она знаешь, что выдала! Вам говорит здесь служить опасно. Эти иеговы. Это они, наверное, куда-то отца Василия увезли. Я говорю, что меня как раз епископ и благословил разобраться, что здесь у вас произошло с отцом Василием. Она еще больше испугалась. Видимо, уже и не рада была, что сказала насчет иеговистов и Василия. Ну и говорит, что, мол, Вам с Николаем надо поговорить. Он больше знает. И рассказывает, где этот Николай живет.

– Так что Николай, сдается мне, единственный тут человек, кто владеет хоть какой-то информацией, и возможно он один не испуган. Все-таки репутация чудака у него в селе. Это мне девочка та сказала. Но тут я с ней полностью согласился. Так что, Дима, как стемнеет, сходим к нему.

Отец Иван отключил кипятильник и «щедрой рукой» засыпал заварку.

– И далеко он живет? – поинтересовался я.

– На самом краю села. На отшибе. Но отсюда есть прямая тропинка к нему. Да и село собственно не такое уж и большое.

Выпили чаю. И опять на короткое время стало не очень хорошо. Но вот волна предательской слабости сменилась бодростью, правда какой-то отстраненной, космической. Видимо, из-за голодухи. И отец Иван выглядел теперь на удивление бодро, по-бойцовски.

– Ну, что, брат, – сказал он вставая. – Наступает пора действовать. Предлагаю прямо сейчас, прямо здесь отслужить молебен. А потом, дождавшись темноты, выдвигаться к Николаю.

Да, действительно, – подумал я, – давно, давно пора! И вообще с этого надо было начинать.

Развернули тумбочку к Востоку. Поставили пару икон. Распалили кадило. Густой аромат ладана тут же заполнил комнатку. Немного закружилась голова. Но кружение не было тягостным, опьяняющим, словно под вином. Оно было легким, как порхание бабочки. И вызывало чувство ангельской бестелесности.

Едва начали читать слова молебна, как снова резко стало плохо. Словно неведомая нам сила сопротивлялась молитве. В какой-то момент я чуть не потерял сознание. Еле успел ухватиться за спинку кровати. Бросило в жар, тело тут же покрылось потом. И это в холодной, едва только прогретой комнате. Я посмотрел на отца Ивана. Ему также было нелегко – несколько крупных капель пота выступили у него на лбу.

Особенно туго пришлось во время чтения Евангелия. Батюшка уже не столько читал, сколько полусшептал. Я стоял рядом и по-прежнему держался одной рукой за кровать. Теперь мне даже дышать было тяжело, воздух как будто загустел, свинцовая тяжесть навалилась на затылок, сдавила грудь.

После чтения Евангелия мы запели тихими прерывающимися голосами:

– Пресвятая Богородица спаси нас!

И тут кто-то сдернул над нами удушающую темную завесу. Слабость как рукой сняло. Только немного дрожали от перенапряжения руки и ноги, как будто мы перед началом молебна разгружали вагоны.

Закончив с молебном, сели и какое-то время молчали, приходя в себя. Минут через десять-пятнадцать я вдруг почувствовал, как меня неудержимо клонит в сон. Посмотрел на отца Ивана. Он уже дремал, растянувшись на кушетке и скрестив на груди руки.

Недолго думая, я последовал его примеру.

– Как стемнеет, сразу к Николаю, – тихо сказал отец Иван и зевнул.

– Угу, – подтвердил я сквозь дрему.

Так мы и дремали, пока с первого этажа не долетел до нас голос Николая:

– Отец Иван, вы дома! Отец Иван!

О чем поведал Николай

Да, это был тот самый Николай, человек из Браны! Войдя, он с удовольствием потянул носом воздух, еще пропахший ладаном.

– Прошу меня простить, – сказал он и улыбнулся своей дружелюбной улыбкой, – не получилось у меня в день вашего приезда прийти. Так что приношу извинения.

– Какие извинения, дружище, – воскликнул заметно повеселевший отец Иван. – Никакие извинения не принимаются. Ты пришел (ничего, что я на ты), так вот, ты пришел тогда, когда надо. И более того, Николай, нам требуется твоя помощь!

– Понимаю. – Николай поставил на пол свою объемную матерчатую сумку, извлек из нее что-то большое завернутое в такое же большое полотенце. Еда – мгновенно промелькнуло в моей голове – еда!

Под полотенцем оказалась кастрюля, набитая доверху вареной картошкой. Картошка была обильно полита постным маслом, приправлена перцем, укропом, еще какой-то зеленью и изящно нарезанными колечками свежего лука. От созерцания всего этого у меня едва не свело прижатый к позвоночнику живот.

– Николай, – сказал я взбодрившимся голосом – никогда в жизни мне не снились вещи сны. И вот впервые приснилось. Вчера ночью. Когда мы тут дуба давали. Так вот, мне приснилось, будто Вы... ты, выходишь из Браны с полным казанком вареной картошки. Представляешь?!

– Представляю, – эхом отозвался Николай и, загадочно улыбаясь, продолжил извлекать из своей «волшебной» сумки продукты. За картошкой последовала банка с маринованными огурчиками, еще какие-то соленья...

– А потом ты опять выходишь с огромным таким горшком, в горшке белое дерево, да, белое дерево...

Я запнулся, чувствуя, что не в силах пересказать сон дальше. Наверное, еще не время. Николай как-то странно поглядел на меня. Его взгляд словно говорил: ты прав, еще не время говорить о сокровенном.

Между тем на столе появилась банка с медом и добрый каравай хлеба. И это еще не все! Помимо продуктов сообразительный Николай принес нам вилки, ложки, тарелки и две кружки. Так кстати! У нас не было ничего (кроме книг, пачки чая и зубных щеток). И тот же чай мы пили из одной банки по очереди. Мы просто не знали, как благодарить Николая. И решили, что наш благодетель не уйдет от нас живым, если не потрапезничает и не почаевичает с нами. Николай не отказался.

Поев от души, заварили крепкий чай. Плотная еда и чай с медом заставили взглянуть на все наши проблемы не торопясь, философски. Отец Иван вкратце

рассказал о наших злоключениях и попросил Николая описать нам все, что здесь происходит по церковной линии. И что известно об исчезновении отца Василия. И вообще, как он тут служил?

Николай с минуту помолчал, видимо собираясь с мыслями.

– Что касается отца Василия, – осторожно сказал он, – впервые я его увидел у нас, э-э-э, года полтора назад. Правда, в самом начале он появлялся у нас больше эпизодически, приезжал из Черноморки на велосипеде. Занимался с хором, готовил помещение под церковь, иконостас делали.

– Отец Василий сюда прибыл сам, или его пригласили? – поинтересовался отец Иван.

– Нет, приехал он не на пустое место. У Михалыча, который кумом приходится председателю, мать сильно верующая была. Это она настояла на открытии здесь церкви. Бабулька была очень пробивной. Из кубанских казачек...

– А почему была? – Перебил отец Иван.

– А она, э-э-э, скончалась, скоропостижно.

– Вот как. Странно, – отец Иван задумчиво почесал лоб. – Ничего-ничего, Николай, продолжай.

– Эта бабушка накрутила своего сына и уже вместе обработали председателя. Председатель здесь, как, может, вы заметили, к вопросам веры весьма равнодушен. Но сумели, убедили и его. Тогда дело и сдвинулось. Да оно бы никогда и не сдвинулось, без головы. Все ж общественные фонды, деньги, недвижимость в его руках. Тут же помещение под будущую церковь нашли. Собрали нечто вроде приходского совета. Дело несложное, если сам голова взялся. Более того, даже закупили в городе все необходимое для служения, начиная от нарукавников и кончая кадиллом и паникадиллом. Иконы, у кого они еще были, поприносили из хат в будущую церковь. Чаша для Причастия, то вообще отдельная тема. Чаша у нас особая реликвия. Некогда она принадлежала Алексеевскому священнику, отцу Геннадию, что мученически погиб во время хрущевской антирелигиозной компании.

– Да-да, – воскликнул отец Иван и аж прищелкнул пальцами от возбуждения. – Черноморский батюшка мне говорил, что храм там при Хрущеве взорвали. И до сих пор он так в руинах и лежит.

– Верно так, – спокойно подтвердил Николай и, окинув нас своим ясным мечтательным взором, продолжил свой неторопливый рассказ. – Только храм тот прямо с людьми взорвали.

– Не может быть, при Хрущеве-то и с людьми! Это же не эпоха военного коммунизма! – с жаром сказал я, хотя и подумал про себя, что от чего это не может быть, очень может быть в этой глухомани, все может быть!

– Увы, – горестно вздохнул Николай. – Отец Геннадий, видимо, так же думал, что с людьми взрывать не решатся, ни те времена. И поэтому забаррикадировался с несколькими самыми преданными ему прихожанами в притворе храма. Но перед этим он все же, наверное, мистически предчувствовал, что дело может кончиться смертью. Поэтому оставил бабе Марии, на хранение, кое какие церковные вещи и в том числе Причастную Чашу. Вот эту Причастную Чашу и принесла в церковь баба Мария. Она очень ей дорожила. Считала, что Чаша окроплена мученической кровью отца Геннадия. Так Чаша стала святыней для наших немногочисленных прихожан.

– Да, брат Николай, немногочисленных, это сколько? – спросил отец Иван. – Ну, из тех, что постоянно в церковь ходили.

– Очень мало, – с готовностью ответил Николай, – пожалуй, на пальцах одной руки можно пересчитать.

– Ясно. Ну и что отец Василий?

– Да, отец Василий, – сказал Николай и вдруг задумался.

– Ну да, все на велосипеде к нам ездил. Ну а где-то с октября уже полностью к нам перебрался. Как и вы, в общежитии жил. С хором занимался. Иконостас делали. А потом, вначале зимы, была первая полноценная литургия. А потом он перебрался жить в дом к одной бабке, в общежитии холодно стало. А потом, э-э-э...

– Николай, – терпеливо перебил его отец Иван, – это все детали. Ты можешь внятно рассказать, что здесь происходило. Как воспринимали отца Василия. Может, он чрезмерно аскетичен был. Все-таки монах. Что, по-твоему, могло привести к исчезновению отца Василия. Понимаешь, мне важно в этом разобраться. У меня и благословление владыки на этот счет есть. Понимаешь, Николай, очень важно!

– Кое-что могу рассказать, – вздохнул Николай, – но очень бы не хотелось. Кто я такой, что бы судить духовное лицо, хотя и не был понят и принят этим лицом. – Николай еще раз мучительно вздохнул.

Отец Иван молча встал и положил руку ему на плечо:

– Николай, дорогой, – тихо сказал он, – мы в данный момент не осуждаем, а рассуждаем. Ведь не шутка же, иеромонах пропал. Войди и ты в наше положение.

– Да, конечно, – согласился Николай, – простите, развел тут нюни. В общем... Э-э-э. Надо сказать сразу, без осуждения, что отец Василий, хоть и молод был, но очень такой жесткий батюшка. И что удивительно, проговаривал он свои инквизиторские жесткости прямо таки тихим, елейным голосом. Например, говорит той же учительнице, тете Тамаре: Вам, дорогуша, не мешало бы двадцать поклончиков. Не можете. Спина болит. Ну, тогда я буду не спать, всю ночь буду за Вас молиться, что б Господь Вас сподобил поклончики делать. Вот. И приходилось, бедной тете Тамаре надрывая больную спину делать поклончики. А то ведь любимый батюшка не будет спать из-за нее... Строгий был отец Василий. И проповеди длинные такие произносил. На мой взгляд, что-то больше похожее на политинформации. Темы мне немного знакомые – мировое правительство, масоны, капитал, дьявольская сущность телевизора, нумерация, спайка униатов и раскольников с оранжевой властью, их война с православием... Ну и так далее. В похожем духе.

– Ох, да, темы знакомые, – вздохнул я.

Николай кивнул головой и продолжил:

– Бабки, конечно, мало, что в этих речах понимали. Но слушали и потом говорили всем, что батюшка замечательный проповедник. Чудово так балакает, непонятно, но красиво, як соловей поет. Как ни странно, голове проповеди-политинформации нравились. Иногда он специально заходил на службу, проповеди послушать. А потом, зимой, отец Василий объявил войну иеговистам. Перед Новым Годом он специально ездил в город. Привез антисектантскую литературу. Ходил, раздавал ее. Собственно иеговистов в Красном Куту мало. Центр у них все же в Алексеевке, а здесь несколько корейских семей и несколько соблазненных ими славян время от времени по хатам журналчики свои носят.

– Тут отец Василий, что делает на Крещение? Отказывается святить дома, в которых эти самые иеговистские журналы. А это большинство хат. Скандал был, конечно. Те, кто не успел эти журналы попрятать, сильно обиделись на отца Василия. Тогда же и первое столкновение с иеговистами у него произошло. Они прямо в церковь приходили, кричали, что он не имеет права мешать им свидетельствовать. А отец Василий при всех назвал их опасной тоталитарной сектой. Потом, весной уже, вот где-то в это время, то есть, год назад, пожалуй, самое интересное произошло. Один из корейцев-иеговистов обратился в православие. А с ним и несколько человек из славян, что пахали у него на поле.

– Это, конечно, был триумф отца Василия. Здесь он действительно как миссионер показал себя. Но это, опять же, на мой взгляд, не очень хорошо сказалось на его душевном облике. Он стал еще более жестким и нетерпимым. Жить переехал к

новообращенному корейцу, благо тот жил отдельно от остальных корейцев, бобылем. А после Пасхи, скоростижно умирает баба Мария. Она у нас была старостой прихода. И отец Василий ставит вместо нее Виктора, корейца новообращенного. Многие из старых прихожан обиделись. Особенно учительница. Тетя Тамара. Видимо, сама на место старосты метила. А отец Василий ей сказал, что-то вроде – женщина знай свое место. Вот она и обиделась.

– Но, а дальше, я подробностей не знаю. Был отлучен от Причастия, и даже от своих обязанностей чтеца. В церковь ходил редко. Знаю только, кончилось все тем, что отец Василий, э-э-э, где-то в сентябре пропал. Не пришел на службу. Все вначале думали, что он в городе, не успел приехать. Потом думали, что епископ его по каким-то причинам не отпускает. Ездили к епископу и выяснили, что там не было отца Василия. Стали грешить на иеговистов. Кто-то пустил слух, что корейцы ему отомстили за миссионерский успех, куда-то в багажнике машины увезли. И там держат. Ходили даже разбираться к корейцам. Те клялись своим Иеговой, что им криминал не нужен. И они в глаза не видели нашего попа. Но им, кажется, не поверили. Еще раза два к епископу ездили. И он пообещал, что скоро приедет новый поп и во всем разберется.

– А староста где? – спросил отец Иван.

– Староста?.. А он исчез вместе с отцом Василием, или сразу после него; никто не знает.

– Ну да, ну да, – задумчиво покачал головой отец Иван. – Хорошо, Николай, а что с приходом, куда подевались люди, что к отцу Василию ходили?

– Тут странная история. Люди эти в селе. Но о церкви даже слышать не хотят. Все сильно напуганы. Говорят, что... – Николай смущенно покашлял, – говорят, что им приснилось, будто антихрист в образе нового попа пришел в село. И про отца Василия расспрашивал.

– О, Господи! – с мукой в голосе воскликнул отец Иван, – они, что, снам верят?!

– Всем одновременно, в одну ночь приснилось, – уточнил Николай.

– Вот она, батюшка, сельская магия, – сказал я, – которая... ладно, промолчим.

– Очень тревожный знак, – вздохнул отец Иван. – Получается, теперь мне не только приход собирать, но еще доказывать, что не антихрист... Полный бред! Что здесь творится, безумие!.. Хорошо, а что ты сам обо всем этом думаешь?

Вместо ответа Николай порылся во внутреннем кармане своей ветровки и извлек оттуда небольшой сверток. В свертке был нарукавник, который одевается священником на руку, поверх рясы.

– Ого, – сказал отец Иван. – Откуда это у тебя?

– Это я нашел... возле Браммы.

– Возле Браммы!

– Возле Браммы, – подтвердил Николай.

– Итак, ко всему добавляется еще и Брама. Этого тоже следовало ожидать. Конечно же, Брама! – отец Иван даже зачем-то хлопнул в ладоши. Николай, а ведь ты очень смущаешься, когда разговор заходит об этой аномальной зоне, Брамме, – продолжил отец Иван. – Не сложно догадаться, что весь твой конфликт с отцом Василием был именно на почве этого. Иеромонах Василий отлучил тебя от Причастия и от обязанностей чтеца в церкви именно потому, что ты ходишь на Брамму. И, наконец, где мы познакомились? Возле Браммы.

– Да, Николай, – встрял в разговор я, – помнится, ты там ключик искал.

Николай смущенно опустил глаза:

– Именно в тот день, когда вы меня там увидели, я и нашел... нарукавник. Нашел сразу за Браммой. Потом перед ней решил поискать. И тут вы меня и увидели. А насчет ключика, что мне оставалось делать. Если б сразу все рассказал о находке, боюсь, вы бы меня не так поняли.

– Не переживай, дорогой мой Николай, – отец Иван улыбнулся. – Я не иеромонах Василий. Епитимии на тебя накладывать не собираюсь. Наоборот, рассчитываю, что так, как ты нам хорошо церковную ситуацию обрисовал, так и об этой самой Бrame расскажешь. Под свежую чашечку чая, конечно.

– Ну и что б тебя совсем не смущать, Дима поведает сейчас, что он там возле Бrame пережил. А ведь он у нас еще тот борец с антихристовым духом... был. А я пока чаек сделаю.

– Не обращай внимания, – сказал я изумленному Николаю. – Это батюшка шутит. А насчет Бrame случилось следующее....

И я рассказал все, что пережил в тот день возле «холмика с вынутой серединой». И о приснившимся мне в прошедшую ночь сне. Все рассказал.

Разгром

Черная «Волга» немного притормозила.

– А це у нас чудо природы, – сказал голова, махнув рукой в сторону Бrame.

– Да, мы уже видели, – отец Иван осторожно спросил, – а что, правду говорят, что это у вас тут аномальная зона? Я еще в городе слышал.

– Ну, як вам сказать, – осторожно ответил голова. – Балакают разное. Да, разное балакают. Вы... вы лучше нашего Николая спытайте. Он много шо про Бrame знает. Хлопчик хороший, только чуть странным стал со своей Бrameй. Он у нас... – В этот момент колесо машины угодило в выбоину и всех немного трянуло. Голова на минуту замолчал. Потом снова заговорил, и голос его теперь звучал тихо и немного загадочно:

– Мобилка у меня постоянно дохне возле Бrame. Представляете! А як Бrame проезжаешь, включается. Так, может шо и есть в этой Бrame. Да... А как-то ночью я домой ихал... тоже... привиделось...

Голова весело хохотнул, но о том, что ему там привиделось, говорить не стал. Машина обогнула подсыхающую, но еще довольно большую «океаническую» лужу и повернула в сторону Черноморки. Показались корейские угодыя.

– Фермеры, – сказал голова мрачным голосом и махнул рукой в сторону корейских плантаций. – Буржуи, эксплуататоры. И эти еще, як их, иеговы... Вот ваша церковь, отец Иван, як к иеговым относится?

– Сектанты, – коротко ответил батюшка.

– Вот и я кажу, сектанты! – оживился голова. – А еще, агенты западного влияния. Враги, одним словом. Буржуи. При советской власти их бы всех давно, того, в места не столь отдаленные... Сектанты, – подытожил голова и замолчал.

Образцовый коммунист, я таких еще не встречал, – подумал я. – И делец, делец до мозга костей! Боже, как все перемешано. А тут еще и аномальная зона. Что там Николай вчера говорил о внешнем бессознательном воздействии Бrame? Что-то там о консервации временных пластов сознания. Кажется, правота его слов только что подтвердилась. Теперь понятны и перестроечные плакаты и портреты Ленина всюду. И устойчивая любовь к советскому укладу жизни...

– В селе работы нема, – продолжил председатель, – а им это только на руку. На людском горе разживаются. Сектанты! Люди у них, як рабы, с утра до ночи за так работают. Кровососы! Кровососы! – повторил голова и вдруг в сердцах воскликнул – но шо ты сделаешь с этими фермерами, когда советской власти нема! Вот, нема советской власти!

Последняя фраза головы звучала с таким надрывом, будто он только сегодня утром узнал о том, что советской власти больше нет и, что все его несметные денежные

сбережения в Сбербанке уже раздерибанили Чубайс с Гайдаром. Последняя фраза звучала, как крик души.

... Да, Николай прав. На дворе 21 век, но на «внутренних», биологических часах где-то середина восьмидесятых. В таком ритме здесь все и живет... А корейцы-иеговисты играют роль диссидентов. Борцы с КГБ-КПСС. Бессознательно, конечно.

Интересная теория. И она как раз понятна. А вот что дальше Николай о Бrame рассказывал... нет, мой мозг отказывается в эту сторону думать: бред, оккультная дичь, дурная фантастика, бесовское оболъщение, неудачная шутка и еще раз бред, бред, бред!..

Черноморку пролетели стремительно. Круто развернувшись на пустынном пересечении улиц, черная Волга головы понеслась в южном направлении. По хорошо знакомой мне улице. Минута, две и вот уже село осталось позади. Взорам открылась просторная луговая низина. Заросший ставок с недоброй холодной водой был теперь справа. В нем по-прежнему плескалась домашняя живность, а поодаль паслись овечки. Возможно те же самые. Я поискал глазами зловещего пастуха, но никого из людей возле животных не увидел.

Еще минута – и машина взмыла на гребень холма, низина скрылась из глаз. Показалось разбитое здание подстанции, полуразрушенная ферма. Тут у головы зазвонил мобильный телефон, и он немного сбавил ход. Закончив разговор, голова заметно повеселел и добавил газу. Слева от нас мелькнула проселочная дорога, по которой меня вез в Черноморку водитель-кореец. Подумав о корейце, я тут же вспомнил, что он иеговист и живет ни где-нибудь, а в Алексеевке. Куда мы как раз направляемся. Отчего-то неприятно засосало под ложечкой.

– Вот по этой дороге меня тот кореец вез, – сказал я, обращаясь к отцу Ивану. – Тот иеговист.

– Да, Сергей Михайлович, скажите, а много этих самых, иеговых, в Алексеевке? – спросил отец Иван.

– Це я не знаю, – рассудительно ответил голова. – Думаю, шо богато. И церковь своя у них есть... Да, – заключил голова, – думаю богато, коли их церковь прямо в центре села, а вашу, так и не восстановили. Да, так и не восстановили. – Голова вопросительно поглядел в сторону отца Ивана. Отец Иван ничего не ответил. В салоне на какое-то время повисла тишина.

Машина стремительно приближалась к «иеговисткому бастиону», к Алексеевке. Я вдруг вспомнил о тех туманных возвышенностях, что увидел тогда на юго-западном горизонте, перед тем как попасть в кабину к корейцу-иеговисту.

Я посмотрел вперед и убедился, что именно в сторону тех самых туманных возвышенностей мы сейчас и движемся. И туманные возвышенности постепенно принимают вид довольно высоких холмов, целых предгорий! Холмы были еще далеко, и легкая синяя дымка придавала им вид гордого, почти небесного величия. И где-то там, среди этих величественных холмов лежит Алексеевка. В общем, у иеговистов губа не дура.

– Отец Иван, – вдруг заговорил голова, – я вот у Вас узнать хочу. Вот коли б советская власть с церковью не боролась, вот, думаю, может тогда б и построили коммунизм, или рай, по-вашему? Вот як его те же иеговы рисуют в своих журналах.

– Советская власть не могла не бороться с религией, – спокойно ответил отец Иван и, немного подумав, добавил. – Даже если бы и не боролась, вряд ли б коммунизм построили. Да и рай, это совсем не коммунизм. Рай, точнее, Царство Божие, не от мира сего. Оно не представимо. Это не то, что иеговисты рисуют. Красиво, понятно и материально. Кстати, весьма на коммунизм похоже. А вообще вопрос довольно сложный. По поводу борьбы советской власти с церковью. Там, кажется, разные были периоды.

Отец Иван повернулся ко мне:

– Вот, мой помощник Дима, он немного в этом разбирается.

Однако голова не захотел лезть в дебри своего же вопроса. Так что блеснуть красноречием мне не дали.

– О це понятно, – загадочно сказал он (что ему понятно?!). – Ленин ошибся, коли с религией начал бороться.

И голова засвистел какой-то мотивчик. Засвистел с таким видом, будто действительно, все понятно. Мне осталось молча наблюдать за дорогой.

По всем признакам, мы подъезжали. Вот уже вместо плоской степи потянулись вспаханные поля. Заметно выросли холмы. Стали видны их лысые, немного белесые вершины и покрытые легкой зеленой дымкой бока. Прямо по курсу, перед самыми холмами что-то блестело. Возможно, там и располагалось село. Но жилых строений пока еще не было видно. Зато слева от нас, прямо посреди полей, маячила ветряная мельница.

Мне вдруг подумалось, что весь этот сельский пейзаж с холмами, ровными квадратиками полей и с настоящей ветряной мельницей напоминает рисованную картинку рая в иеговистком журнале. Ну, а загадочный блеск впереди, это, конечно же, «глаз Иеговы» из «Сторожевой Башни».

– Работает? – отец Иван показал рукой на мельницу.

– Угу, – радостно кивнул голова, – тильки ни от ветру, от генератора.

Алексеевку увидели, как только проехали мельницу. Но вначале бросилась в глаза странная конструкция, в поле, перед самым селом. Это было что-то похожее на уменьшенную копию Эйфелевой башни, причудливо скрученную вокруг своей оси.

Спираль башни, состоящая из легких ажурных конструкций, вздымалась метров на двадцать над землей и оканчивалась небольшой круглой площадкой. Над площадкой домиком располагались не то зеркала, не то начищенные металлические пластины. Они ярко горели на солнце (вот откуда исходил загадочный блеск!)

– Модерн, однако – сказал я.

– Нравится? – Голова пояснил, – це два чюдика пытались солнечную электростанцию построить.

– Не вышло? – спросил отец Иван.

– Балакают, шо ни, – ответил голова и засмеялся. – Солнца мало.

Несмотря на «недостаточность солнца», место, в котором находилось село, было весьма живописно. (Удивительно, как здесь не догадались построить какую-нибудь курортную зону.) Село лежало в широкой и ровной ложбине между холмами. В своей задней части ложбина плавно поднималась к холмам. И вместе с ней плавно вздымались сельские домики. Но основная плотность заселения была в равнинной части ложбины. На холмах жилых домов не было видно вовсе.

Поразило обилие деревьев повсюду. Деревья пока еще были голые, но кое-где уже пробивалась легкая дымка первой зелени, вперемежку с белыми пятнышками зацветающей абрикосы.

Мы проехали первую улицу, затем вторую. Если бы не вплотную обступившие нас великаны-холмы, можно было бы подумать, что мы в Красном Куту. Разве что чуть-чуть богаче дома. И само село раза в два больше. Третья по счету улица оказалась центральной. Голова высадил нас на перекрестке. Направо от перекрестка виднелся сельсовет.

Голова объяснил, что будет ждать нас возле сельсовета. Нам же предстояло пройти по центральной улице налево. Там должно быть здание иеговисткой церкви. Так называемый «Зал Царств». Сразу за ним, через один дом, живут корейцы. Родственники старосты. И если он в Алексеевке, то может быть только по этому адресу.

Мы двинулись в указанном направлении. Минут через десять показалась иеговистская «церковь», или «Зал Царств». Длинное, одноэтажное, ничем непримечательное здание, чем-то напоминающее наш черноморский дом «барачного типа». Разве что более новое, светлоокрашенное и с большими евро-окнами. Миновав его, подошли к добротному корейскому дому. Отец Иван позвонил.

Какое-то время было тихо, и от этой тишины в душе вдруг поднялась мутная волна беспокойного страха. Наконец послышались шаркающие неторопливые шаги. Щелкнул железный запор калитки, и нашим взорам предстал (о, ужас!) тот самый водитель-кореец, что вез меня в Черноморку. Действительно, это знак, что я сел к нему в машину, – пронеслось в голове. – Батюшка прав, боюсь только, что этот знак будет меня преследовать всюду.

– А, конкурирующая фирма, – весело и в тоже время как-то развязно сказал кореец. – Чем могу быть полезен?

– Скажите, можем ли мы видеть Виктора? – голос у отца Ивана был сухим и дипломатичным.

Кореец тут же помрачнел и, раздражаясь с каждым словом, отчеканил:

– Никакого Виктора не знаю.

– Как не знаете? – искренне удивился отец Иван, – а мне сказали, что это ваш сын.

– Сын! – Вдруг выкрикнул кореец с еще возросшей злобой, – у меня нет сына! У меня умер сын!

После этих слов он с грохотом захлопнул перед нами калитку и уже из-за нее крикнул:

– Ищите его в своем КГБ КПСС!

Какое-то время мы как оплеванные стояли перед закрытыми воротами. Наконец отец Иван пошевелился и произнес:

– Фанатик. Большой... Нет, Дима, каюсь, я их все же немного недооценил. Я думал, в худшем случае он начнет сейчас цитатами из Писания сыпать. А он понес этот бред: умер, ищите в КГБ.

Не спеша мы тронулись к сельсовету.

– Вот, батюшка, зря ты старого борца с антихристом и сектами недооценил, – сказал я. – Вот смотри, если этот староста, действительно, сын этому иеговисту, то, согласно их доктрине, он на самом деле умер для него.

– Как это так, – переспросил отец Иван. – Они, что, убили его?

– В идеале, да. Отступник, а он и есть для них отступник, подлежит уничтожению. Здесь они тебе кучу цитат, конечно же, из Ветхого Завета нароют. Но дело в том, что пока они не могут, как царь Давид, уничтожить отступников. За это уголовная статья. Поэтому уничтожение происходит как бы виртуальное. Отступник просто перестает существовать для всех, в том числе и близких родных. Он становится для них как призрак умершего человека.

– Круто, однако же человеконенавистническая...

Отца Ивана прервал женский голос:

– Святой отец! Простите, Вы батюшка?

С противоположной стороны улицы к нам подошла полноватая женщина лет пятидесяти.

– Да, я батюшка. Только не святой отец.

– Простите. Вы, часом, не Виктора ищете?

– Его. А что?

– Виктор был тут. Вчера. Сильно со своей родней ругался. На всю улицу кричали. А потом он уехал. В Красный Кут. Балакают, шо он поехал свой дом продавать. Так шо ищите его там.

Поблагодарив женщину, мы двинулись к сельсовету.

– Что ж, – задумчиво сказал отец Иван, – это гораздо лучше. Значит... значит староста не пропал. Но тогда где отец Василий?! Вот загадка!

Тут меня «осенило»:

– Слушай, батюшка, а может, Николай прав! Отец Василий со старостой, действительно, сбежали в эту аномальную зону, вырыли себе землянку и ждут конца света. Почему бы нет? Если отбросить все эти миры иные и прочую сомнительную мистику, то, получается, лучшего места для самозакапывания не найти! Безлюдная аномальная зона...

– Ну, а так как конца света все нет, – продолжил мою мысль отец Иван, – а кушать хочется, вот и приходится старосту в село посылать... Да, Дима, очень здравая мысль! Только очень сомневаюсь, что староста отсюда в Кут отправился. Что он там забыл. Какой дом, если конец света. Да... Боюсь, придется ломать церковную дверь.

Дом церковного старосты посетили в этот же день. Увы. Старосты в нем не оказалось. Более того, дверь дома и несколько окон, выходящих на улицу, были заколочены крест-накрест грубыми нестроганными досками. Такое я только в фильмах про войну и коллективизацию видел. В памяти всплыла фраза: «никого нет, все ушли на фронт».

На следующий день, под вечер, ломали церковную дверь. На этом печальном мероприятии, кроме меня и отца Ивана, был кум головы и Николай. Они и срывали замок. И была еще старенькая кривоногая бабка Никитична. Единственный представитель церковного прихода. Бабка упорно молчала и настороженно поглядывала то на меня, то на батюшку.

Как ни старались аккуратно, но дверь все же немного покорежили. Однако главный сюрприз ждал нас внутри церкви. Прямо посреди церковного помещения, на полу, кто-то нарисовал мелом рыбу. Корявый такой детский рисунок огромной рыбы. С минуту, наверное, смотрели мы на эту нелепость. Пока Николай не закричал:

– Батюшка, иконы пропали!

Мы кинулись к Иконостасу. На месте, где висели иконы, были нарисованы мелом рыбки. По одной – на каждую пропавшую икону. Царские ворота были распахнуты настежь. Левая створка двери болталась, сорванная с верхней петли. Отец Иван вместе с Николаем бросились в алтарь.

– Чаши⁵ нет! – крикнул из алтаря Николай.

– Чаша еще не страшно, – раздался голос отца Ивана. – Антиминса⁶ нет на Престоле. А без него служить нельзя.

В этот момент к алтарю подоспел я. Престол, мистический центр храма, место на котором служится Литургия, был вообще «голый». Не было не только антиминса, не было и престольного Евангелия, не было икон. Зато была рыба! Нарисованная той же безумной рукой прямо на Престоле. И под рыбой корявая надпись:

Се оставляется дом ваш пуст – и далее в скобках – (Антихрист уже сел на святом

---

⁵ Причастная Чаша (Потір, от др.-греч. ποτήρ, «чаша, кубок») — сосуд для христианского богослужения, применяемый при освящении вина и принятии причастия.

Потир — образ чаши, переданной Христом на Тайной вечере своим ученикам: «Пейте от неё все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф.26:27-28). (Материал из Википедии).

⁶ Антиминс (греч. ἀντί — вместо и лат. mensa — стол) — в Православии плат с зашитыми частицами мощей христианских святых и надписанием епископа.

месте).

Нелюдь

Иеромонах Василий стоял в большом пятне света. Холодный мрак просторной пещеры сгущался вокруг пятна. Свет падал откуда-то сверху, но вот откуда именно, он так и не мог понять. Сколько ни пытался.

Свет падал не только на отца Василия, но и на большое каменное возвышение, перед которым тот стоял. Каменное возвышение, ровной четырехугольной формы, казалось большой могильной плитой. Но это была не могила, это был самый настоящий церковный алтарь. И на нем, как и положено, лежал свернутый Антиминс. Рядом стояла Причастная Чаша. Лежало Евангелие.

На торцевой части плиты-алтаря были выдолблены загадочные фигурки рыбок. Символ начала и конца земной церкви. Так отцу Василию сказал ангел последних времен.

Иеромонах Василий смотрел на каменный алтарь и размышлял о современных коммуникациях:

Да, современные коммуникации ему нужны. А их не будет без этого бесовского электричества. Как он вначале обрадовался: будем, словно древние отцы церкви, при свечах и лучине. А теперь что?

Теперь он чувствует себя довольно беспомощно, без электричества и Интернета. Компьютер имеется, Виктор приволок, но что от него толку, без света. А будет свет, заработает ли Интернет, пусть даже самый беспроводной, в этой дикой аномальной зоне – это очень большой вопрос.

Знать бы более точное время наступления мировых бедствий и время прихода царя. Возможно, мысли бы тогда совсем не о свете и Интернете были бы. А о другом: как бедствия в пещерах пересидеть, а потом достойно встретить грозного царя.

Увы. Никаких откровений от ангела пока не было. Но мало ли, как повернется. Ток нужен...

Мысли отца Василия переключились на нового краснокутовского попа, из антихристовой церкви, что уже прибыл и почти две недели живет в Черноморке. Более того, он знал, от Пастуха, что зовут нового батюшку отец Иван и что он не на очень хорошем счету у епископа. И это было очень хорошо.

Дух антихристов не до конца поглотил душу нового священника, раз не на хорошем счету, – решил иеромонах. – Есть шанс, открыть глаза на истинное положение вещей в церкви. Если поп до него доберется... Да, поп будет не один.

От того же Пастуха он знал, что со дня на день к отцу Ивану должен приехать человек с города, его старый друг. По приезду они должны выдвинуться в Красный Кут. И вот за этим надо проследить особо...

Так, Пастуху на этот счет, послушание дано. Неплохо бы, конечно, узнать их духовное состояние. Воины ли они Христовы, или так, сопли либеральные. Впрочем, какие могут быть воины в нынешней церкви, да еще и в этой епархии?!

Отец Василий едва не расхохотался, но сдержал себя:

Смеяться грешно. Я сам еще вчера был в этой же церкви, пока Господь молитвами царя мне глаза не открыл... Пастух, Пастух, – попытался переключиться отец Василий, – хороший мужик, сделает все как надо. Еще и поиспытывает их, какую-нибудь напасть найдет. Молитвами грозного царя, конечно.

Да, Пастух может. В прошлом он крепкий колдун был. Семь колов в него бесы забили. Пять я вытащил, еще два остались. Но мне они пока не по силам...

Его размышления прервали шаги. Возле дальней стены смутно возникла массивная фигура. Быстро приблизилась. Вступила в круг света:

– Молитвами святых отец наших, молитвами грозного царя, – сказала возникшая фигура низким, густым басом.

– Аминь, – отозвался отец Василий тихим, как бы умирающим голосом и добавил, – царь грядет, брат!

– Воистину грядет, отче – радостно прогремело в ответ. Фигура склонилась перед Василием, держа руки лодочкой, – благословите.

– Бог благословит всех нас, святым грозным царем, – тихо ответил Василий и добавил, – да погибнут нечестивые еретики вместе со своим лжепатриархом и антихристом.

– Аминь, – ответил вошедший и распрямился. Он был высокого роста и довольно могучего телосложения. Его широкоскулое монголоидное лицо чем-то неуловимо напоминало лицо водителя-корейца из Алексеевки. Только было разве что добродушнее на вид и гораздо моложе. Звали вошедшего Виктор: «правая рука» иеромонаха Василия.

– Гришка чего-то запаздывает, – не то вопросительно, не то утвердительно сказал отец Василий.

– Кирюшку убило, током, когда генератор пытались запустить, – ответил Виктор и вздохнул, – хоронят по своему бесовскому обряду. Сокращенный вариант. В барабаны я им бить запретил. А без барабанов у них быстро, как у иеговистов. Так что сейчас Гришка подойдет, – он вздохнул, – а Кирюшку все ж жалко, хороший мужик был.

– Мужик? – отец Василий строго посмотрел на корейца, – Виктор, о чем ты? Он же нелюдь. Без Образа Божьего внутри. А ты говоришь: мужик, жалко. Этак мы всю нечисть жалеть начнем. Так и до геенны недолго... Мужик... Обычные земляные бесы. Может, для него напротив благо умереть, на дело Божие работая. Может, Господь его там и примет. И от личины бесовской избавит.

Понимаешь, Виктор, в наших делах мирская жалость неуместна. Вот яркий пример: вспомни, как грозный царь багром жидовствующих топил. Лично, понимаешь, лично! – отец Василий воодушевлялся с каждым словом. – Лично топил еретиков! Спасал их от вечного ада, через земные временные муки. Но кто поймет деяния помазанника Божьего, грозного царя. Они?! Вся эта либеральная масонская свора, начиная от Карамзина?! – Отец Василий внезапно осекся, вздохнул, – а ты говоришь, Кирюшка, мужик.

– Да, простите, отче, – сказал кореец, – слаб я, грешен. Постоянно забываю, что они не люди.

– Бог простит, брат Виктор, – благодушно ответил Василий. – Я вот о чем думаю... это до чего ж мы дошли, православные, что Господь из земляных бесов, как из камней, новых детей Авраама воздвигает. Если мы, гордо именующие себя христианами, не боремся с жидовским игом, то тогда это за нас гномы сделают. Нам в посрамление! – отец Василий вновь воодушевился, – да, да, да, нам в посрамление!

Они, гномы, и будут этими камнями, об которые, даст Бог, жиды все свои ядовитые зубы обломают! Но нам-то срам какой! До чего дошли, в церкви на святом престоле – антихрист! Епископы, игумены; все его слуги. С утра до вечера только о деньгах и карьере думают; о чем угодно думают, только не о Христе! И как хищные волки стригут христово стадо. И плач, по земле русской, плач! – отец Василий быстрым движением закрыл ладонями лицо, как бы намереваясь рыдать, но передумал. – Ничего, Господь не оставит Святую Русь, царь уже в пути, – торжественно закончил он.

– Аминь, – тихо сказал Виктор.

– Аминь, – отозвался иеромонах и сказал с укором, – а земляных жалеть не надо. Жалостью, брат мой, вымощена ныне дорога в геенну огненную.

– Отец Василий, – Виктор преданными глазами смотрел на иеромонаха. – А мне сегодня бес под утро явился, в образе моего бывшего сектантского надзирателя... Был у нас один такой.

– Ну и чего? – голос у отца Василия вновь стал тихим и умирающим, казалось, он потерял интерес ко всему.

– Сделал, как Вы учили. Написал имя надзирателя на листке бумаги, положил под святой крест и сотворил молитву Господу, дабы Господь, по молитвам грозного царя, отправил беса обратно в ад. И представляете, помогло! Бес раздулся от злобы, потом взял да лопнул. Только в келье завоняло.

– Слава Богу, брат Виктор, – устало отозвался отец Василий. – Да, что там у нас с генератором?

– С генератором у нас следующее...

Кореец не договорил. Раздалось частое сухое покашливание. Это появился Гришка. Его можно было принять за карлика, лилипута – ростом с ребенка, но необычайно широкий в плечах. С непропорционально большой головой и лицом от глаз заросшим густым волосом, переходящим в окладистую бороду.

На голове у Гришки была красная вязаная шапочка. Если не считать ее, вся остальная одежда на нем имела подчеркнuto фольклорный вид. Он был в красной рубахе навыпуск, поверх рубахи темно-коричневый кафтан, штаны-шаровары такого же цвета и начищенные хромовые сапоги.

Подойдя вплотную к отцу Василию, он протянул свою широкую кряжистую руку ладонью вверх. На ладони лежал небольшой и блестящий металлический диск. С одной стороны, сбоку, в диск была вставлена трубочка и такая же трубочка выходила с противоположной стороны. Протянув диск иеромонаху, Гришка заговорил, странно выворачивая слова:

– Дырки-мочилки, отче Ва-а-силие, бла-а-агословите рыбку.

– Молитвами грозного царя, который грядет, – серьезным голосом произнес Василий и даже перекрестил «рыбку», – да благословиться сей святой образ против ига жидовского...

Отец Василий замер. Издалека долетела приглушенная барабанная дробь. Ей ответила еще одна. И еще.

– Что?! – взвизгнул отец Василий неожиданно тонким голосом. – Я же запретил!

– И я им запретил! – воскликнул Виктор.

Иеромонах и его «правая рука» кинулись к выходу из пещеры.

– Булки-бублики, – громко сказал Гришка и поднес к губам диск, словно бы намереваясь подуть в трубочку. Постояв так несколько секунд, он с неожиданной скоростью кинулся вслед за людьми, проворно перебирая короткими ножками.

Пастух

Пастух смотрел в немигающий круглый глаз Союзника. На холодной стеклянной поверхности огромного зрачка, словно на экране старого телевизора, бежали черно-белые картинки – вот антихристов поп со своим помощником скрючились от холода над камином, им голодно и тревожно. Темно-серый студенистый кокон колыхается над их головами, проникает змеевидными спиральками в душу, леденит сердце, обескрывает мысли...

Да, Снеговики поработали неплохо. Задумка удалась. И без того холодное после зимы здание удалось сделать совсем ледяным, неприветливым, необитаемым. Словно это не общага, а развалины на заброшенном пустыре, куда луч солнца ни разу не проникал. Холодно, бр-р-р, тоскливо, что надо!

Уже вчера можно было бы начинать внушать попу мысли плюнуть на все и бежать, бежать, уносить ноги, пока жив! Бог с ним, с этим заданием епископа – только бы выжить самому, не помереть с голодухи. Уже вчера.... Если б, если б ни этот хлюпик!!! Проклятый Колька из Браны!!! – Пастух с трудом сдерживал ярость. – Все труды насмарку! Все!..

Пастух ясно видел: вот, на зеркальной поверхности глаза появляется антихристов поп. Лицо его полно решимости. Студенистый кокон над его головой зыбко вздрагивает и отступает. Поп произносит имя этого хлюпика. Он, видите ли, узнал, где тот живет. Дальше самое плохое – поп с помощником начинают молиться!

Снеговика бежали сразу. Что с них взять, тупые создания, неприглядные духи; нечто среднее между давно нестиранной простынею и куском холодца. Кто их назвал снеговиками? Ничего общего с теми забавными снежными созданиями, которых лепят дети зимой. Ладно. Союзники, молодцы, не растерялись. Призвали помощь. Навалились на попа всем курганом...

Пастух ясно видел этот момент: поп и его помощник руками держатся за спинку кровати, чтоб не упасть. У попа лицо бледней смерти, капли пота на лбу. Злая черная мгла сдавила, облепила словно кокон, не дает дышать. Вот-вот дело кончится победоносным обмороком. А то и тяжелой болезнью.

И в один миг рухнуло все. Ослепительно сверкнула страшная молния. Свернула именно тогда, когда они призвали Ту, которой, на самом деле, не существует. А потом полыхнуло такое страшное белое пламя, что духи с кургана едва-едва унесли свои мглистые тела. Чары рухнули.

Как же он ненавидит попов! Обманывают, гадают, жиреют на народных деньгах... так еще и сила какая-то с ними! Естественно, исключение из всех правил отец Василий; он молодец, он нашел в себе мужество покинуть эту лживую церковную корпорацию. И великий ангел с ним! Но эти два ничтожества... о, да, он их недооценил. Теперь уже не сбегут с села. Хлюпик с ними. Проклятый хлюпик! Ладно, пойдем иным путем...

Круглое око Союзника закрылось. Больше смотреть было нечего. Светало. Зябко поеживаясь от холода, Пастух отпустил Союзника. Большая птица тенью скользнула над лесопосадкой.

***

Пастух осторожно постучался в келью отца Василия.

Иеромонах с утра пребывал в благодушном настроении. Удалось на короткое время запустить генератор. При этом убило еще одну нелюдь. Увы, гномы дошли как мухи, при соприкосновении с человеческой техникой.

Из-за повышенной смертности пришлось отказаться от показательной казни над теми двумя, что стучали тогда в свои бесовские барабаны. Дал послушание в нижних пещерах и только позже сообразил, что это не столько епитимья, сколько награда. Их хлебом не корми, дай в земле ковыряться.

И вот теперь Пастух объявился. Отец Василий уже по стуку знал, что это он. Только ему (и нелюди) разрешалось просто стучать в дверь. Не произнося при этом: «молитвами святых отец наших». Но нелюдь редко дерзала приближаться к его келье, а если и дерзала, то, начинала за десятки метров кашлять.

Иеромонах вдруг поймал себя на мысли, что никогда не называет Пастуха по имени-отчеству, а ведь Пастух намного старше его. И имя у него есть, самое обычное – Юрий. Странно – подумал Василий и сказал – Входите.

Пастух был в своей неизменной ковбойской шляпе, брезентовом плаще и резиновых сапогах. Сняв шляпу он какое-то время искал куда ее пристроить, не найдя, оставил в руках и без всяких церемоний сказал:

– Новый поп со своим дружкойм прибыли в Кут.
– Вот как, – слегка усмехнулся отец Василий и спросил – когда?
– Пару дней назад.
– Ты их видел?
– Конечно, отче, – обиженным тоном сказал Пастух, – и видел, и пощупал их, так сказать, духовно... Пришли на своих двоих, и ушли так же. Еще, на обратном пути, под хорошую бурю с дождем попали. Небось, уже не рады Красному Куту.

Пастух плотоядно улынулся.

– Ну и как они, духовно, либералы? – спросил отец Василий.

– Шо?

– Я говорю, как они духовно, воины Христовы, или так... никакие.

– Ну, как Вам сказать, – Пастух на секунду закатил глаза к низкому пещерному потолку кельи, – с виду, вроде, как никакие. Слабаки, неудачники. Поп, правда, покрепче будет. В смысле на земле этой основательнее стоит. Но сильно изъедает себя обидами на епископа, мыслями о семье...

– Это хорошо, – перебил отец Василий, – в смысле обиды на епископа; чует душа дух антихристов в нынешних князьях церкви. Бессознательно чует. И то, что неудачники – хорошо. Это милость Божья в наше время. Как еще, разве что неудачами, человека из антихристовой прелести вывести.

Пастух согласно кивнул и почесал небритый подбородок.

– С кем в Куте виделись? – быстро спросил отец Василий.

– С головой сельсовета и с Колькой из Браммы.

– С этим чудиком, с этим бесноватым?! – отец Василий скривился, словно у него заломило зубы.

– Простите, отче, – веско возразил Пастух, – этот чудик очень непрост. К тому же встретились они возле Браммы. Даже хуже, этот чудик выполз из Браммы прямо у них на глазах! Они разговаривали, хорошо разговаривали. Очень дурной знак! Как бы, отче, этот хлюпик сюда их не привел.

– Пусть ведет! – отец Василий сам не заметил, как вскочил со своего лежака. – Мы не секта, прятаться не собираемся. Господь с нами! А с ними дух противления. Пусть идут и услышат правду о царе и скором суде Божьем.

– Все так, – мягко сказал Пастух, – но, отче, может, не стоит торопить события... Конечно, на все Воля Божья.

– Ты прав, – внезапно согласился иеромонах и сел обратно на свой топчан. – Пока мы не совсем в форме. Не все еще готово, и где царь, мы пока не знаем... Да, все так. И ангел в последнее время не посещает нас. Но ничего, смиряемся, скорбим, осознаем свое недостойство.

Отец Василий замолчал, что-то обдумывая. Вдруг встал и даже положил руку на плечо Пастуха.

– Да, надо замедлить сколь возможно их появление здесь. Пока от ангела я не получу четкие указания. Ну... понимаешь.

– Будет сделано, отче, – с готовностью ответил Пастух и через едва заметный проем в стене выскользнул прочь.

Пройдя по коридору с кельями для людей, Пастух спустился на «нулевой уровень» и по другому коридору направился к выходу из катакомб. Возле большой пещеры под названием «царская палата» (место, где отец Василий произносил свои проповеди и где проводилось оглашение нелицы) он услышал короткие, отрывистые фразы:

– ...Бандит, фанатик, инквизитор... масон, экуменист, нео-обновленец, друг всех педерастов... за собой смотри, узкокобый фарисей, фаш-фа-гы-гы тарелочки... – дальше шла полная тарабарщина, и другой голос торжествующе произносил:

– Вот видишь, бра-а-т, к чему приводит ересь модернизма и эку-у-уменизма; покайся, пока не поздно, пока Господь не освятит мне руку для удара...

Пастух осторожно прошел через проход в стене и заглянул в царскую палату. В конце пещеры было возвышение, которое служило сценой. И на этой сцене застыли в картинных позах друг перед другом два гнома.

Еще несколько гномов, видимо, свободных от послушания в пещерах и трапезной, сидели на каменных скамейках и молча слушали короткие реплики. Гномы на сцене произносили их с такими страшными лицами и с таким тщанием (почти не выворачивая слова), что, казалось, еще одна реплика – и они бросятся друг на друга.

Впрочем, Пастух знал, что не бросятся. Земляной народ своих не трогает. Да и умнее они, чем отец Василий думает.

Со сцены между тем летело:

– Покайся, гад, покайся антихристово отродье! Иначе, не только ты и твои дети, но и жилища их, и скот их, как сказано в Писании - все до последнего бантика и помадки – все будет попалено!

– Каяться перед мра-а-акобесами! – кричал в ответ другой гном, – и не подумаю! Не вам судить! Бог есть любовь! Он посылает дождь на добрых и злых!

– Да, сатанинское отродье, Господь есть любовь опаляющая. Мне жаль тебя, – с этими словами «гном-мракобес» схватил за грудки «гнома-интеллекта» и заорал, – нет пощады греху! Забивать камнями, сказано! Но будет ли милостью Божией забить такого камнями?

Последний вопрос гном адресовал к сидящим в зале. Получив утвердительный ответ, мол, да милость, конечно, гном еще сильнее сдавил своего оппонента.

– Милости хочу, а не жертвы, – прохрипел тот, – и отмену нелепых церковных правил и постов.

– Вот оно что, – зловеще проговорил гном-фанатик, – отмена постов, сокрушение сосуда Истины, обольщение малых сих. Нет, будет великой милостью забить тебя камнями, дабы спасти невинных детей. Меч слова отделяет зерна от плевел, овец от козлищ. Последний раз тебя прошу, во имя грядущего царя, покайся! Покайся, и государь тебя, может быть, помилует!

– Что, государь, опять государь, опять земной правитель, – прохрипел гном-интеллигент и повис в руках второго гнома. Тот разжал руки. Интеллигент картинно упал на пол сцены. Полежал несколько секунд без движений. Потом встал, весь красный, тяжело дыша, словно тащил по дну шахты огромный камень.

Оба гнома низко, в пояс, поклонились под дружные аплодисменты немногочисленных зрителей и покинули сцену.

Пастух усмехнулся и пошел дальше. Виктор (правая рука иеромонаха) такие сценки в шутку называет пятиминутками ревности – вспомнил он.

Пастух не любил Виктора (равно как и все остальное человечество), считал его коварным азиатом, который еще покажет свое восточное вероломство. Он уважал только отца Василия (именно, уважал, а не любил). Даже немного трепетал перед ним, после того как стал свидетелем явления иеромонаху ангела. И верил ему на слово. Верил больше чем себе. Верил, что будет на Руси Святой царь. И что антихрист сюда так и не сунется. А все его слуги будут наконец-то казнены.

Но будут казнены и колдуны!

Этого Пастух боялся и приколдовывал, только выполняя то или иное послушание Василия. Иеромонах знал, что Пастух приколдовывает, но не запрещал ему, хотя и не одобрял. И Пастух искренне верил, что в свой час отец Василий замолвит за него словечко перед царем. Мол, хоть и колдун он проклятый, а все ж благому делу послужил.

Пожалуй, единственно, в чем он не мог понять отца Василия – это его жестокость по отношению к гномам. Нет, даже не жестокость, он просто не считает их за полноценных существ. Даже имен нормальных им не дает – Фильки, Гришки, Тимошки, как будто они его холопы, а не послушники. Мол, еще не заслужили нормальное христианское имя, пускай делом покажут, что теперь не бесы.

Странно, – размышлял Пастух, – отец Василий добрый малый и так беспощаден с

земляным народцем. Впрочем, они сами к нему пришли и преданы ему, несмотря ни на что...

Как духи земли оказались в полном рабстве у иеромонаха, было для Пастуха загадкой. Какая-нибудь магия, которую православный иеромонах тщательно от него скрывает. Но как бы то ни было, сам Пастух с большой симпатией относился к гномам – это не люди, не подведут.

Пастух шагал по весенней степи, давя огромными сапогами выползающую из земли жизнь.

Удивительно, он, потомственный колдун, а полностью доверился православному попу, иеромонаху. Как же странно плетутся линии жизней, – думал Пастух.

«Ангел»

Он переливался всеми цветами радуги, словно новогодняя елочка. Однако на этом сходство с праздником заканчивалось. Он был огромен и грозен, как и подобает безжалостному «ангелу-истребителю» последних времен. Его бледное, жесткое лицо с легким пепельным оттенком взирало на иеромонаха Василия сурово и холодно.

Ангел явился в ночь после того долгожданного дня, когда, наконец-то, удалось запустить старый генератор и частично восстановить проводку. Осталось только зажечь свет, хотя бы в тех кельях, где проживали люди.

Ангел явился после длительного перерыва.

– Кольцо врагов вокруг вас сужается, – сказал он. – Количество слуг антихристовых неуклонно растет. Вы окружены. Даже птички певчие и те на стороне антихриста.

– Что же нам делать, посланник небес? – спросил, ужасаясь, отец Василий.

Несколько мучительных, долгих минут ангел молчал. Только радужно переливался. Наконец, вымолвил:

– Чаша гнева Господня переполнена. Через один месяц и одну неделю грядут великие бедствия. Они будут короткими, но сильными.

Ангел посмотрел на запад и воскликнул:

– Горе живущим в больших городах, в этих гнойниках растления и разврата! Новые невиданные ранее болезни придут на землю, – продолжил он уже спокойным голосом. – У людей будет внезапно рассыпаться на осколки позвоночник. Они будут падать и умирать в страшных муках, чернея на глазах. И сама земная твердь подвинется. Пол-Европы уйдет под воду. Вместо Санкт-Петербурга разольется море. Москва провалится в преисподнюю.

Ангел посмотрел на север и воскликнул громовым голосом:

– Горе, горе живущим в больших городах! Все, живущие в мегаполисах: да оставят все, что имеют, и да бегут в тайные укрытия, в горы, в леса, скиты!

Ангел помолчал и вновь продолжил тихим, немного вибрирующим голосом.

– По милости Божией, все это продлится недолго. Так что те, кто будет в скрытых местах, уцелеют. И тебе недолжно волноваться. Ты в надежном месте. Но должно тебе знать, что замышляют силы зла на этой скрытой от человеческих глаз земле.

Ангел сделал театральную паузу и громовым голосом воскликнул:

– А замышляют они союз с сынами из антихристовой церкви! Что бы потом проникнуть в ваш мир через такие капища, как Брама. Не дайте им это сделать! Сокрушите их!

– Кого, их? – спросил, трепеща, отец Василий.

– Я говорю о лесных демонах, – ответил ангел, – о тех, кто живет на холме у больших деревьев, на том холме, через который вы пришли сюда.

– Но там не было никаких деревьев, – робко возразил отец Василий, – только ржавые

остовы каких-то башен и брошенные сгнившие бочки.

– Правильно, – спокойно сказал ангел, – деревьев вы не видели. Но это потому, что я вел вас тайной тропой, дабы спрятать от лесных демонов. Вас было только двое, и лесные демоны разорвали бы вас на клочки. Но теперь вас много. Сокрушите их! Сокрушите лесных демонов! Пока они не привели сюда антихристовых слуг из захваченной сыном погибели церкви.

– Новый краснокутовский поп, – почти прошептал Василий. Ангел одобрительно мигнул и продолжил:

– Пусть земляные духи на деле покажут, как они приняли спасительную веру. Пусть докажут свою преданность. Когда-то они были неплохими воинами. Кто из демонов лесных покается, того оставь на оглашение. Остальных изгоните или убейте. После того как сокрушите врагов Божьих – затворяйтесь. Ждите в затворе ровно полгода. Гроза Божьего гнева пройдет, и государь не замедлит явиться. Государь придет с моря. Как, пока тебе знать не надо.

Сказав это, ангел неслышно взмахнул крылами и растаял, как дым. Оставив после себя легкий, кисловатый запах. Отец Василий опять не успел расспросить ангела о том, как им быть с алексеевскими иеговистами. Виктор все рвался обращать их в истинную православную веру последних дней...

Иеромонах Василий медленно поднялся с пола в своей келье и сел на топчан. Призрачные, пустые, смутные мысли ни о чем роились в голове. Как всегда он испытывал душевную опустошенность после посещения ангела; онемение, оцепенение, полную протрацию.

Он тупо смотрел на горящую свечу. Пожалуй, только одна осознанная мысль шевельнулось в этот момент в голове: не забыть напомнить Виктору, насчет установки в его келье патрона.

Мысль бесследно истаяла. С ленивым рыбьим безразличием он смотрел на колеблющееся от подземных сквозняков пламя свечи.

Он знал, состояние опустошенности пройдет через пятнадцать, двадцать минут. И не просто пройдет, а сменится на нечто противоположное, на неестественную бодрость, на кипение мысли и бешеную работоспособность.

Слова ангела будут заново переосмыслены и приняты как руководство к действию. И сегодня, в царской палате, а может, и в самом катакомбном храме во имя апостола Иоанна Богослова, он соберет всех земляных духов и торжественно провозгласит – час священной войны настал.

***

Не просто отыскать лесного демона во враждебном лесу. Тимошка с Филькой, уже который час крались сквозь деревья, пряча топоры под полами кафтанов. Не один раз с криками «каза-аб-дуб» бросались они на подозрительное дерево. Но только щепки летели, а крови не было. Загубили с дюжину деревьев, а все напрасно. Ни одного лесного демона!

Вечерело. Пора было возвращаться в катакомбный монастырь. Тимошка с Филькой вышли на брошенную военную дорогу и зашагали в сторону огромных, как горы, холмов. Семена своими короткими ножками, они ловко перепрыгнули через торчащую вздыбленную бетонную плиту. Вдруг Тимошка встал как вкопанный и схватил Фильку за рукав.

– Хуз-мин-аард, – от возбуждения он не заметил, как перешел на свой тарабарский язык. Но вовремя опомнился и сказал шепотом:

– Бра-а-ат, услышал наши молитвы государь.

– Точилки-молотилки, – ответил Филька, вынимая из-за пазухи топор, – не зря мы

сегодня грозному царю молились. Кто там? Демон?

– Не знаю, бра-а-т. Может, демон, а может, и чел-ов-и-ек. А может, и большой гри-и-иб.

– Неужели гри-и-иб, – разочарованно сказал Филька.

Гномы не спеша двинулись вперед. Вскоре стало ясно, что это точно не гриб и не демон. Это человек. В широкополой шляпе на голове: именно шляпу они и приняли за шляпку гриба. Человек сидел неподвижно, скрестив ноги, словно в полудреме. Но как только гномы подошли к нему на несколько метров, человек внезапно вскинул голову. Гномы узнали Пастуха. Однако сделали вид, что с ним незнакомы.

А вдруг бесовское наваждение? Вдруг это и не Пастух вовсе? Вдруг это демон в его образе.

Тимошка выставил свой топор в сторону Пастуха:

– Кто та-аков? – грозно спросил он.

– Какого духа? – добавил Филька.

– Отрекаешься ли от сатаны и всех а-а-ангелов его и дел его? – продолжил Тимошка.

Пастух только снисходительно улыбнулся, так, как улыбаются взрослые дяди несмышленным детям.

– Приветствую сынов земли, – сказал он и, приподняв кончиками пальцев шляпу, добавил укоризненно – что ж вы старого Пастуха не узнаете?

В ответ Филька шагнул вперед и угрожающе выставил топор:

– А вот я те-е-бе шею сейчас топориком-то поглажу! Будут те-е-бе сыны земли. Мы не бесы! Мы дети а-авве-е Васи-илие. Мы воины!

– Но, но, – Пастух предостерегающе поднял руку, в голосе его появились металлические нотки. – Опустит топор, воин. Именно к вашему авве Василие я и иду. И он будет очень недоволен, если со мной что-то случится.

Филька опустил топор и сделал шаг назад. Тимошка задумчиво теребил бороду. Гномы думали. Наконец, Тимошка сказал:

– Почему нам знать, что ты тот са-а-амый Пастух. Ты от сатаны отрекаться не хочешь. Зна-а-ачит враг нам!

– Так что мы еще, бра-а-ате, думаем, – вскричал вспыльчивый Филька и снова занес топор. – Я сразу в духе понял, это даже не чело-виек, это гри-и-иб, это бесовское наваждение. Каза-аб-дуб его по шее и идем дальше!

– Царь грядет! – Вдруг громко сказал Пастух.

Гномы опешили. Опустили топоры, заулыбались.

– Чего ж ты сразу не ска-азал заветные слова? – спросил Пастуха Тимошка.

– А вы и не спрашивали... Ладно, помогите подняться старику. Вы в монастырь? Тогда нам по пути.

Пастух и гномы тронулись в сторону катакомбного монастыря.

– А ведь вы могли меня зарубить. Или как там у вас, каза-аб-дуб, – сказал гномам Пастух.

– Прости, бра-а-ате, наш грех не смирения, – ответил Филька.

А Тимошка добавил, – а-а-вве-е Васи-илие говорит: лучше лишний раз зарубить, чем впасть в сети вражды и погибнуть и ве-е-ечно в геенне гореть. Он нас и бла-а-агословил найти и убить лесных демонов.

– А а-а-авве Васи-и-лие благословляет сам страшный и ослепительный а-а-ангел, – пояснил Филька.

Часть II

По ту сторону Браммы

Переход

К Брамме выдвигались в предрассветных сумерках. Огромная желтая луна, с бледно-синим ободком, тускло светила нам с северо-западной части неба. Из ночной тьмы медленно возникали тополя по обочинам дороги. В лунном свете они казались невероятными исполинами, скалами, могучими костями земли.

Перед самыми тополями, мы свернули в сторону с трассы. Дальше шли гуськом по «секретной» тропинке Николая. Тропинка вела напрямик к Брамме. Вскоре впереди показался ее темный силуэт, тускло освещенный луной и начинающим понемногу светлеть восточным горизонтом.

При виде Браммы опять учащенно забилося сердце, застучала, запульсировала в висках кровь. Но на душе было спокойно, даже как-то пусто; ни страха, ни любопытства – что будет, то будет. Может, это оттого что много на эту тему говорили с Николаем, в последнее время. Впрочем, насчет увеличения кровяного давления он предупреждал.

Темный контур Браммы вплотную надвинулся на нас. Обходя его, тропинка немного отклонилась влево. Мелькнул едва различимый во тьме двухметровый сухостой, и мы внезапно уперлись в проход в холме, в саму Брамму. Остановились, собираясь с духом, словно перед прыжком в воду. Перед нами (и над нами) зиял глубокий черный провал, уходящий бесконечно вглубь и так же бесконечно ввысь – так нам казалось в предрассветном полумраке. Ощущение будто стоишь перед трещиной между мирами. Космическое ощущение.

Николай повернул к нам свое бледное худощавое лицо:

– Батюшка, благословите, – тихо попросил он.

– Бог благословит, – так же тихо ответил отец Иван, как из полусна.

Николай первым шагнул в проем. Следом отец Иван и я.

– Держитесь вытянутой рукой левой стены, – откуда-то издали донесся голос Николая. – Помните, что я говорил: сперва небольшой лабиринт, потом пустое пространство, смежная зона. Главное, не бояться, не теряться и идти упорно вперед. Только вперед!

– Ничего, прорвемся, – бодро отозвался отец Иван.

Я коснулся рукой стены. Это была скальная порода, как и говорил Николай. Холодный, гладкий камень. Я провел по нему рукой и вдруг с изумлением почувствовал, как у меня на голове шевелятся волосы. Ощущение было даже немного приятное. К шевелению волос добавилось легкое покалывание в затылочной части головы.

Я осторожно двинулся вдоль стены. Через несколько шагов рука соскользнула в пустоту. Стена оборвалась, уходя в левую сторону. Затем вновь повернула, на этот раз вправо. Потом опять влево. Вправо. Влево. Вправо... Углы лабиринта становились все более частыми, повороты резкими. Очень скоро я начал теряться во времени и пространстве. А спустя какое-то время потерял и саму стену.

Я оказался совершенно один, в полном мраке. Но продолжал упорно, мелкими и осторожными шагами продвигаться вперед, водя, как сомнамбула, вокруг себя руками, в поисках хоть какой-то опоры. Страх не было. Я был уверен, что Николай и отец Иван рядом. Просто я временно их не воспринимаю. А они, по-видимому, меня.

Прошло не меньше часа, а может быть, и больше, а я все пробирался сквозь крошечный мрак Браммы. Я был уверен, что сам холм давным-давно остался позади, и я нахожусь в каком-то подземном переходе.

Послышался отдаленный шум моря и крики чаек. Я совсем не удивился, только обрадовался тому, что переход ведет не куда-нибудь, а к морю. Словно подтверждая это, в воздухе тут же запахло морем.

Раздался смех – это смеялся отец Иван, долго и заразительно. Перед глазами вновь возникла его фигура. Теперь на фоне яркого светового пятна. Пятно все увеличивалось. Я увидел, что окружен темными морскими волнами, они вздымались по бокам от меня; мы шли как бы по коридору между стенами морской воды. Почему-то я совсем не удивился.

По мере приближения к световому пятну волны по бокам становились все светлее, чище. Наконец я «вынырнул» на поверхность. А точнее вышел с той стороны Браммы, вслед за Николаем и отцом Иваном.

– Вышли, – радостно сказал Николай, – слава Богу!

– А где море, – спросил я его. И обернулся. Сзади меня была все та же Брама, все тот же холм с проходом посередине. Мы вышли с его обратной стороны.

Николай с пониманием посмотрел на меня:

– Море, это хорошо, – загадочно сказал он. – Только оно не здесь, дальше. Мы всего лишь вышли на ту сторону Браммы. И вышли, кажется, очень удачно... Посмотрите, как красиво! Какой рассвет!

Первое, что я увидел – это огромное чуть ли не в треть неба облако над восточным горизонтом. Облако показалось мне удивительным и странным. Несмотря на огромность, оно выглядело необычайно легким, полупрозрачным и как бы многослойным.

Вот-вот должно было взойти солнце, нижний слой облака ярко пылал, переливаясь то золотом, то перламутром, то серебристо-белым: как будто еще не взошедшее светило попеременно меняло свою окраску. Следующий слой был голубовато-лунным, а самая верхняя часть облака была еще по ночному серой, похожей больше на призрачный и туманный контур. Прямо сквозь «контур» горела желтовато-белая звезда. Она была похожа на маяк в предрассветной и зыбкой дымке.

Я перевел взгляд с небес на землю. И тут увидел его – холм из моего видения возле Браммы! Местность, на которой мы стояли, плавно понижалась в сторону востока. Где-то в полутора-двух километрах от нас начиналась просторная низина. В низине густыми слоями плавал молочно-голубоватый туман. Сразу за низиной плавно вздымался холм, он был огромен и напоминал морскую волну со скошенным гребнем. Самая верхняя точка «волны» была от нас в юго-восточном направлении.

Я внимательно посмотрел на вершину. Возникло странное ощущение, будто все точки открывшегося нам пейзажа смыкаются там, на этой вершине, на которой еще что-то блестит – серебристые микроскопические капельки, едва уловимые взглядом. Казалось, они парят в воздухе, не касаясь земли. Точнее разглядеть не получалось – слишком большое расстояние.

– Что это? – спросил отец Иван Николая, показывая в сторону серебристых капелек.

– Серебряные Деревья.

– Серебряные Деревья! Это как?!

– Описывать пока не буду, – сказал Николай, – мимо них все равно пойдем.

Отец Иван хмыкнул, но больше не сказал ничего.

– Невероятно! – воскликнул я, – это же холм из моего видения! Николай, это холм из моего видения! Он еще потом мне снился. Даже не знаю, что подумать?.. То есть, Николай, мы сейчас, получается, в другом мире?!

– Да, мы в другом мире. Но вы не переживайте, это хороший мир. Я вам про него

много рассказывал.

– Выбора у нас нет, – подытожил отец Иван. – Раз мы здесь, придется принимать все, как есть. С Божьей помощью разберемся. Хотя, сказать честно, мне здесь нравится. Очень красиво, если не Рай, то его преддверие, благодать.

– И куда мы теперь? – спросил я.

– Прямо, – махнул рукой Николай. – В сторону Серебряных Деревьев. Но вначале спустимся в низину. Там небольшая речушка. Как я и рассказывал.

Поправив ляжки рюкзаков, мы тронулись в путь. Несмотря на бездорожье, идти было легко. К тому же, мы двигались с горки в низину. Земля под ногами была совершенно сухой и ровной. Молодая весенняя трава едва-едва прикрывала наши ботинки – мягкая и приветливая, как вся эта земля.

Удивительно чистый, прозрачный воздух. Только сейчас, когда мы тронулись в путь, я почувствовал насколько девственный здесь воздух. Дышалось им в самом прямом смысле с наслаждением. Я поймал себя на мысли, что отношусь ко всему происходящему со мной с довольно спокойным чувством. Нет ни тревоги, ни ощущения растерянности. словно каждое воскресенье совершаю здесь прогулки.

Через полчаса мы достигли низины и приблизились к лесу. У подножий деревьев еще клубились остатки бело-голубого тумана. Николай отыскал едва заметную тропинку, по ней мы и вошли в лес. Немного поплутав, тропинка превратилась в небольшую песчаную дорожку, очень сухую и удобную.

Захотелось разуться. Николай словно прочитал мои мысли. Быстро положив рюкзак на траву, он скинул обувь. Недолго думая я сделал то же. Песок оказался прохладным и влажным. Стоять на нем было незабываемым удовольствием, хотя я предполагал, что будет холодней. Все-таки ночи в апреле еще свежие, с очень густыми туманами, а иногда и с заморозками.

Дальше мы двинулись босиком, только отец Иван отказался скинуть обувь. Приветливое мелколесье, чем-то похожее на разросшуюся и облагороженную лесопосадку, кончилось. Стройные тополя и буки уступили место величественным соснам. Верхушки сосен горели, пронзенные солнечными стрелами. Казалось, от деревьев исходит мягкое теплое зеленое пламя. А у подножий сосен еще клубился, свиваясь кольцами, голубовато-лунный туман.

Мы пересекли небольшой луг, весь заросший большими и дивными цветами. Подошли к огромным плакучим ивам. Шедший впереди Николай нагнулся, приподнял мягкие струящиеся ветви, украшенные дымчатой апрельской листвой, и вошел внутрь. Следом за ним вошли мы.

Пройдя по нерукотворному зеленому коридору метров двадцать, мы оказались на просторной большой поляне овальной формы. Поляна оканчивалась небольшим возвышением. На возвышение вели вырезанные в земле ступеньки. Мы поднялись по ним. За деревьями блеснула полоса лесной реки. Послышалось ее журчание. Я внезапно понял, что нахожусь в самом настоящем лесном храме! А возвышение, на котором мы теперь стоим – оно так похоже на Алтарь!

– Друзья, сделаем небольшой привал, – обратился к нам Николай.

Стражи

– Что за фарисейство! Что за монополия на Истину?! – воскликнул я, удивляясь самому себе, и понюхал какой-то неведомый мне цветочек, растущий прямо на дереве. Цветок пах ладаном. Точь-в-точь как в церкви. – И о каком здравомыслии речь, раз мы уже здесь.

– Дима, – всплеснул руками отец Иван, – я тебя не узнаю!.. И ты за то, что бы молебен деревьям служить?! Ничего себе борец за чистоту веры!.. Ладно. Раз даже Дима настаивает, тогда служим. А потом пойдем птичкам проповедовать. И мышам. Как католические святые.

– Не деревьям, стражам, – поправил Николай. – Простите, не моя прихоть, они просили, им интересно.

– Но и спел бы им что-нибудь, там, Иже херувимы, или что-то в этом роде, – недовольно пробурчал отец Иван. – Ладно. Служим...

Молебен прошел на одном дыхании – полный контраст с тем, что было в общежитии. Девственная Природа не противоречила, а только дополняла слова молитвы. В какой-то момент я даже ощутил полное соборное единение со всем этим миром и Творцом.

Ближе к концу молебна почувствовал спиной чье-то присутствие. Обернулся и чуть не вскрикнул от изумления. Только что сзади нас ничего не было и вот, словно из ниоткуда, выросли три величественных дерева. Но в изумление, даже в испуг, меня привело ни это – деревья были из моего видения и сна! Один в один!

Одно дерево похоже на березу, но светлее березы. Другое похоже на клен. И третье, самое причудливое. Теперь я разглядел его лучше. Дерево было хвойным, но породы мне совершенно неизвестной. Хвоя на ветках дерева росла небольшими аккуратными пучками. Хвоя была длинной с серебристым оттенком, а ветви (то красных, то коричневых, то желтых цветов) казались пестрыми и причудливыми.

Мой взгляд невольно задержался на последнем дереве. Пока я его разглядывал, на него упал луч солнца. Что-то ярко блеснуло, на мгновение я зажмурил глаза, а когда открыл, то вместо дерева увидел высокого, стройного юношу в нелепом, пестром балахоне. Я сразу подумал – передо мной Ангел. На лице юноши сияло такое искреннее дружелюбие и внимание, какое я не встречал нигде в человеческом мире. Юноша улыбнулся и даже успел помахать мне рукой, прежде чем вновь стал деревом.

Я толкнул Николая:

– Это стражи?!

– Да, это стражи, – коротко подтвердил Николай.

– Невероятно! Стражи, в образе деревьев из моего видения! Невероятно!

Молебен закончился. Отец Иван повернулся, увидел деревья и, видимо, понял все. Он произнес короткую, но пламенную проповедь о том, что в доме Отца Небесного обителей много. А значит, и много у Бога других детей, кроме человека. И они также нуждаются в мире духовном, в благодати и в Спасительной Божьей любви.

А потом опять что-то ярко сверкнуло, на месте белого дерева появилась очень высокая человеческая фигура, с ног до головы укутанная в длинное белое одеяние, словно в саван. Фигура двинулась, поплыла в нашу сторону. Остановилась в нескольких метрах от нас, вежливо склонив голову.

В первые мгновения, больше от неожиданности, меня и отца Ивана охватил страх. И странное оцепенение. Но вот страж приблизился к нам, и от всей его фигуры дохнуло такой добротой и мудростью, что все страхи тут же развеялись. Я подумал, что это, наверное, старший среди делегации стражей.

Лицо стража было скрыто за опущенным капюшоном. Виднелась только небольшая, совершенно белоснежная и немного кучерявая борода.

– Мы благодарны вам, – сказал он немного глухим и в то же время напевным голосом, и низко нам поклонился.

В ответ Николай смешно приложил руку к сердцу и сказал (как мне показалось вычурно театрально, как в плохом фильме про индейцев):

– Я и мои друзья приветствуем тебя, страж с холма Серебряных Деревьев.

Внезапно страж обратился к отцу Ивану:

– Почему вы не хотите поделиться Истиной с деревьями? Разве Истина принадлежит только вам?

Отец Иван промолчал, видимо, на время лишившись дара речи.

– Понимаю, вы не воспринимаете деревья всерьез, – продолжил белый страж, – как и многое другое... Да будет вам известно, уважаемый служитель Кон-Аз-у... – Страж произнес очень длинное и красивое слово, которое, впрочем, словом можно назвать условно; причем уже «у» звучало как птичье «фью», а далее шла просто непередаваемая игра звуков, отдаленно напоминающая и птичье щебетание, и шелест леса.

– ... Тот, которому Вы служите и поклоняетесь, – сказал страж, – мы и деревья знаем Его. Знаем дольше вас. Но не как Воскресшего, по-другому. Мы, конечно же, помним, что Кон-Аз-у... – (опять «птичье щебетание и шелест») – принял ваш облик и ходил по земле. Зачем он воплотился среди вас – нам непонятно. Но не наше дело судить дела Кон-Аз-у... Он Воскрес, и пути многих существ распрямились. Мы ждали, что вы споете нам о том, как это было. Но вы, вы объявили нас бесовской нечестью и уничтожили священные рощи! Вы называли нас бесами, а это неправда. Те, кого ваш народ называет бесами, они нам также враги! А потом вы изобрели машины и убили много, очень много деревьев! Очень много! – Страж задохнулся, вся его фигура дрогнула, словно от сильной боли или гнева:

– Не будем об этом. Может, мы что-то не понимаем. Сам Кон-Аз-у... ходил среди вас. А вы не изменились! Вот почему нам было важно услышать вашу песню Ему.

Большой белый страж помолчал. Потом вдруг коротко всплеснул своими руками-ветвями (мне на мгновение почудилось, что это ветви, на которые налетел ветер):

– Прошу меня простить! Я не представился... Мое имя... нет, по-вашему, оно вряд ли произносимо. Зовите меня просто Белодрев. Капитан меня так зовет. Я не против. Ваши имена мне известны. Теперь познакомьтесь с моими друзьями.

Оставшиеся два стража приняли человеческий облик. Тот, что был в длинном пестром балахоне, подошел первым. Тут только я заметил, что у него пышная копна волос медного цвета, безбородое лицо с разными глазами. Один глаз был зеленый, второй небесно-голубой.

– Зовите меня... Пестрый, – сказал страж.

Третий страж был похож на Белодрева, только ростом чуть ниже. В темно-коричневом одеянии-саване, без капюшона. У третьего стража было вытянутое узкое лицо, обрамленное длинными каштановыми волосами, и небольшая аккуратная борода. Представился он совсем просто – Клен.

– От нашего друга Капитана, – с достоинством сказал Пестрый, – нам известна цель вашего похода. Мы поможем вам.

– Но обсудим это не здесь, – подхватил слова Пестрого Клен. – Здесь наше временное служилище. Мы наблюдаем за дорогой от Браны. Поговорим лучше на Холме. Под Серебряными Деревьями. Там спокойней.

– Я и Клен покинем вас... до вечера, – сказал Белодрев.

– А я проведу вас на Холм, – сказал Пестрый.

Белодрев и Клен стремительно растворились среди деревьев. Пестрый спустился к реке и там, ожидая нас, что-то напевал и взбалтывал воду голыми ногами.

– Да уж, нет слов, – сказал отец Иван, словно очнувшись, – прости, Николай, за маловерие. Да, можно теперь я буду тебя называть Капитаном, как и эти, стражи?

– Отец Иван, о чем речь! – воскликнул Капитан-Николай. – Называй как тебе удобней.

– А почему именно Капитан? – спросил я Николая.

– Сам не знаю, – пожал плечами Николай. – Знаю только, что я у них Капитан Браны. Видимо, смысл прояснится позже.

– Красиво: Капитан Браммы. Что ж, Николай, теперь ты для нас тоже Капитан Браммы.

– Кстати, это их удивительное щебетание, или слово... как там – Кон-Аз-фью и что-то такое далее – это они так Христа называют? – спросил отец Иван.

– Да, где-то так, – ответил Капитан, – с одной поправкой, того Христа, что ходил некогда по дорогам Палестины, они не знают. Если, конечно, я сам все это правильно понимаю.

– Ладно, – сказал отец Иван, – не будем показывать наше маловерие Пестрому, идем.

Закинув на плечи свои дорожные пожитки, спустились к реке. Увидев нас, Пестрый прекратил петь и весело прокричал:

– Смотрите, смотрите, вы привлекли своими молитвами даже реку. Обычно она у нас еще сонная в это время.

Река была неширокая, мелководная, чистая и прозрачная. Прямо над рекой струилось мягкое, женственное, голубоватое сияние. Я подумал, что это остатки тумана. Но это был не туман, это сияла сама вода! Я почувствовал нечто необычное: казалось, река смотрит на меня и знает обо мне. Возникло непреодолимое желание зайти в воду, омыть ноги, омыть лицо. Что мы тут же и сделали, снова сбросив с плеч рюкзаки. Пестрый не возражал, а был наоборот рад.

Вода в реке оказалась не ледяной, как я предполагал (все же еще апрель), а приятной и прохладной. Вода как будто проходила сквозь ноги, вымывая всю застоявшуюся муть изнутри. Волны чистоты поднимались от ступней ног выше и выше, пока не охватили все тело.

Я спросил об ощущениях отца Ивана и Капитана. Они примерно испытывали то же. Мы умылись и вышли из реки совершенно бодрыми. Тут же тронулись в путь. Пестрый повел нас вдоль берега реки, в северном направлении. Мы быстро шагали под сенью нескончаемого ряда плакучих ив. На том берегу реки так же шли ивы.

– Эта река когда-то текла и в нашем обыденном мире, – нарушил благоговейное молчание Капитан. – Потом, в послевоенное время, начали строить всякие оросительные системы и загубили речушку. Наконец, военные, у них там в той стороне, куда мы, может быть, пойдем, была небольшая станция ПВО; так вот, военные вообще ее засыпали, чтоб дорогу быстрее провести. И река полностью умерла. Осталась безжизненная канава с одной стороны и пересыхающее летом небольшое болотце – с другой. И все.

– А здесь, как видите, – продолжил рассказ о реке Пестрый, – она еще жива. Но постепенно тоже умирает. Становится все мельче и мельче. Плоть реки истощается. Хотя мы и стараемся поддерживать в реке жизнь. И вы своей песней Кон-Аз-у... реке немного помогли. Она так же, как и мы, вам благодарна.

Пройдя не менее километра по берегу реки, мы подошли к маленькому пешеходному мостику. Перейдя по нему речку, повернули на восток. Какое-то время двигались по дну небольшого оврага. Дорога ощутимо шла в гору. Овраг кончился, и мы оказались на открытом пространстве, у подножия большого холма. Дальше дорога делала большой изгиб и постепенно заворачивала на юго-восток, к вершине холма, к Серебряным Деревьям.

Но, ни вершины, ни Деревьев видно не было. Не было видно ничего, кроме исполинского склона и синего неба над ним. В противоположную сторону местность плавно понижалась. Виднелись отдельные кусты, деревца, какие-то камни в отдалении, ямы. Затем все тонуло в непроглядном белесом тумане.

– Смотрите, что там? – отец Иван показывал пальцем на северо-восток. Там, из тумана, смутно проглядывала какая-то возвышенность, непроницаемо-черная, с усеченным верхом. Чем-то неуловимо напоминающая и пирамиду, и курган.

– Гиблое место, – сказал Пестрый, – курган тьмы.

– Курган? – переспросил я, – послушай, батюшка, а не тот ли это скифский курган,

что мы видели, когда шли из Черноморки в Кут. Только кажется, он ближе к Бrame был, чем теперь.

– Тот, тот, – подтвердил Пестрый, – скифский. И именно со времен скифских человекoв туда и вторглись полчища из преисподней земли, сделали курган неприступным бастионом. А все оттого, что много там жадности скифские человекoи захоронили.

– Гиблое место, – повторил Пестрый и тут же радостно добавил, – но наш путь в противоположный край, в хорошее место. Хоть и в гору. Идемте...

Отражение Рая

Дорога, по которой мы уже не первый час шли, вновь повернула, огибая резко оборвавшийся отвесный склон холма. Мы очутились прямо перед титанической аркой, перекинутой от одного края холма к другому. Арка была полупрозрачной и серебристой. Больше всего она напоминала необычную по цвету радугу, что вот-вот растает без следа. Дорога устремлялась к арке, проходила под ней и... исчезала, расплываясь в золотисто-синеватом мареве. Все, что находилось по ту сторону (а именно там вершина, до которой оставалось совсем чуть-чуть), было похоже на колышущуюся золотисто-синеватую дымку, в которой ничего не разглядеть.

Невидимая преграда простиралась от вершины арки и до земли. Мы с отцом Иваном невольно замедлили ход. Но Пестрый и Капитан как ни в чем не бывало, не сбавляя хода, летели прямо под арку. Когда до преграды осталось пару шагов, страж, шедший впереди всех, обернулся и радостно воскликнул:

– Пришли! Смелее, друзья-человекoи! Шагайте за мной!

Он просвистел какую-то короткую песенку на своем птичьем языке и скрылся в желто-синем мареве. Шедший следом за ним Капитан остановился, поджидая нас и, видимо, желая приободрить. Но приободрять никого не пришлось. Отец Иван вдруг резко ускорил шаг.

– Живой, в помощи Вышнего⁷! – громко воскликнул он и скрылся вслед за Пестрым в золотом мареве. Вслед за ним «нырнул» я. Даже машинально задержал дыхание. Однако никакой преграды не почувствовал.

Завеса прежнего мира разошлась предо мной совершенно неощутимо, и я вступил в нечто совершенно новое. И это новое было настолько чистым, светлым и прекрасным, настолько родным, что радостно затрепетало сердце. А у души выросли крылья, и она устремилась навстречу тем, кто ее давно ждет и любит. И кого любит и ждет она...

Так я обнаружил себя стоящим на просторной зеленой лужайке. Рядом со мной был отец Иван, Пестрый и только что прошедший сквозь арку Капитан. А вот самой арки не было. Вместо нее нашему взору открылся потрясающий, колоссальный по широте обхвата, но довольно унылый пейзаж. Мы молча стояли и смотрели на мир, из которого только что пришли сами, и этот мир казался нам миром теней.

Прямо под нашими ногами полого опускался склон холма. Местами на нем змеилась дорожка, по которой мы столько карабкались. Над склоном холма как бы висела завеса света, словно идущий от вершины покров. Но чем ниже, тем завеса становилась все тоньше и тусклее, а мир серее.

---

⁷ «Живой, в помощи Вышнего» – первые слова 90 Пслама Давида на церковнославянском.

Покров ниспадал почти до самого подножия, после чего разрывался на сотни тысяч светлых нитей. И эти нити расходились по миру. В западном направлении покров простирался немного дальше холма. А у самого подножия, там, где река и лес, играли блики света, и клубился беловато-голубоватый туман. Пожалуй, это было единственное «светлое пятно» в открывшемся нам пейзаже. Дальше, к Бrame, все сливалось в светло-серой дымке. Только одна Брама виднелась отчетливо. К ней устремлялись белые нити покрова, проходили сквозь нее и расходились в разные стороны.

А вот мир «за Брамой» просматривался как на ладони: лесопосадка, дорога в село. И это уже был наш обыденный, человеческий мир, мир из которого мы прибыли! Только в нем нет красок, он черно-бел, как старая фотография.

Вид на Красный Кут загоразживал склон холма. А вот в северном направлении, далеко за холмом, была отчетливо видна дорога на Черноморку. Даже можно разглядеть светло-серую фигурку медленно движущегося велосипедиста. И такие же серые коробки корейских вагончиков.

К вагончикам тянулись закрученные спиралью нити. Несколько нитей были серебристо-серого цвета, они спускались прямо с холма, на котором мы сейчас стояли. Но гораздо больше было черных нитей. Они уходили на северо-восток. И вот там-то клубилась подлинная тьма, в которой что-то мерцало тусклым багровым цветом – это был курган тьмы.

Не знаю, сколько мы бы еще простояли, рассматривая открывшийся черно-белый простор. Из оцепенения нас вывел голос Пестрого:

– Странные вы человеки, – сказал он нам, – столько топтать к вершине, а когда дотопать, стоять и смотреть вспять. Неужели вы забыли главное, что хотели здесь увидеть. Всю дорогу об этом спрашивали, а теперь забыли?

– Да, Серебряные Деревья! – воскликнул Капитан.

Мы повернулись к вершине. В глаза ударил ослепительный свет.

Я машинально зажмурился, но свет не жег, не резал глаз; он просто не давал видеть. Причина же этому (почему-то я ясно понимал причину) не в органах зрения, а во внутреннем моем несоответствии этому миру. От этого несоответствия стало как-то не по себе, словно я явился на главное торжество своей жизни в рваной и грязной одежде. Если бы не Пестрый и не Капитан с отцом Иваном, если бы не цель нашего путешествия, я бы, наверное, тихо развернулся и скатился бы обратно в свой мирок. Довольный тем, что и так видел немало.

Я чувствовал, что какая-то огромная и Благая Сила (я все же дерзнул назвать Ее мысленно Господом), видит меня насквозь. Видит все мои темненькие мыслишки и тайные дела, все сальные пятна на одежде моей души.

Параллельно во мне росло и иное, противоположное ощущение: Благая Сила не осуждает меня, не прогоняет меня прочь, во мрак; Благая Сила любит меня, любит в самом высшем смысле этого слова. Она пытается мне помочь, привести, насколько это возможно при моем нынешнем состоянии, мой внутренний мир хоть в какое-то соответствие с Божественным замыслом обо мне.

Боже, как я жил?!

Из моих глаз брызнули слезы. Слезы горести и слезы счастья. Благая Сила не осуждала меня, и от этого одного уже хотелось жить и жить по-новому....

Когда слезы прошли, я обрел способность видеть. Сначала я увидел своих спутников. Лицо отца Ивана и Капитана было, как и у меня, в слезах. Пестрый стоял в стороне и отрешенно, закинув голову, тихо пел какую-то песню.

Я вслушался в переливающиеся звуки его пения, что-то похожее на знаменитый распев афонских монахов, только без слов, с одним звуком «а». А потом я увидел карабкающийся на вершину луг, на котором мы стояли. И заметил на нем невыразимо красивые, огромные цветы, цвета неба. Они напоминали лотосы, выбравшиеся на сушу.

Несколько растений росло неподалеку от нас. Стебли у них были настолько тонкие, что казалось, синие лотосы парят прямо в воздухе. И тихо и ритмично при этом не то шелестят, не то тренькают. Чем ближе к вершине, тем цветов становилось больше. Наконец, в своей самой верхней кромке луг уже казался не зеленым, а небесно синим, словно небо оставило на нем часть себя.

Прямо над лугом нависал лес цветущих деревьев. Белый, розовый, золотые цвета гармонично сочетались с сочной зеленью. Виднелись ухоженные дорожки, аллейки, какие-то непонятные сооружения, похожие то на огромные летние беседки, то на средневековые замки с загадочными куполками, над которыми прямо в воздухе что-то крутилось. Больше всего это было похоже на бешено вращающиеся веретена, хотя и эта схожесть была весьма отдаленной.

Отец Иван, как бывший технар, конечно же, поинтересовался «вращающимися веретенами». Ответил Капитан, Пестрый еще пел. Со слов Капитана выходило, что это нечто вроде уловителей солнечной силы. Так ему стражи сказали. Отчасти, очень отдаленно, это можно сравнить с нашими солнечными батареями для выработки электричества, но применение этих уловителей несколько шире.

Выше леса-сада начиналась уже сама вершина. Та самая вершина, из моего видения у Браммы. Только теперь она предстала во всем своем великолепии – белоснежная, словно заоблачный горный пик, укутанный свежеевыпавшим чистейшим снегом. «Снег» невыносимо для глаз искрится на закатном солнце. А в «белоснежность» гармонично вкрапляется буйная зелень апреля и синева неба...

Вот и Серебряные Деревья! Они огромны – три, три исполина на самой вершине!

Ничего более величественного и странного видеть мне не приходилось. Деревья казались застывшей неземной вечностью. Лестницей на Небо. Источником силы и благодати и покровом света для этого мира. Голые серебряные стволы уходили ввысь, затем, на запредельной, заоблачной высоте шли устремленные к небу ветви. Они образовывали пирамидальную крону, которая и горела ослепительно в лучах солнца. Сияние трех гигантских деревьев создавало световой шатер, покров света над всем этим миром.

– Пора, – сказал Пестрый. – Нас ждут.

Он указал рукой в сторону одной из аллей леса-сада, к которой как раз и вела наша дорога. Я увидел разноцветное кружение светлых точек. Точки не то танцевали, не то водили хоровод. И медленно двигались в нашу сторону. Больше ничего понять было невозможно.

Двинулись и мы в сторону вершины и леса. Шли молча. Каждый из нас, за исключением разве что стража, пережил духовное потрясение. Ушла душевная муть, а с ней множество вопросов. И воцарились тишина и безмолвие.

Мне вдруг ярко вспомнилась ощущение всецелого покоя, что я пережил на кухне в Черноморке. И даже не вспомнилось; я заново, в какие-то секунды, прожил тот момент, еще более глубоко почувствовал то состояние. Пережитое на черноморской кухне слилось со здешним безмолвием, образуя как бы законченную ткань. Исчезло чувство времени; я одновременно был на кухне в Черноморке, и я шагал по миру стражей. Ощущение было необычным и приятным. Оно давало полноту жизни.

Кромка леса неуклонно приближалась. Вокруг становилось все больше и больше синих, лотосоподобных цветов. Наконец, они были всюду, мы подошли к верхней границе луга. Цветы издавали тонкий, окрыляющий душу аромат, наподобие фимиама, и мелодично, не хаотично, а подчиняясь какому-то своему ритму, звенели. Я все же не удержался и прервал безмолвие:

– Что это за цветы? – обратился я к Пестрому.

– Это, – с готовностью отозвался страж, – это илиу... илиу... – страж сбивался на птичий язык – илиу-у-у...

– Илиунурии, – ответил за него Капитан.

– Да, правильно, илиунурии, – воскликнул Пестрый. – Пожалуй, так ближе всего на вашем языке.

– Красиво, – сказал я. И несколько раз про себя повторил, наслаждаясь мысленно словом – илиунурии, илиунурии...

Вошли в лес. Да, это, пожалуй, был все же больше лес, чем сад. Но лес необычный. Тополя, дубы, клены, березы и другие лесные деревья цвели, подобно яблоням и сливам. Стройные красавицы березы стояли в белых цветках, словно абрикосы. Могучие тополя были усеяны фиолетовыми цветами. Дубы полыхали ярким красным цветом, а на кленах был небесно синий наряд.

Не меньше цветов поразила величественная царственность деревьев. Их непорочность. Каждое дерево было глубоко неповторимым, наделенным душой (еще пару дней назад я бы подверг сильному сомнению мысль о наличии у деревьев души). Казалось, что каждое дерево внимательно и с интересом наблюдает за нами.

– Как в раю, – сказал отец Иван. Его голос мелодично зазвенел среди деревьев, как это было и в лесу у реки; но только теперь деревья откликнулось на слова, повторили их по-своему.

– С юных лет мечтаю попасть в рай, – продолжил отец Иван и вдруг весело рассмеялся. Засмеялся и я. А вместе с нами засмеялся весь лес.

Пестрый остановился:

– Я счастлив, что вы смеетесь, друзья-человеки, – сказал он. – Оставьте свою тревогу и страхи. Отдыхайте.

– Да, – согласился отец Иван. – Пожалуй, меня впервые за долгое время покинула тревога. Беспокойные мысли... Как будет, так будет. На Все Воля Божья. Но скажи честно, друг Пестрый, это рай, или еще нет? Ну, может не сам еще рай, а его самая окраинка? Место, где материальные предметы освящены, но еще не перешли в чисто духовные понятия. Или что-то в этом роде. Вот... Так это рай, или нет?

– Рай-у, – удивился Пестрый, – что такое рай-у?

– Место, где благие видят Воскресшего лицом к лицу, – пояснил Капитан. – Благословленная земля.

– Тогда здесь не рай-у, – сказал Пестрый, – это за морем. А здесь... понимаю, этот мир кажется благим, в сравнении с вашим. Так потому, что мы меньше вас склонны ко злу. Да, мы тоже, бывает, спорим. И даже иногда не узнаем друг друга. Но мы никогда не копим друг на друга злобу. Не убиваем и не пытаем. Еще, мы медлительней вас. Мы дольше живем и гораздо лучше помним. Мы никогда не забываем о мире за морем. А здесь мы лишь пытаемся воссоздать это воспоминание. Но это всего лишь отражение этого, как ты сказал, друг, рай-у.

– Пусть будет отражение, – согласился отец Иван. – Уже одно отражение рая, много больше того, что мы заслуживаем. Так, Дима?

Я молча кивнул головой.

Ужин со стражами

Дорога привела нас к небольшому пруду с фонтаном. Фонтан бил прямо из огромного цветка илиунурии, искусно вырезанного из полупрозрачного темно-зеленого камня. От пруда, веером, расходились и сходились многочисленные тропинки. Вдоль тропинок росли очень необычные кусты; каким-то непонятным образом они становились скамейками, куполообразными навесами и беседками. А потом обратно

кустами.

Сразу за фонтаном была просторная поляна; на ее противоположной стороне виднелось странное здание. По фасаду оно напоминало небольшой средневековый замок, с многочисленными башенками и куполками. За башенками и куполами возвышался гигантский сферический купол, серебристый и полупрозрачный, как арка, сквозь которую мы шли. Над куполом вращалось огромное «веретено», бесшумно разбрызгивая ослепительные солнечные «зайчики».

Между зданием и фонтаном мы столкнулись со стражами. Увидев нас, стражи почти бегом устремились к нам.

– Фью-ию! – громко воскликнул высокий, как Белодрев, страж в таком же, как и у Белодрева одеянии, только серебристого цвета.

Я сразу мысленно окрестил его Серебряным.

Серебряный первым добежал до нас и низко поклонился. У него была длинная серебристая борода, причудливые брови – тонкие, изогнутые, идущие чуть ли не вокруг глаз, как очки. И прищуренные, смеющиеся глаза.

– Приветствую вас, друзья-человеки, наконец-то вы у нас, – сказал нам Серебряный приятным, вполне человеческим голосом.

А потом обратился к Пестрому, уже на своем, «птичьем» наречии. Пестрый что-то быстро «прошебетал» в ответ. Они обнялись. Серебряный пожал руку каждому из нас, каждого приветствуя. Ладонь у него была сухая, твердая и горячая.

– Здравствуй, друг Капитан. Рад тебя видеть снова у нас... Здравствуй, служитель Кон-Аз-у..., друг Иван... Здравствуй, друг служителя Кон-Аз-у... и наш друг, Дима, – обратился он ко мне. – А меня зовите, да, как и назвали, Серебряный, – и он захохотал.

– А вот ее зовите... – обратился он к подошедшей следом за ним женщине.

Я и отец Иван вытаращили глаза. Мы впервые видели стража женского пола. Женщина страж почти ничем не отличалась от обычных земных дам. Пожалуй, она была даже ближе к людям, чем Пестрый, Серебряный, Белодрев и Клен (чертами лица). Если б только не ее большой рост. Перед нами стояла очень высокая, величественная дама, вся в белом. Больше всего она напоминала игуменью, только что без креста и четок. Лицо у нее было смуглое и немного печальное. Глаза большие, внимательные, но тоже, как бы немного с грустинкой.

– Да, как вы и подумали, – воскликнул Серебряный после короткой паузы, – Игуменья.

Он снова рассмеялся.

– У вас дар, друзья-человеки, давать имена. Чудесно, – страж хлопнул в ладоши.

– Вы все шутите, – сказала подошедшая женщина низким грудным голосом. И назвала Серебряного по-птичьему. Потом окинула нас внимательным взглядом. Ее взгляд был одновременно скорбным и солнечным, цепким и в тоже время нежным.

– Друзья-человеки очень устали, – сказала она после небольшой паузы. – Они шли к нам из страны, где жизнь не так проста, как у нас... А Вы все шутите...

– Ну, точно, Игуменья, – всплеснул руками Серебряный.

Подошли остальные стражи. Среди них я тут же узнал Клена и Белодрева. С Кленом и Белодревом мы здоровались, словно со старыми друзьями. Следующий страж был очень похож на Пестрого. В точно таком же балахоне, с точно такими же чертами лица, как и Пестрый. Разве что немного ниже ростом, с огненной шевелюрой на голове и выразительными зелеными глазами.

– Вот мой брат! – закричал Пестрый. – Мы с ним часто спорим, как я и рассказывал. Хоть он и мой брат... да, так и зовите его, Брат!

– Хорошо, – с легкостью согласился брат Пестрого, – буду Братом. Только ты мне уже проспорила последний спор. Ты говорил, что друзей из мира человеков будет два, а их три! Три!

– Что я говорил, – сказал Пестрый, – уже начинает спорить.

– Тут не о чем спорить, – обратился к ним Белодрев. – Ясно одно, чем больше будет у нас друзей из мира человеков, тем лучше будет нашему народу...

Последний из встречающих нас стражей также оказался женщиной. Полной противоположностью Игуменье – легкое, порхающее, беззаботное создание в нелепом, трудноописуемом синем одеянии.

Внезапно я сообразил, на что похоже ее одеяние – на цветок иллиунурии.

– Легкая, – шепнул на ухо мне и Капитану отец Иван. Мы согласились.

– Легкая, – повторила женщина-страж в синем. И засмеялась.

– Легкая, – сказала она еще раз, как бы наслаждаясь словом.

– Легкая – повторил стоящий по окраинам поляны лес.

А внезапно налетевший ветерок, принес легчайший запах иллиунурий.

– Да будет так, – сказал Серебряный. – Но Игуменья права. Вы, действительно, устали, проделав большой путь к нам. Идемте. Вот ваш дом, – Серебряный показал на здание с серебристым куполом и огромным «веретеном»:

– Омоетесь, отдохнете. А потом вместе покушаем и поговорим. Много поговорим. Все обсудим...

***

Комната, в которой мы оставили наши рюкзаки, в первый момент напомнила мне нечто вроде номера люкс, виденного в фильмах. Бросилось в глаза огромное, чуть ли не во всю стену окно. Окно давало ощущение простора и света. Дальше прекращались все сходства не только с номером люкс, но и с любым человеческим жилищем.

Недалеко от окна и прямо на полу росла какая-то зелень – цветы, кусты и даже небольшие деревца. За всей этой зеленью, буквально под окном, текла небольшая речушка. Через нее даже перекинули миниатюрный деревянный мостик. Речка появлялась непонятно откуда, казалось, что прямо со стены – и также уходила в стену.

Сбросив рюкзаки, мы с наслаждением умылись прохладной речной водой и «попадали» в роскошные кресла, вытянув гудящие от долгого перехода ноги. Клен вкратце поведал нам о народе стражей. Кое-что мы уже знали от Капитана, но только теперь смысл сказанного Капитаном стал до нас доходить.

Со слов Клена выходило, что главной заботой стражей было произрастание. Стражи помогали расти траве, деревьям, лечили небольшие речки, которые здесь, в засушливой степной зоне, на вес золота. Небольшая группа стражей, во главе с Белодревом, наблюдают за Брамой. А Капитан наблюдает за Брамой со стороны человеков. В этом месте Клен притворно вздохнул и признался, что у Капитана получается лучше, чем у них, вести наблюдение. Поэтому народ стражей называет Капитана не просто Капитаном, а Капитаном Брамы. Кажется, это название лучше всего отражает суть того, чем занимается Николай.

Я и отец Иван с удивлением посмотрели на покрасневшего Николая. Николай в ответ что-то смущенно промычал. А Клен уже рассказывал о том, что сейчас стражей на холме осталось мало. Большинство разошлись по степи, полям, лесопосадкам, что б помогать травам расти, деревьям цвести. А чудом сохранившимся речушкам – свободно течь, до жаркого лета. Сейчас апрель, самое время роста. Поэтому большинство братьев и сестер сейчас далеко от холма и Серебряных Деревьев.

Да, Серебряные Деревья – оказывается, это и не совсем деревья, в нашем, обычном понимании. Это высокие духи, исполины из-за моря, принявшие облик Деревьев. Светоносный покров и защита народа стражей.

***

Прошло несколько часов после нашей беседы с Кленом. Омытые в горячем

подземном источнике и натертые специальными пахучими травами (стражи не признают мыло), поднимаемся витыми лесенками наверх. На нас балахоны, такие же, как у Пестрого и Брата. Нашу одежду сестры-женщины, как сказал Клен, приведут в полный порядок.

Отец Иван не хотел надевать балахон, еле уговорили. Теперь мы почти не отличаемся от стражей. Разве что ниже ростом. Я отметил, что больше всего на стража похож Капитан. Верней, Капитан Браммы.

Балахоны очень удобные, из какого-то мягкого, приятного телу и очень теплого материала. Идем босиком. Пол под ногами и даже лестницы теплые, словно чем-то подогреваются. Вообще у стражей все экологично и чисто – не любят они наше электричество и машины, не жгут нефтепродукты. Зато пользуются какими-то неизвестными нам источниками энергии. Еще умеют читать мысли. В этом я убедился, когда имена давали.

Кстати, Серебряному даже в голову не пришло, что чтение мыслей, а затем прилюдное их озвучивание – не совсем нам привычно, даже совсем непривычно и неприятно. Ощущение незащитности. Хорошо хоть, стражи благие существа...

Витые лесенки окончились. Мы оказались в просторном зале, в котором царил глубокий полумрак. Видимо, на улице стемнело, наступил вечер. В глубине зала неярко горели серебристые фонари. Их свет отчасти напоминал неоновый, но был мягче. Они практически ничего не освещали, но каким-то образом свет падал на дорожку, по которой мы шли.

– Свет фонарей тоже природная сила земли? – поинтересовался отец Иван у Капитана.

– Точно так, – ответил Капитан, – сила земли.

– А чего они такие тусклые?

– Ради того, чтобы мы могли любоваться звездным небом, – ответил Капитан. – Посмотрите наверх.

Мы посмотрели наверх и тут же остановились, остолбенели. Шедший впереди нас Клен тоже остановился, терпеливо дожидаясь, когда мы налюбуемся небом. Взору открылась сияющая звездная бездна. Не черная пустота с мигающими звездочками, как у нас, а именно полнота, полнота миллиардов звездных миров, яркий звездный ковер, покров, облако... Образов много, но все они не дают той картины, что мы увидели.

Звезды не только сияли, некоторые, особенно крупные, плавно меняли свою цветность, образуя вокруг себя какие-то концентрические круги, сферы, необычайно величественные, яркие и красивые. Звездного света было столько, что это именно он, а не фонари, освещал нашу дорожку.

Особенно впечатляла яркая и широкая полоса, протянувшаяся через все небо с юго-запада на северо-восток. Я догадался, что это Млечный Путь. Но какой необычный вид у него! Над нашими головами, в зените, от полосы Млечного Пути расходились под острыми углами два небольших обрывающихся рукава. В этом месте Млечный Путь был похож на птицу, или на крест.

В центре креста звездное сияние достигало апогея. Там пульсировало небольшое, ослепительное облако, схожее с эллипсом, или яйцом. Что-то подсказало мне, что это самый центр нашей галактики, в обыденном мире скрытый от нас облаками космической пыли.

Было ясное ощущение, что передо мной не просто астрономический центр галактики, а нечто гораздо большее – духовная ось всей нашей звездной системы. Я увидел, увидел на грани ощущения, как все бесчисленные звездные миры сходятся в точке пересечения «галактического креста». Я увидел всю галактическую плоскость! Я увидел то, что мечтал увидеть со школьных лет (всю галактику целиком). От открывшейся беспредельной панорамы захватило дух.

– Мы сейчас под шатром? – спросил я Капитана.
– Да, мы под шатром, – ответил, не отрываясь от звездного неба Капитан.
– Интересно, могут ли в шатре быть какие-то телескопические линзы, – тихо, как бы сам себе сказал отец Иван, – ощущение, будто сквозь большой телескоп на небо гляжу.

– Нет, конечно, – возразил Капитан. – Таковы здесь свойства самого пространства. Возможно, чище мир, меньше космической пыли и даже меньшая разреженность пространства, нет таких пустот, что у нас.

– То есть, ты хочешь сказать, что из мира стражей до центра галактики не тридцать тысяч световых лет, как у нас, а меньше? – спросил я.

– Не знаю, – простодушно пожал плечами Капитан, – не летал.

– Красиво, – спросил тихо подошедший Клен, – нравится?

– Нет слов, – ответил отец Иван.

– Я рад, что вам нравится наше ночное небо, – сказал Клен. – Может быть, небо объединит наши народы. А пока укажу вам главное.

Клен махнул рукой и длинным узловатым пальцем показал в центр неба. В полумраке его рука напоминала ветвь дерева.

– Это духовное сердце нашего мира, как оно открывается нашему народу, – спокойно сказал Клен. – Там обитель очень высоких и благих духов, если по-вашему. Средоточие Аз-А-у...

– Что-то вроде Бога Отца, – уточнил Капитан.

– Идемте, – попросил Клен. – Друзья, надо торопиться, нас ждут.

Клен повернулся и бесшумно зашагал по дорожке. Мы нехотя поплелись за ним, с огромным трудом оторвавшись от сияющей звездной бездны.

– Да, – сказал Капитан, – первый раз я здесь полночи простоял. И никто не торопил. А теперь вот ждут.

Мы снова вступили на лестницу, поднялись и оказались в еще одном зале меньших размеров. Здесь потолок был уже нормальный, сплошной. Но одна из стен, повернутая к вершине холма, была «прозрачной». Я увидел Серебряные Деревья («прозрачная» стена обращена именно к ним), они тихо светились отраженным звездным светом. Какое-то светило непередаваемого вида сияло над ними, испуская целую световую гамму лучей.

В зале внезапно вспыхнул свет, и пропали Серебряные Деревья и непередаваемая небесная сфера над ними. Свет лился из ниоткуда, не было ни фонарей, ничего. Мы увидели стражей, сидящих прямо на полу, на подушках, подобно арабам, или индусам. Стражи встали и шумно приветствовали нас.

Мы ели и пили. Все было необычайно вкусно, а вода в кувшинчиках имела разный аромат и пьянила, как очень хорошее вино. Специально для нас была запечена рыба. Весьма хитрым способом. Ее бесподобный вкус запомнится, наверное, на всю жизнь. Сами стражи вегетарианцы (этому я как раз совсем не удивился).

Ели и пили в благоговейном молчании. Лишь на лицах стражей менялись эмоции, стражи выглядели тревожно и что-то бурно обсуждали на своем, мысленном уровне. Наконец Белодрев сказал:

– Боюсь нашим друзьям-человекам не очень уютно оттого, что мы тут беззвучно говорим.

– Не очень вежливо с нашей стороны, – подхватила Игуменя.

– А давайте, что-нибудь споем, – предложил Серебряный. – Нашим друзьям жевать будет веселее.

И стражи запели. В их пении переливалось многоголосое «а-а-а», что мы уже слышали у Пестрого. Но только теперь в многоголосье вплетался набор совершенно непостижимых звуков, от птичьего щебета, до шелеста листвы. Трудно было поверить,

что все это производилось сидящими рядом с нами и внешне сейчас мало от нас отличающимися существами.

Мы ели и пили, а перед нами разворачивалась картина Творения. Прекрасные, далекие, чуждые страданию и злу миры возникали из звуков пения стражей. Описав величественный, непостижимый круг в мироздании, все сотворенное устремлялось к Творцу.

Голоса стражей становились все выше, миры все ослепительней. Наконец, оборвались все звуки, кроме переливчатого «а-а-а», дошедшего до раздирающих сердца высот, до Истока, и затихшего. Мы погрузились в безмолвие и тишину. Это было божественное безмолвие, безмолвие до Творения. Трудно сказать, сколько мы пребывали внутри него. Раздался голос Серебряного, и голос этот произнес невозможное, немислимое в этом мире:

– Народ земли убил двух наших братьев.

Мертвые стражи

Лица убитых стражей были неестественно белые, словно из бумаги. А в остальном – обычные, человеческие лица. И застыли на них вполне человеческие чувства. Причем, чувства хорошие. Что-то вроде детского изумления.

И кровь! Самая настоящая, красная, человеческая кровь. Вот что хуже всего!

Но не может быть у демона кровь, они духи, а эти, получается, из плоти и крови. Нет-нет, тут что-то напутано...

Лесные демоны напоминали Виктору великовозрастных детей. И этим рождали в его душе шемящую жалость. Жалость к демонам, вряд ли бы ее одобрил отец Василий, но что делать, Виктор был добрый мальчик.

У первого и у второго стража быстрыми и точными ударами топора разрублены грудные клетки. Смерть настигла их быстро, окрасив красным нелепые бело-зеленые балахоны, заострив торчащие босые ноги. Мертвые стражи были похожи на хиппи, или на неопределенного вида сектантов. Да на кого угодно, только не на демонов!

Виктор оглянулся. Возле него, опираясь на свои топоры, стояли довольные Тимошка и Филька – послушание выполнено, лесные демоны обнаружены и убиты.

Виктора покоробил вид довольных гномов. Он до последнего не верил, что земляной народ способен на убийство. Он знал, что они носятся с топорами по лесу. Но думал, что это такой специальный вид послушания, для земляных. А наказ игумена убивать лесных демонов надо понимать символически. Каким же он был наивным!

Виктор не знал, что ему думать об отце Василии и об ангеле. Пока ему было даже страшно направлять мысли в это русло. Оставалось одно голое чувство: что-то у нас не так, раз мы дошли до убийства.

Конечно, гномы рассказали, что лесные демоны вначале притворились деревьями. Но они распознали бесовский обман. Тогда демонам ничего не оставалось, как принять свой нормальный облик. Вот в таком облике их зарубили и приволокли сюда.

...А ведь по большому счету, эти существа ничего плохого нам не сделали, – продолжил размышлять Виктор. – Кроме гномов никто и не знал, как они выглядят. Мы же их земли вообще под покровом ночи проходили. Ангел отцу Василию сказал – срочно собираться. Взять Чашу, Антиминс, Престольное Евангелие, иконы, облачение: ничего антихристовому духу не оставлять! И запечатать Престол знаком рыбы.

Ночью перешли Брамму. Спустились в какую-то загаженную лесопосадку. Потом канава была, такая же грязная. Я еще правую ногу замочил. Потом этот холмик. Через который едва ли не бегом бежали. На холме ржавые конструкции. Некие башни. В

темноте было не разглядеть. Ангел сказал, что это самое гиблое место. Но никто нам ничего плохого не сделал.

Нет, если б Иосиф Волоцкий, борясь с ересью жидовствующих, так размышлял, как я сейчас, – внезапно осадил себя Виктор. – Они же мне ничего плохого не сделали и вообще, приятные люди. Брат, здесь никаких компромиссов быть не должно. Где бы сейчас была церковь, если бы первые христиане пошли на компромисс с языческим миром? Или если бы преподобный Иосиф не настоял бы на казни еретиков? Нет, с бесами никаких переговоров. Не мир, а меч...

Мысли Виктора приобрели возвышенный характер. По привычке, приобретенной у Свидетелей Иеговы, в такие моменты он думал цитатами из Писания:

Враги человеку ближние его. Не о нашем ли времени речь: двое будут в поле, один возьмется, другой останется. Ибо не мир Он принес, а меч. Меч, – повторил Виктор как бы подпитываясь от самого слова бранной силой.

И он увидел этот самый обоюдоострый меч из Писания! Этим мечем, в руке Господа был никто иной, как отец Василий, что выходил из катакомб.

Да, все это он осознал в единое мгновение. Он увидел иеромонаха в новом невиданном прежде облике; как бы объятого тонким пламенем, быстрого, стремительного, с горящими, голодными глазами.

***

Сегодняшнее послание ангела не выходило из головы у отца Василия. Оно не выходило даже тогда, когда явившийся в полдень Пастух сообщил о том, что краснокутовского попа вместе с помощником и чудиком из Браммы видели на склоне холма. Недалеко от кургана. С ними был лесной демон.

Занятненько, – усмехнулся отец Василий, – и логически ожидаемо, что служители антихристовой церкви и здесь прибегнут к услугам демонов. Ладно, пусть идут, пусть узнают, что такое суд Божий!

Отпустив Пастуха, отец Василий уже через минуту забыл о краснокутовском попе. Вновь и вновь он прокручивал послание ангела:

Государь намерен быть здесь. Государь! Отсюда он начнет поход на Москву, по окончанию кратковременных бедствий... Да, последнее посещение ангела было самым долгим и основательным. Ангел ему первому сообщил об убийстве двух демонов. Еще кровь убитых не остыла. И похвалив гномов, приказал Василию отныне благословить их барабаны. Пусть себе стучат на здоровье.

Еще ангел велел не ослаблять натиск. Готовить поход на холм. После чего сообщил главное. Начал издали, мол, все непросто так: и аномальная зона, и расположение ее возле моря, и то, что по воле Божьей, бесы земли, гномы, даны тебе в послушание. Нет, не просто это. По своему смирению, ты избран Господом, избран первым встретить государя, что явится из-за моря. Отсюда он начнет готовить поход на Москву.

Он забыл уточнить у ангела, правильно ли насчет Москвы понял. Ведь Москва провалится в преисподнюю. Или это в духовном смысле надо понимать? Или не все провалится, что-то останется?

Ладно, не его ума дело. Главное в другом:

Он встретит самого государя!!! Он, грешный и ничтожный монах, и иерей Василий, презираемый своими братьями, сосланный епископом в бессрочную ссылку, в эту дыру, он!..

Воистину, дивны дела Твои, Господи! Дивны! Первых Ты делаешь последними, а последних первыми! Господи, да за что мне все это! Даром! Прости, но мне хочется петь и танцевать. И славить Тебя так, как славил великий псалмопевец Давид. Грешный

Василий видит из своих катакомб дальше, чем они – из своих сияющих столиц.

И смех и грех! Одни ждут, что кто-то из угасшего рода Романовых неким чудом объявится. Другие, что государь чуть ли не с неба свалится и неким чудесным образом Святая Русь появится. Третьи и сами не прочь себя в цари. А государь возьмет и здесь высадится. Они думали, что поставили на грешном Василии жирную точку. А грешный Василий первым государю поклонится! Первым!..

Вот с такими мыслями, едва не пританцовывая, вышел отец Василий из катакомб. И увидел мертвых стражей. И красную кровь. И почему-то померкло буйное веселье души. Он вдруг пожалел мертвых демонов. Жалкие, босые создания были так похожи на несчастных людей.

Сколько во мне еще розового христианского гуманизма, достоевщины, – устыдил себя отец Василий. А Филька с Тимошкой уже тянули свои «рыбки» под его благословление.

Отец Василий благословил «рыбки» и сказал гномам:

– Молодцы, настоящие воины государя!

– Воины! Воины! Воины! – радостно заорали гномы.

Из глубин катакомб раздалась гулкая барабанная дробь. И еще одна. И еще.

У-ытрыч

– Никогда народ земли не убивал наших братьев, – вздохнул Серебряный и спросил нас, – вы не догадываетесь, кто за этим стоит?

– Догадываемся, – тихо ответил Капитан.

– Кто? – эмоционально выдохнул отец Иван.

От состояния покоя у нас не осталось и следа. Нас охватила тревога и беспокойство. Убили двух прекрасных существ. Какой-то народ земли. И каким-то образом это страшное происшествие имеет отношение к нам. Раз Серебряный именно нас спрашивает.

– Кто? – нетерпеливо повторил отец Иван.

– Отец Василий, скорее всего, – просто ответил Капитан.

– Иеромонах убил двух стражей! – почти закричал отец Иван, – он, что, с ума сошел. Зачем?.. Впрочем, я тоже об этом подумал, но тут же отбросил эту мысль, как нелепую.

– Нет, не лично он убил, – сказал Белодрев, – но по его приказу.

Повисла тягостная, непривычная для этого светлого места тишина. Мне стало стыдно, стыдно до омерзения за весь наш человеческий род.

– Не печальтесь, друзья-человеки, – сказала Игуменья и улыбнулась, – мы вас ни в чем не упрекаем, да и как вас можно упрекать, вы непричастны к совершенному злу.

– Более того, – продолжил Серебряный, – мы и служителя Кон-Аз-у... Василия не упрекаем. Ибо и ему было внушено.

– Кем внушено? – спросил отец Иван.

– Духами с кургана тьмы, – спокойно ответил Серебряный. – Точнее, каким-то одним из них. Очень сильным. Непростым духом.

– То есть, речь идет о тех сущностях, которых мы зовем бесами? – уточнил я.

– Совершенно верно, – сказал Белодрев, – мы именуем их... пришельцами. Да, пришельцами. В незапамятные времена они вторглись к нам из глубин космоса. Они пришли на землю со стороны созвездия, которое вы называете... Скорпион. Да, так поется в наших самых древних песнях.

– Бесы пришли из космоса, из созвездия Скорпиона?! – не удержался я. – Никогда ничего подобного не слышал. У нас они просто ниспали с Неба. Они же духовные

сущности, не могли же они в звездолетах прилететь.

– Зачем им эти, звездо-у-леты? – удивился Белодрев. – Машинами вы пользуетесь. А им машины ни к чему. Да и не об этом речь. Слушайте дальше. С самого момента вторжения и поныне пришельцы пытаются захватить и переделать по-своему эту землю, воздушный слой, а народы здесь живущие пленить и вовлечь в страдание. В случае же с Василием, демон с кургана (пусть будет демон, так вам привычнее), демон пытается расстроить будущий союз между нашими народами.

– Союз? – удивлено переспросил отец Иван. – О каком союзе речь? Ничего не понимаю.

– Каюсь, – вздохнул Капитан, – самое главное я вам так и не рискнул сообщить. Решил, что это вам уяснится на месте.

– И что же самое главное? – спросил я.

– Будущая связь между нашими народами; увы, она будет недолгой, для этого берега, но будет, – сказал Серебряный. – Но прежде несколько слов о народе земли.

– О народе земли?!

– Что-то вроде гномов, – уточнил Капитан.

– И эти... гномы, – продолжил Серебряный, – работают тут на отца Василия. Они у него послушники, или рабы. Не знаю, как правильно.

– О, чудесе, – тихо проговорил отец Иван.

– Боюсь, здесь не обошлось без демона с кургана, – сказал Серебряный. – Земляной народ тяжело подчинить, земляной народ не помнит Кон-Аз-у... и поклоняется только своим родовым корням и особым священным камням. Земляной народ поет только о том, что видит. А видит он творения рук своих в сумраке своих пещер. И больше ни до чего ему нет дела... Вот так вот, друзья-человеки.

Помолчали.

Легкая воскликнула своим звонким колокольчиковым голосом:

– Они готовят против нас войну! – На ее детском лице на мгновение отразился страх. – Я еще не вижу их мысли, но чувствую тревогу; и главный цветок иллиунурии подтверждает мою тревогу. Скорее всего, демон с кургана внушает Василию отправить на нас войной земляной народ!

– Это ожидаемо, – сказал Серебряный совершенно спокойным голосом. – Нам они вреда мало причинят, мы под защитой Серебряных Деревьев. А вот народ земли жалко. Да. Надо торопиться. И начнем с того, что я поведаю главное. Итак, слушайте друзья-человеки, я расскажу вам то, что не рассказал Капитан Браммы. Было время, когда мы все жили в одном мире. Или, как говорит дорогой Капитан, обитали в одном матери-у-альном слое. Было это очень давно. Даже по нашим меркам. До того, что в вашей главной песне вы зовете потопом...

– То есть, до всемирного потопа, – дополнил Капитан.

Серебряный одобрительно качнул головой и продолжил:

– Рядом с людьми жили мы, народ земли и прочие малые народы. И в этом же мире, вместе со всеми нами, обитали... пришельцы. Они были сжаты, стеснены Солнцем, но зато имели такую же плотную форму, как и мы. И ночь была в их распоряжении. Пришельцы, как всегда, хотели одного – власти над всем живущим. Чтобы все народы поклонились их богу, который на самом деле обычное творение и наш общий враг. Мы зовем его...

Серебряный произнес какое-то длинное слово, очень неприятное, но выразительное; в нем слышался скрежет зубовой и шелест мертвой листвы и запах тления и угрозы. Что-то вроде ытрычх...

Ытрычх – мысленно повторил я.

– Пусть будет ытрычх, – согласился Серебряный, – пожалуй, так ближе всего к вашему и нашему языку.

– Это сатана? – спросил отец Иван.

– Точно так, сатана, – подтвердил Капитан.

– Итак, – продолжил Серебряный, – злые существа хотели, по своему обыкновению, всех поработить, ввергнуть в страдание и чтобы все поклонились их хозяину, ытрычху, как богу. Поэтому злые существа развращали народы, как могли. Увы, лучше всего они преуспели в своем черном деле с вашим народом. Уж слишком свободными и непоседливыми вы были сотворены. Слишком забывчивыми. Слишком легко вы становились гордыми и жестокими. Ваш народ стал строить большие города. Очень большие. Захватывать наши земли. Потом у вас появилось самое ужасное для нас – техника. Та техника была другой, но не менее смертоносной, чем нынешняя. В довершение наших бед вы очень быстро плодились. Вы меньше нас жили, но во много раз лучше рождались.

– Незадолго до потопа наше положение стало отчаянным. Не знаю, у нас поют о том, что некоторые из лучших сынов нашего народа, вместе с лучшими из народа земли, просили Единого Аз-А-у... разъединить миры. И сказано было, немного потерпеть, сказано, что скоро все очистит и разъединит вода. Так оно и вышло. Пришел потоп. После потопа единый мир распался. Ваш, человеческий мир, и наш мир разошлись. Так расходятся ветви от одного ствола. То есть, не разошлись совсем, один общий ствол остался, поэтому мы зависимы друг от друга; но мы перестали для вас быть видимыми, осязаемыми. Мы стали для вас народом из ваших сказок и мифов. А злые существа, пришельцы, виновники наших бед, остались как бы между мирами, как бы раз-у, раз-фью...

– Развоплощенными, – подсказал Капитан.

– Верно, – обрадовался Серебряный. – Они лишились плотных тел и были вынуждены уйти в глубины земли. Только там они могли принять плотный облик. Здесь же, под Солнцем, их образ отныне тек и менялся, как кошмарный сон, как мутная вода. Однако они не отказались от своих планов по захвату наших миров. И даже утроили силы. Несмотря на призрачный облик, их власть была еще велика. Особенно перед приходом к вам Кон-Аз-у... Но после того как Он Воскрес в вашем мире, силы тьмы отступили, на короткое, впрочем, время. Вот тогда у нас появилась Надежда. Великая Надежда! Мы думали, что вновь станем жить в мире, даря друг другу свои семена и знания. Но вы, вы объявили все связанное с нами языческими баснями, а нас превратили в демонов. Вы повели беспощадную борьбу с Природой и едва не лишили нас мест нашего обитания. Мы, друзья-человеки, не можем жить среди загаженных лесов и рек. Мы, мы умираем. Но что вам до нас, вы все время заняты своей войной, и поэтому не видите дальше собственного носа!

– Не надо осуждать человека, – подала голос Игуменья. – Натиск тьмы был слишком силен. Еще неизвестно как бы повел себя наш народ, если бы Кон-Аз-у... пришел к нам.

– Да, простите меня, – обратился к нам Серебряный, – я слишком стар и ворчлив. К тому же есть хорошие новости: наступает закат эпохи железа и смерти. Вот поэтому, друзья-человеки, и существуют такие вот зоны, как Брама, и думаю, еще тысячи тропинок растут между нашими народами, для короткого союза. Прежде чем землю поработит тот, кого так боится отец Василий, и кого мы зовем у-ытрычх...

На этот раз слово звучало совсем по-особенному, контрастно. Прекрасный звук «у», который у стражей больше звучит, как птичье «фью», на фоне скрежета и смерти. Капитан повернулся к нам:

– Догадались, кого боится отец Василий? У-ытрычх, значит, антихрист.

– Я могу читать помыслы Василия! – воскликнула Легкая. – Дух тьмы внушает ему начать наступление на наши земли в ближайшие дни.

– Действовать будем быстро, – сказал Серебряный. – Завтра же утром надо

выдвигаться.

Отшельник

Стражи разбудили нас на рассвете. Мы умылись, оделись (наша человеческая одежда уже лежала аккуратными стопочками на кресле), позавтракали и вместе с Белодревом, Кленом, Пестрым и Братом тронулись в путь. На лужайке нас ждали Серебряный, Игуменья и Легкая. Желали нам доброго пути.

Легкая обещала мысленно помогать и предупреждала, что через несколько часов на эти земли придет гроза с запада. Первая и желанная гроза в этом году. Она очистит воздух от мути и, быть может, принесет с собой добрую воду для весеннего роста, но неизвестно, какова будет ее сила. Ее совет – переждать грозу до спуска в сумрачные земли. А уже потом выходить за защиту Деревьев.

Серебряный попросил нас, человек, держаться вместе с народом стражей. На сумрачных землях хозяйничают духи с кургана. Насылают дурные мысли, пугают привидениями, обещают несбыточные плоды. Друзья, не поддавайтесь и не принимайте от них ничего. Главное – держитесь все вместе. Белодрев знает путь. И да будет с вами Кон-Аз-у...

Серебряный, Игуменья и Легкая низко нам поклонились. В ответ мы смущенно кивнули головами, а отец Иван всех незаметно благословил. И мы тронулись в путь. Вошли в лес, и провожающие нас стражи скрылись из глаз. Тропинка вела прямо, но так казалось; на самом деле мы постепенно огибали вершину холма с южной стороны. На лужайке Серебряные Деревья были от нас на востоке, теперь же они оказались севернее нас.

Шли молча. На душе было ощущение светлой грусти от предстоящего прощания с чудным миром стражей. Понемногу давало о себе знать и другое чувство, пока очень слабое, неопределенное. Что-то вроде беспричинной тревоги.

Вот и восточный склон. Деревья теперь были позади нас. Повернув на дорожку, что бежала от Деревьев на восток, мы начали спускаться. Очень скоро вышли из леса и остановились.

– Друзья, – сказал Белодрев, – давайте окинем взглядом простор, что нам предстоит преодолеть.

Панорама, открывшаяся с восточной стороны холма, была гораздо более обширная, чем мы наблюдали, восходя на холм. Но от нее веяло какой-то суровостью, безлюдьем. Прямо под нами начинался луг. Однако прекрасных цветов или унурии на нем было значительно меньше. И сам луг выглядел менее ярко, более, что ли, аскетично. Но зато он продолжался гораздо ниже, по склону холма, чуть ли не до подножия. И склон с этой стороны был круче, чем с северной.

У самого подножия холма колыхалась светлая завеса, покров мира стражей, его граница. И на этой границе виднелся небольшой дом. Дом колыхался и плыл, вместе с завесой.

– Это дом, это дом... – Белодрев на несколько секунд задумался, подбирая подходящее слово в нашем языке, – Отшельника, да, Отшельника. Он стережет наши восточные границы. Вы с ним познакомитесь. Скорее всего, у него и встретим грозу.

За домом Отшельника, за завесой, краски меркли. От подножия холма мир становился черно-белым. И опять возникло ощущение невероятной дальности, словно мы наблюдали местность сквозь мощную оптику. Больше всего было непонятно, как подобная четкость сохраняется на фоне колышущегося марева, светлой завесы этого мира.

Местность за холмом открывала себя постепенно. Сначала я увидел плоскую серую степь, уходящую на многие километры. Степь казалась совершенно необитаемой. Но вот взгляд зацепился за нечто интересное – аккуратные кучки из плит и камней; возможно, очень небрежно сложенные домики. Впрочем, это могли быть и люки и шахты, и все что угодно.

– Мы пойдем на юго-восток? – спросил Капитан у Белодрева.

– Точно так, на юго-восток. В сторону вон того леса, где убили наших братьев. И дальше, к тем вон холмам на горизонте, где прячется от своего страха служитель Кон-Аз-у..., Василий.

Мой взгляд невольно скользнул на юго-восток. Там, очень далеко, виднелся лес. Перед лесом клубился неприятный темно-серый туман. Но до деревьев он не доходил. Лес просматривался четко, как на ладони. За лесом, на самом горизонте, шла волнистая линия холмов. В сторону севера линия плавно переходила в степной горизонт. На самой границе степи и холмов что-то мигало отдаленным желтым цветом. Я догадался, или кто-то подсказал – в той стороне Алексеевка, значит, мигает та недостроенная солнечная станция на въезде. Это надо же, за столько километров!

– Отец Иван, – не удержался я, – смотри, даже отсюда ту солнечную станцию, на въезде в Алексеевку, видно.

– Точно. А самого села не видно.

– Наверное, холмы загораживают.

– Друзья, – воскликнул Пестрый, – ну вы опять не туда смотрите. Смотрите на юго-восток, на южную кромку холмов. Там наша и ваша надежда. Туда стремимся все мы. Там ваш рай-у.

К югу линия холмов обрела цветность, а затем резко обрывалась. Дальше шла как бы бездна, как бы отдельное от этого мира огромное пространство, заполненное ослепительным, едва выносимым для глаз, лазурным сиянием. Я повернул взгляд чуть в сторону. И увидел, как лазурное сияние плавно переходит в пронзительную синюю гладь. Море, – дошло до меня. – Море!

Увы, при приближении к нам, краски моря тускнели. Береговая линия проходила южнее нас, где-то километрах в пяти, семи. И там море было совершенно безжизненным, свинцово-серым. Серая степь безрадостно упиралась в неподвижную и свинцовую гладь моря. От такой картины тоскливо зануло сердце.

– Какое разное море? – сказал я.

– Да, море разное, – подтвердил Клен. – На степном берегу море кажется мертвым, оттого что на него брошена тень с кургана. Но тень не так сильна, как о себе думает. К востоку море сбрасывает тень и становится все чище и светлее, пока, наконец, не приводит к другому берегу. Жаль, что вы не видите его так, как мы.

Повисло молчание. Стражи отрешенно смотрели на юго-восток. Брат и Пестрый блаженно улыбались. Клен что-то напевал. А потом Белодрев тихо вздохнул и сказал:

– Пора...

Спуск с холма оказался длиннее, чем я думал. Но склон не был таким уж крутым, как виделось мне с вершины. Аккуратная песчаная дорожка змеилась, изгибалась вдоль всего склона. В самых отвесных местах, в земле, были вырезаны удобные ступеньки. Через полчаса, может чуть больше, мы достигли подножия холма. До дома Отшельника оставалось совсем немного.

Здесь, у подножия, светлая завеса была совсем незаметна. Ничто не рябило, не плыло в глазах. Так что дом Отшельника теперь был виден очень хорошо. Первое, что бросилось – солнечное веретено над небольшим островерхим куполком на крыше.

Дом был небольшой (если сравнивать с домами-замками на вершине холма), но двухэтажный, из неведомого красновато-фиолетового полупрозрачного, воздушного материала. Дом казался легким, как пушинка, и одновременно прочным, как алмаз.

Вокруг жилища было непривычно пустынно – песчаные дорожки, газоны и ни одного дерева. В этот момент, когда я обратил внимание на «пустынность» вокруг, из дверей вышел человек и направился к нам. Тут же за нашими спинами раздался отдаленный грохот грома. И еще один. Подул свежий ветерок, и воздух наполнился почти осязаемым электричеством. Я ощутил приятные покалывания в области затылка и на кончиках пальцев рук.

Человек приближался – да, именно на человека он был похож гораздо больше, чем на стража!

– Вот и Отшельник нас встречает, – сказал Белодрев.

Отшельник одновременно напоминал древнего библейского пророка, колдуна и обычного крестьянина, пастуха овец. На крестьянина делала его похожим одежда; был он в коротком и легком овчинном тулупчике, без рукавов, в белой рубашке и белых штанах. Босиком. А густая, косматая грива волос на голове, длинная седоватая борода и внушительный, странно изогнутый, чем-то схожий с молнией, посох в руках, превращали его не то в пророка, не то в колдуна.

Не доходя до нас, Отшельник остановился и, подняв для приветствия руку вверх, закричал низким и густым голосом:

– Эгей-гей! Кого я вижу?! Сюда, друзья, сюда!

Последние слова смешались с новым ударом грома. На мгновение мне почудилось, что звук его голоса звучит в полный унисон с грохотом грома.

Так человек он, страж, или кто? – подумал я.

В доме Отшельника

– Здравствуйте, товарищи! – торжественно обратился к нам Отшельник. И, повернувшись к стражам, добавил, – учитесь, друзья мои зеленые, правильно людей приветствовать. Пригодится для будущего союза.

Стражи послушно кивнули головами.

– А почему товарищи? – поинтересовался Капитан.

– Как, почему?! – удивился Отшельник. – Сам ваш староста, или голова, по-вашему, так приветствует свой народ.

– А, голова краснокутовского сельсовета, тогда понятно, – сказал отец Иван, с трудом сдерживая улыбку.

– Голова, голова, – подтвердил Отшельник. – Ладно, давайте знакомиться. Ваши имена, благодарая вот этим товарищам, – Отшельник махнул рукой в сторону стражей, – мне известны.

Отшельник подошел к Николаю:

– Здравствуй, уважаемый народом стражей Капитан Брам, – торжественно сказал он. Затем обратился ко мне:

– Здравствуй, друг Дмитрий.

Подошел к отцу Ивану:

– А к Вам мое особое почтение, отец Иван. – Отшельник низко поклонился и, повернувшись к стражам, сказал:

– Запоминайте, как правильно служителей Кон-Аз-у... надо приветствовать. Да. Уж я-то в этом толк знаю.

– Ну, а у меня много имен. Последнее, что товарищи стражи мне дали... Отшельник, кажется. Что ж, пусть будет Отшельник. Или пустынный, какая разница. Или одинокий солдат, на границе тьмы. Да. Мы ведь с вашим бедным отцом Василием, можно сказать, одно дело делаем. Верней, делали. Бедняга, перегорел на работе. Да...

Ослепительно сверкнула молния, и Отшельник весь вспыхнул голубоватым

пламенем. Через пару секунд раздался мощный удар грома. Отшельник вскинул вверх руки и громогласно закричал:

– Э-гей-гей! К нам идут дети грозы!

Мне (и не только мне, как позже выяснилось) захотелось сделать то же самое. Сбросить с плеч ненавистный рюкзак, что-нибудь прокричать. Бурное веселье захлестнуло душу. Сверкнула еще одна молния. Тут же тысячи голубых нитей возникли в воздухе – нити припадали к земле и взмывали обратно, вверх, в сторону вершины, с которой мы только спустились. А над холмом вставала, во всем своем великолепии, большая грозовая туча. Не черная, как у нас, а пронзительно синяя, вся перерезанная голубовато-белыми нитями молний.

– Друзья, товарищи, что ж мы стоим, – сказал Отшельник. – Добро пожаловать ко мне в гости.

Мы вошли в дом Отшельника, и оказались в просторном и светлом коридоре. Вдоль стен коридора во множестве стояли ящички, шкафчики, полочки, вешалки... что-то еще не совсем понятное. В один из шкафов мы положили рюкзаки. Внезапно взгляд мой споткнулся об нечто смутно знакомое. Прямо возле шкафа, куда мы складывали рюкзаки, была полка. На ней, в три ряда, были сложены небольшие, где-то вдвое меньше теннисного мяча шарики, золотистые и полупрозрачные. Рядом с ними было несколько странных сплюснутых дисков.

Диски напомнили мне вытянутую эллипсом летающую тарелку. Еще рыбу камбалу. В переднюю часть «рыбки» была вставлена какая-то странная, металлическая трубочка. Такая же трубочка выходила из задней части. Но главное даже не это, сама форма «камбалы» была смутно знакомой.

Я заметил, что Капитан и отец Иван также пристально смотрят на рыбок.

– Вам ничего эти диски не напоминают? – спросил отец Иван.

– Напоминают, – ответил Капитан. – Кажется, что-то похожее было нарисовано у нас, в церкви.

– Точно, – подтвердил я.

– Верно заметили, товарищи, – пробасил подошедший Отшельник. – Так и быть, поведаю вам о рыбках. Но не здесь. Прошу в гостиную, прошу.

Отшельник сделал выразительный жест. Мы проследовали вглубь коридора. И наткнулись на дверь, которая сама отворилась перед нами. Мы оказались в просторной комнате, в которой ярко пылал камин. Стояли удобные кресла, низкий, длинный столик, а у стены возвышался большой шкаф, с наглухо закрытыми дверцами.

На противоположной, от шкафа, стене висело несколько картин, на которых были изображены большие птицы в ослепительно-белом оперении и с прекрасными женскими лицами. На головах у птиц были царские короны. Птицы отрешенно пели, запрокинув свои царские головы.

– О, Сирины, Алконосты и Гамаюны. Райские птицы, – сказал Капитан.

– Точно так, – подтвердил Отшельник. – Именно под такими именами они известны вашему народу... Думаю, вы услышите их пение, на берегу моря.

– Это было бы неплохо, давно об этом мечтаю, – задумчиво сказал Капитан.

Я увидел странное существо, свернувшееся комочком у камина. В первое мгновение принял его за спящего кота. Но вот «кот», разбуженный нашими голосами, поднял свою голову и посмотрел на нас вполне человеческим лицом, от глаз заросшим шерстью. Было в этом лице и что-то кошачье – особенно большие, немигающие глаза. И в этих глазах застыл почти животный страх. Еще я заметил тоненькие мохнатые ручки и ножки.

Что за нечисть – пронеслось в моей голове. Однако зла от странного создания не ощущалось. Скорее, оно напоминало мультяшного домового, из старого советского мультика.

– Это Юппи, – пояснил Отшельник, – безобидный малый. Бедняга. Поругался со своими. Они вообще-то народец склочный. Ушел, как говорится, хлопнув дверью. Шел как раз к людям. Но на Сумрачной земле был схвачен духами тьмы. Они волокли его в курган. Но мы, – Отшельник махнул рукой в сторону тучи, – его отбили у темных. Он был страшно напуган, избит. Теперь вот лечим его сном. Да.

Юппи послушно положил свою лохматую голову на мохнатые лапы и снова заснул.

– Что же я стою, – спохватился Отшельник. – Гости, а я без угощения. Сейчас.

Отшельник вышел в коридор. Стражи неподвижно сидели в глубоких креслах и, кажется, дремали. Отец Иван последовал их примеру. И только мне и Капитану не сиделось. Капитан разглядывал райских птичек.

Я подошел к окну, за которым уже вовсю грохотало, почти непрерывно сверкали молнии, разбрасывая вокруг себя синее пламя. Над домом Отшельника шла беловато-голубоватая громада облаков. Все это напоминало какую-то таинственную, воинственную и одновременно радостную мистерию победы. Я посмотрел вверх, и на мгновение мне почудилось будто там, в самой верхней, озаренной солнцем кромке облаков маршируют призрачные фигуры несметного небесного воинства.

Вошел Отшельник с большим подносом в руках.

– Да, дети грома уже над нами, – сказал он мне. – Они делают свое дело, но и вам будет легче идти. А пока покушаем.

Пока ели, за окном внезапно поднялся ветер. И в этом ветре отчетливо слышались злобные, немного писклявые, как бы плачущие голоса. Отшельник сразу напрягся. Юппи проснулся и задрожал, сжавшись в комок.

– Одну минуту, товарищи, – сказал Отшельник и вышел.

– Духи с кургана пожаловали, – сказал нам Белодрев, отвечая на наш немой вопрос. – Они часто летают возле грозы. Пытаются украсть у грозы силу, для себя. Иногда их бывает много, и тогда дети грозы вынуждены вступать с ними в большую войну. Отчего воздушная стихия начинает волноваться. Возникают воздушные воронки, смертоносные смерчи. Они вредят всему живому. И это темным духам, конечно же, на руку.

Пестрый прислушался:

– Кажется, темных духов немного. Отшельник и сам справится.

Едва он это сказал, как кто-то тяжело затопотал на верхнем этаже, загрохотал по крыше.

– Это Отшельник, ух, прыткий, – пояснил нам Брат.

Послышалось громоголосое – эгей-гей. – Что-то еще, на незнакомом нам языке.

– Кто он, Отшельник? – спросил отец Иван.

– Сложно сказать, – задумчиво ответил Клен.

– Вы не знаете?

– Мы знаем, но мы не знаем, в каких словах вам это поведать. Слишком разные здесь у нас песни.

– Но он больше похож на нас, чем на вас, – сказал я.

– Верно, – подтвердил Белодрев. – Одно время он жил среди вас.

– Так он человек?

Стражи пожали плечами.

– Не смотрите так на меня, – сказал нам Капитан. – Здесь я знаю не больше вашего. У меня ведь так и не хватило духу спуститься в этом месте с холма. Хотя Серебряный мне и говорил, что Отшельник может много рассказать о нашем союзе. Если захочет, конечно.

Стражи согласно закивали. В этот момент вошел Отшельник. Капли дождя блестели на его разгоряченном лице. Я прислушался – за окном шел дождь.

– Кушайте, друзья-товарищи, кушайте и слушайте, – Отшельник положил перед

нами на стол ту самую «рыбку», что мы видели в коридоре, на полке.

– Это опасное оружие земляного народа. На вид как детская плевательница. Они и плюются через нее, специальными шариками. Только вот шарики эти убивают наповал. Наше счастье, что очень немногие владеют этим оружием. Тут требуется большая сила воли и ясность ума. Силы воли у народа земли не занимать, а вот с ясностью ума хуже. Так что большинство предпочитают простые топоры. И все равно, опасайтесь этих плевательниц... Да, постарайтесь там быть послезавтра. После восхода солнца отец Василий отправит человек в людской мир, через Заячью Нору.

– Заячья Нора, что это? – спросил я.

– Что-то вроде Браммы, – пояснил Белодрев, – только об этой Брамме мало кто знает из вашего народа.

– А почему такое странное название?

– Это потому, что эта Брама похожа на огромную такую нору, тайный проход в холмах, недалеко от вашего большого села, – ответил Отшельник. – Раньше этой Брамой в основном серый народ пользовался, и очень редко дети земли. Но после того как ваш народ в вашем большом селе взорвал церковь, Заячья Нора перешла под контроль духов тьмы. Теперь там ходят только с их разрешения.

– Итак, друзья-товарищи, – подытожил разговор Отшельник, – послезавтра Василий останется один на один с народом земли. Лучшего дня нам не представится. Постарайтесь успеть к послезавтра.

– План без изменений? – спросил Белодрев.

– Да.

– План, есть план, – воскликнул отец Иван. – Слава Богу! Я-то думал наобум идем.

– Еще бы, без плана, – Отшельник добродушно рассмеялся. – Товарищи-стражи расчетливы, как купцы. Они в авантюры пускаться не любят.

– Не любим, – подтвердил Клен. – О, дождь уже закончился. Надо идти.

– Как закончился?! – Отшельник сделал грозное лицо. – Столько греметь, а работы пшик. Ладно, вам, действительно, пора.

Вышли на улицу. Да, дождь прошел. Изумительный, неописуемый запах омытого, очищенного мира вскружил голову.

– Боже мой, – сказал Капитан, – как не хочется покидать этот мир.

Отшельник провел нас на заднюю часть двора. Двор ограждал высокий деревянный забор. Забор был некрашенный и даже немного покосившийся (это выглядело довольно чудно, по сравнению с самим домом Отшельника).

В заборе была калитка, такая же некрашенная и покосившаяся, и висел большой амбарный замок. Отшельник отпер его. Распахнул калитку.

– Ну, друзья-товарищи. В добрый путь.

Сумрачная земля

Сразу за калиткой начинался резкий спуск. Внизу было что-то похожее на овраг или котлован – понять трудно. Контуры едва угадывались в густом тумане, что клубился прямо под нами. От тумана веяло холодом и сыростью.

Вслед за стражами и отцом Иваном я аккуратно поставил ногу на какой-то выступ. Это оказалась вырезанная в земле ступенька. Минут через пять наш спуск закончился. Мы оглянулись. Отшельник еще стоял возле открытой калитки. Теперь его фигура казалась неправдоподобно далекой, как бы в недостижимой высоте. Отшельник вдруг напомнил мне птицу чайку, неподвижно висящую в ярком пятне света. «Чайка» прощально махнула нам крылом. Отшельник закрыл калитку. Светлое пятно пропало. Осталась лишь одна непроглядная серая мгла.

– Где мы? – спросил стражей Капитан.

– На дне оврага, – ответил Белодрев. – Овраг длинный и... кривой. Да, кривой. Кривой овраг, можно так его и назвать. И это единственная дорога в Сумрачную землю. Идемте, друзья.

Не спеша, гуськом, двинулись вперед. Дно оврага продолжало плавно понижаться. Шли, пока не уперлись в почти отвесную темно-серую стену. Овраг резко поворачивал влево. Чем-то это мне напомнило лабиринт Браммы. Но там хоть сухо было. А здесь ноги то и дело попадали в неприятно чавкающую грязь. И промозглая сырость пробирала до костей. Из тумана опять надвинулась отвесная громада стены. Овраг так же резко заворачивал вправо. Больше поворотов не было.

Спустя какое-то время (оно мне показалось вечностью), я почувствовал, что дно оврага стало значительно суше и прекратило опускаться. А туман утратил свою прежнюю густоту. Впереди, по ходу нашего маршрута, смутно маячило нечто уродливое и пугающее. Шедший перед нами Брат обернулся и прошептал:

– Не бойтесь, это мертвое дерево.

Да, действительно, это было дерево. Невысокое и невероятно кривое; даже не просто кривое, а как бы все скрученное, вывернутое, словно выжимаемая невидимыми великанскими руками тряпка. Казалось, что погибшее дерево все еще корчится от адской боли, в долгой и смертельной агонии. Стражи подошли к мертвому дереву и, обступив его, низко склонили головы. Пропели короткую и очень печальную песню.

– Когда-то это был страж, – сказал нам Белодрев, указывая на мертвое дерево. – Он наблюдал за входом в Кривой овраг. И за перемещением наших врагов по Сумрачной земле. Но силы тьмы искалечили его, пленив в теле дерева. Ныне он свободен и на Другом Берегу, но место это до сих пор дышит болью и отчаяньем. И напоминает нам о нашем поражении. Отсюда мы вынуждены были отступить до самого дома Отшельника. Теперь там граница нашего мира. Вы сами видели.

Помолчали. Белодрев продолжил:

– А знаете, почему так произошло? Человеки в вашем мире, но в этом самом месте, возле этого бедного дерева, много лет сливали ядовитую воду.

– Да, я слышал, что где-то здесь какие-то химикаты сливали, – подтвердил Капитан, – грешили на военных. Но военные говорили, что ни при чем.

– Яд отравлял корни дереву, – продолжил Белодрев. – Нашему брату покинуть бы это место и немного отступить, но, увы, он проявил гордость и непослушание. Потому как здесь была самая удачная позиция для наблюдения. Не вняв нашим предупреждениям, страж стал зол и раздражителен. Отравляя корни дерева, яд постепенно копился злобой в его душе. Он стал ненавидеть. Он возненавидел ваш народ больше, чем духов зла с кургана. Этим духи зла и воспользовались. Они получили к нему доступ. Обманули его... дальше была боль, агония и наше отступление... Идемте, – Белодрев вздохнул и посмотрел на юго-восток, – до Сумрачной земли рукой подать.

Прошли еще метров триста, и туман полностью рассеялся. Нашим взорам открылось свинцово-серое пространство. Оно оказалось здешним небом. Солнце глядело с этого неба бледным размытым пятном. Был, по-видимому, полдень. Солнце стояло в крайней южной точке неба. Над восточным горизонтом клубились зловещие черные тучи, в которых сверкали густо-фиолетовые, с легким лиловым оттенком, молнии. Дул холодный ветер. Серый и густой, словно кисель, сумрак висел над этой скорбной землей, подобно гигантской тени.

Сумрачная земля. Очень точное название.

Сделали пятиминутный привал. Стражи тут же накинули на себя одинаковые серые плащи. И наполовину слились с окружающими сумерками. Перед тем как идти, еще раз огляделись. На сердце было тревожно, непонятная, щемящая тоска разъедала душу.

Открывшаяся степь являла собой самое безрадостное, что мне приходилось видеть в жизни. Голая, темно-серая земля и на ней, местами, мертвая колючая трава, сквозь которую с трудом пробиваются бледные, нездоровые пятна новой жизни – ни то мох, ни то лишай. Такое ощущение, что весна еще и не приходила на эти земли. Пахло сыростью, плесенью. (Небольшой дождичек прошел и здесь).

– Да, друзья-человеки, – сказал Клен. – Вот налицо результат действия сил зла. И он одинаков для всех миров. Всюду гаснет жизнь.

– Что ж, идем, – Белодрев еще раз посмотрел на юго-восток, потом на небо над нами. – Постараемся идти по возможности скрытно. Чем позже нас заметят духи с кургана, тем лучше.

Так начался наш утомительный, однообразный переход. Жесткий, колючий сухостой хрустел под ногами, цеплялся за джинсы, шнурки. То и дело приходилось нырять в канавы, овражки. И там продираться сквозь бурелом таких же мертвых, как и трава, кустов.

Почти вся растительность, виденная нами, была либо мертвой, либо умирающей. Лишь бледно-зеленый, трупного цвета мох и лишай мог здесь радоваться жизни. Кроме него не было ничего живого – ни птиц в небе, ни спящих под ногами ящеров, ни-че-го!

Стражи довольно умело находили дорогу и даже едва заметные тропки. Вряд ли бы мы здесь смогли пройти сами. Шли молча. Какое-то время я еще размышлял о погибшем дереве. Тщетно пытался представить себе объем мук, что испытывал в скрученном теле дерева страж. И так ведь было, наверное, не один день.

Мысли в голове путались. В ушах непрерывно пищало, как при высокой температуре или высоком давлении. Писк выматывал сильнее всего. С трудом переставляя налитые свинцом ноги, мы едва поспевали за стражами.

– А ведь я здесь уже был. – Капитан поравнялся со мной и отцом Иваном. Я заметил на его лбу крупные капли пота. Капитан тяжело дышал, но продолжал говорить:

– Я был здесь задолго до того, как познакомился со стражами. Я тогда еще ничего не понимал. Где-то в этих местах стоял наш палаточный лагерь. Я был в составе экспедиции, что исследовала Брамму. Это было в конце восьмидесятых. Уже всюду перестройка шла.

– Ну и как же ученые мужи объясняли здешние демонические сумерки? – спросил я.

– Сумерек не было. Мы же были в нашем, человеческом мире. Но точно в этих местах. Такая же совершенно плоская степь. Безлюдье. Дичь... Но главное не в этом. Хорошо помню, как мы неоднократно ощущали здесь беспричинную тревогу, страх. Никто ничего не понимал. В том числе и я тогда ничего не понимал.

– Это-то как раз понятно, – сказал я, – вы же тогда, наверняка, были обычными советскими материалистами. Только вот сердце не обманешь. Страх и тревога.

– Да, тревога, – подхватил отец Иван. – Меня эта тревога сейчас доканывает. В гостях у стражей было так хорошо. А сейчас все проблемы заново навалились. Такая тоска, хоть беги вон. Как там семья моя, что делать дальше? А если не заберем у отца Василия Антиминс? Епископ меня тогда и слушать не будет. И где тогда служить? Грузчиком идти работать, чтоб семью прокормить... Простите, поп, а такие материальные мысли. Но у меня семья, а вы свободные люди.

– Все будет хорошо, – Капитан положил руку на плечо отцу Ивану. – Бог не оставит нас.

Шедшие впереди стражи остановились.

– Мысли на этой земле обманчивые, – сказал нам Белодрев. – Не принимайте их всерьез. Враги пытаются свергнуть нас в уныние. Все мы измотаны. Еще немного и будем делать привал...

Нас обнаружили перед самым привалом. Тусклое солнце уже почти коснулось

безрадостной пепельной пелены на западном горизонте, когда «боковым» зрением я заметил стремительнодвигающееся в нашу сторону небольшое темно-серое облачко.

Все произошло стремительно. Стражи повалили нас на землю, и тут же налетел мощный порыв ветра. Ветер был заполнен небольшими и очень неприятными тварями. Рассудок с трудом вмещал увиденное – ветер состоял из мерзких, темно-серых, скользких тварей, отдаленно напоминающих нечто среднее между человеком и летучей мышью. Размерами ближе к мыши. Твари вполне ощутимо цеплялись за нашу одежду, волосы. И издавали не то писк, не то свист. Это было непереносимо. В какой-то момент я почувствовал, что схожу с ума. И тут отец Иван закричал страшным голосом:

– Да воскреснет Бог! Да расточатся враги Его!⁸

Скользкий живой вихрь прорезали золотистые молнии. Окружившие нас полукругом стражи метали эти молнии прямо в нечисть. Вихрь дрогнул: страшно завизжал, закрутился и внезапно исчез. Распался на отдельных тварей, и те немедленно растворились в серых сумерках.

Ошеломленные, раздавленные только что пережитым ужасом, мы с трудом приходили в себя. Даже наш Капитан лишился дара речи. Зато стражи казались вполне спокойными, видимо с подобными созданиями сталкивались не раз.

В полуметре от меня лежал золотистый прозрачный шарик. Я молча, без всяких мыслей, смотрел на него. Меня не покидало смутное ощущение, что где-то я этот предмет уже видел. И вдруг я вспомнил, вспомнил, где видел похожие шарики – у Отшельника на полке! Рядом с рыбками! Удивительно, но воспоминание подействовало на меня как живая вода на мертвого. Я тут же вышел из оцепенения. Я будто пробудился после тяжелого, продолжительного беспометства. Осторожно взял шарик в руку. Он был теплый, и тускло светился. Я отдал его Белодреву.

– Это ваше?

– Да.

– А что это, если не секрет?

– Не секрет. Это... это нечто вроде нашего оружия. Можно сказать так... Только это совсем не то оружие, к которому привыкли вы, человеки. Оно управляется изнутри. Силой воли... да, приблизительно так. Оно не убивает. А как бы ломает волю противника. Временно пара-у... парали-у-зует.

– Парализует?

Страж кивнул головой.

– Интересно, – сказал отец Иван. – Мы видели такие шарики в доме Отшельника. Они лежали рядом с рыбками гномов.

– О, товарищ Отшельник большой коллекционер здешнего оружия. – Белодрев улыбнулся. – Итак, наше присутствие обнаружено. Только что, друзья-человеки, мы столкнулись с пришельцами... духами из кургана. Правда, духи самые рядовые. Ваши бы военные сказали – рядовые разведчики.

– И что теперь делать? – спросил Капитан.

– Ничего. Ночевать, а завтра утром, пораньше, двигаться дальше. Надо как можно быстрее покинуть Сумеречную землю. Дальше власть пришельцев слабеет.

– Жуткие твари, эти пришельцы с созвездия Скорпиона, – сказал Капитан, отряхивая штаны, – бесы, одним словом. Сущие бесы!

– Это точно, брат Капитан, – отец Иван, кряхтя и пошатываясь, поднялся.

Стражи раскинули шатер темно-серого цвета. Шатер как будто бы появился из ниоткуда. И, появившись, тут же слился со стремительно сгущающимися сумерками.

Разжигать костер не стали. Поужинав в сухомятку, легли спать. Стражи решили спать в «древесном облике», по периметру шатра. То есть не столько спать, сколько нас

---

⁸ Да воскреснет Бог! Да расточатся враги Его! – начальные слова 67 Псалма Давида

сторожить. Стражи боялись возвращения бесов. Зато мы спали как убитые.

Не помню ни одного сновидения. Я словно провалился во всеобволакивающее ничто. В замораживающую все чувства пустоту. Из которой, впрочем, благополучно «выплыл» на следующее утро.

Серые

Утро было такое же тоскливое, свинцово-серое, как и вчерашний день. Стражи выглядели утомленными. Клен сообщил нам, что здешняя почва ужасно твердая и совершенно мертвая. Отдыхать в «древесном облике» тут невозможно. Одно пока радует; отсутствие духов с кургана.

Быстро перекусив, тронулись в путь. Через час, полтора, мы достигли невысокого и длинного холма. Холм чем-то напоминал земляной вал. Когда мы на него поднялись, нашим взорам открылась широкая низина, со всех сторон огражденная такими же земляными валами. Низина напоминала просторный и неглубокий котлован. В котловане были домики, те самые, небрежно сложенные кучки камней и плит, что я видел с вершины холма и принял за входы в шахты. Я насчитал шесть «кучек».

– Тут живет серый народ, – пояснил нам Белодрев, – родственники Юппи. Живут они под землей, в норах. А над входом в нору ставят свои домики. Больше как знак, что место это занято. Обычно серый народ так не живет. Он предпочитает соседство с вами, человеками. Здесь те, чьи жилища были по разным причинам разрушены. Так что человек вряд ли они любят. Плюс еще воздействие пришельцев с кургана.

– Познакомимся поближе? – спросил Капитан. Белодрев кивнул, в знак согласия.

Домики, или «кучки», были разбросаны по всему котловану. Ближайшая «кучка» была буквально у нас под ногами. Оставалось только спуститься со склона, что мы и сделали. Вблизи домик-кучка напоминал хаотическое нагромождение серых пористых плит, камней, досок, ветоши и пучков соломы. Мы остановились напротив предполагаемой двери. Скорее всего, дверью здесь служил покосившийся деревянный щит, с остатками неприятной багровой краски. Щит был отставлен в сторону, виднелся вход в нору.

Хозяина нигде не было видно. Только чувствовалось, что он где-то здесь. Чувствовалось по напряженной атмосфере, казалось, будто все здесь говорит нам: идите, чего встали, не трогайте нас, наша хата с краю. Очень скоро мы услышали раздраженное шипение, будто с нами заговорила обозленная чем-то кошка:

– И с-сдесь попы! И с-сюда добралис-сь!.. Нет-с, попов нам не надо!

– Это и есть серый народ? – спросил отец Иван.

– Они и есть, – ответил Пестрый.

– А откуда он знает, что я поп?

– Чует, – сказал я.

– Видимо, жил при храме, – предположил Капитан, – а потом что-то выгнало. Вот и обида на попов.

– Что-то выгнало, уж не святая ли вода? – спросил я с инквизиторской ноткой в голосе. Мне вдруг ярко вспомнилось наше молитвенное противостояние одному известному колдуну. Странно, что вспомнилось. На холме у стражей, среди обилия впечатлений, даже недавняя жизнь, по приезду к отцу Ивану, почти не вспоминалась.

Я продолжил:

– А если святая вода или церковная служба мешает, то какие же они серые, они темные тогда. Те же бесы. Может ниже иерархией, чем бесы с кургана, но те же.

– Не все так просто, – возразил Клен. – Серые не выносят большого присутствия

человеков, хотя и тянутся к вашим домам. В этом у них противоречие. Поэтому они предпочитают больше уединенные жилища. И прямой свет они не выносят. Мягкую, что ли, теплоту любят... Не знаю, как правильно сказать... Полусвет, полумрак... Ну а когда их место проживания перестраивают, это для них катастрофа.

– А, догадываюсь, – сказал отец Иван. – Скорее, какой-нибудь храм был полудействующим, или вовсе закрытым. Потом храм открыли, отремонтировали, повалили толпы народа и... Да. У нас таких серых почитают за бесов.

– И демонов лес-с-ных нам не надо, – продолжил серый кошачьим голосом. – С-слишком много от них пустых лживых обещаний и проблем. Нет. Никого не надо. Дайте с-спокойно жить. Не лезьте в нору.

– Чем же тебя попы обидели, братец? Почему прячешься? – спросил отец Иван.

– Попы в ш-шикарных тачках ес-сдят, а меня с-с чердака, с-сиротку, выперли.

– У меня нет шикарной тачки. И вообще машины нет. Только велосипед.

– Ха-ха-ха, нет маш-ш-шины, так я и поверил!

Голос переместился под землю, но звучал по-прежнему отчетливо:

– Лицемеры. Маш-ш-шины нет, дом есть: больш-шой, двухэтаж-ш-ный... Подайте на храм! Хе-хе! Лицемеры. Что-что, а капус-сту рубить вы вс-се умеете. Только мы с-снаем Боженьку, вс-се ос-стальные дураки. Только у нас-с любовь. А мы ее с-са деньги вам. Хе-хе. С-слышали и видели. Да, я с-с чердака вс-се видел. Любовь. А таких, как я, кушаете. А теперь вот демонов привел. Нас-с мучить...

Ишь ты, слова какие знает. Лицемеры, капуста, шикарные тачки... Умник, е-мое. – Таинственный серый с кошачьим голосом вызывал во мне все большее раздражение.

– Мы не демоны! – воскликнул Пестрый, – друг, не бойся, покажись. И мы дальше пойдем.

– Вот и с-ступайте дальше!

Голос переместился еще глубже под землю:

– Говорил мне дедушка, опас-сайс-ся лесных жителей. От них вс-се наши беды. А дедушка с-снул жис-снь... Явились-сь. С-ступайте. Сейчас хозяева придут. Вам мало не покажетс-ся...

Голос ушел еще глубже и теперь звучал глухо и неотчетливо, пока не пропал совсем.

Хозяева, значит, главные бесы, – подумал я и тут же вспомнил облако, состоящее из мерзких тварей. Внутри похолодело, – вот, гадина кошачья, как бы не сдал нас своим хозяевам!

– Идемте, – сказал Белодрев. – Жалко, что не удалось вам показать серый народец... Бедные, больные создания. Сильно их пришельцы обработали.

– Это точно, – подтвердил я. – Про попов так говорил, будто он тут Московский комсомолец читает.

– Давайте все-таки пересечем их селение, – предложил Пестрый. – Может, кого увидим. Нам и так на ту сторону.

– Как бы духи с кургана не явились, – Клен беспокойно посмотрел на север.

– Если явятся, все равно далеко не уйдем. Идемте, – Белодрев махнул рукой.

– Ну вот, – сказал Капитан, – а Отшельник нам рассказывал, что вы не авантюрные существа.

Двинулись по дну котлована к восточной гряде холмиков, держа курс на следующий домик. Прошли где-то полпути, как откуда-то, из какой-то не то ямы, не то расщелины выскочила гибкая серая тень, и глумливо раскачиваясь, громко прошипела в нашу сторону:

– Идут с-с-служители лилипута. Идут с-служители лилипута...

– Вот он, серый, собственной персоной, – сказал Белодрев.

Серый напоминал большую кошку, размерами, приблизительно, с крупную рысь. Насколько он походил на Юппи, определить в сумерках было трудно.

– Почем нынче ваш-ш лилипут! – продолжал издеваться над нами серый. – Ваш-ш маленький распятый лилипут вас-с не с-спас-сет с-сдесь. Его нет, лжецы...

– Нет, это уже слишком, – сказал отец Иван и отвернулся. – Это совсем не смешно.

– Да он богохульствует! – воскликнул я. – Он называет Воскресшего лилипутом! Вы слышите?!

– Он болен, – возразил Капитан.

– Нет, он не только болен, он еще и заразен!

Меня охватила ярость. Вспомнилось (и так ярко-ярко), как кидались на нас бесноватые, когда мы колдуну молитвенно противостояли. И тоже проклятия изрыгали.

– Из-за таких тварей! – закричал я, – что в этом мире, что в нашем – разгул сатанизма, бардак, апостасия!

Я быстро нагнулся, схватил камень и яростно запустил в серого. И не попал. В последний момент на моей руке повис Капитан, так что камень полетел далеко в сторону. Серый с визгом кинулся к домику.

– Дима, ты что! Это же безобидное создание!

– Узнаю борца с антихристом, – отец Иван ухмылялся в свою черную бороду.

– Но он богохульствовал, он оскорблял Бога! – воскликнул я.

– Он не оскорбил Кон-Аз-у... – сказал Белодрев. – Как невозможно облить грязью Солнце, так и невозможно оскорбить Кон-Аз-у... Так что беспокоиться не о чем... Это действуют пришельцы с кургана, или это место. Это плохо. Нам надо уйти.

– Да, все верно, – я бессильно опустил на корточки, кружилась голова, – действительно, не знаю, как что-то нашло на меня. Эти проклятые сумерки, что ли, действуют... не знаю.

– Дима, – отец Иван подмигнул мне, – все нормально, маленькое искушение. Идем.

Серый добежал до своего домика, и все так же истошно вопя, стал стучать в какую-то железяку. Пришлось стремительно покинуть котлован. Обойдя его, по северной стороне, двинулись прежним маршрутом. На юго-восток.

Могильники

Привал сделали в полдень. Со стоном скинули свои рюкзаки, впрочем, давно уже пустые и легкие. Опять перекусили в сухомятку. Единственное, что радовало, это вода стражей. Ее было немного, каждый делал по паре глотков. Но и этого было достаточно, чтобы оживить мысли и чувства.

Стражи заспорили о дальнейшем пути. Идти ли через Могильники или взять южней, в сторону Брошенной дороги. Могильники, как я понял, находятся перед лесом. Тот неприветливый темно-серый туман, что я видел с вершины холма, он как раз над Могильниками.

Спорили в основном Пестрый и Брат. Брат предлагал рискнуть и двигаться напрямик. Так еще задолго до заката будем в Брошенном лесу. Пестрый заверял, что в Могильниках нас ждет верная гибель. Они кишмя кишат пришельцами с кургана. Это самое лучшее место сделать нам засаду. Поэтому надо идти на юг. В обход. На дорогу. Брат возражал, говорил, что это не близко, почти к самому морю. Теряется много времени. Можем не успеть к отцу Василию...

– Могильники, – тихо сказал Капитан, – да-да, что-то я слышал о них. Место, где закапывались отходы Алексеевской скотобойни. Только скотобойня в Алексеевке уже лет десять как не работает. Еще я слышал, там уничтожали колхозных лошадей: колхоз развалился, не на что было их содержать.

– Верно, – подтвердил Клен (в споре между Пестрым и Братом он принимал то одну

сторону, то вторую).

– Ямы были выкопаны, кровь и страдания обильно пролиты; духи тьмы просто не могли не облюбовать эти места. Да и человеки не только сюда косточки свозили. И лошадей сжигали. Убивали в могильниках и собак бродячих, а то и друг друга.

– Да, слышал, – подтвердил Капитан, – бандитские разборки... Плохие места. Проклятые.

– Может, лучше обойдем, – сказал я и зябко поежился, – к морю оно как-то приятнее, чем в эти могильники лезть.

– И я о том же, друг Дима! – воскликнул Пестрый. – Зачем ловить бурю?!

– Придется ловить, – возразил Брат, – иначе упустим время. А от духов тьмы отобьемся. Не в первый раз.

– Эх, Брат, ты еще слишком молод, – вздохнул Пестрый. – Но не будем спорить. Что скажет Белодрев?

Белодрев не принимал участия в споре. Он все время молчал, словно ожидая какого-то знака. И даже когда Пестрый к нему обратился, Белодрев только молча махнул рукой. Жест это был понятен и стражам и людям: мол, помолчите, сейчас все решим.

Несколько минут стояла гробовая тишина. А затем, высоко-высоко над нашими головами раздался отдаленный голос грома. Стражи сразу оживились. Раздался второй удар грома, уже заметно ближе, поднялся ветер и в этом ветре мне послышалось знакомое – эге-гей!

– Отшельник! – воскликнул Капитан.

Серая пелена над нами прорвалась. В образовавшуюся брешь хлынули яркие солнечные лучи. В этих лучах мы увидели большую чайку. Стражи тут же радостно вскочили на ноги. Чайка пронзительно прокричала и, помахав нам крыльями, полетела на юго-восток. Через минуту она скрылась в свинцовой пелене. Солнечное окошко над нами тут же затянулось. Сумрачная земля приняла свой обычный вид.

– Это был Отшельник, как вы, наверное, догадались, – сказал нам Белодрев. – Отшельник говорит, что путь на юго-восток свободен. В этом месте Могильников сейчас нет темных духов. Путь свободен! Но медлить нельзя. Идемте...

Могильники открылись внезапно. Прямо перед нами, через весь видимый нами мир, змеилась широкая, извилистая трещина, укутанная клубами темно-серого, почти черного тумана. От пропасти веяло ледяным холодом.

– Пришли, – глухо сказал Белодрев, – Могильники.

– Господи помилуй, и сюда лезть? – скорбно вздохнул отец Иван.

Капитан провел рукой по лицу, словно отгоняя невидимую паутину:

– Кажется, мое предположение верно. В нашем мире Могильники – обычные ямы. Здесь же, в сумрачной, захваченной врагом земле, эти ямы имеют продолжение, как бы черные объемы... Зло, совершенное здесь, создало целую пропасть... а в центре воронка в ад... да, – Капитан смешно махнул рукой, – где-то так, хотя я и неуклюже высказался.

– Николай, о воронке мог бы не говорить, – сморщился отец Иван.

– Сказки серых, – с жаром возразил Брат. – Нет там никакой воронки. Воронка у темных одна, под курганом. Здесь же, обычный глубокий овраг, который темные немного углубили, да туманом заполнили. Вот и все.

– Времени мало для споров, – сказал Белодрев. – Идемте. Держимся вместе. Ничего там страшного нет. Разве что темно, дурные мысли и клонит в сон.

– Воронки тоже нет? – спросил я.

– Есть. Но не здесь. Далеко. В центре. А мы находимся на краю Могильников. Тут нет ничего, кроме тьмы и тлена. Единственная опасность, духи, но их нет. Пока нет. Идемте.

Белодрев шагнул в туман. Следом за ним мы. Первое ощущение, будто нырнули в

темную воду. И сразу сдавило грудную клетку, тело налилось свинцом, отчаянно заколотилось сердце. И без того тусклые краски Сумрачной земли погасли окончательно. Окружающая нас тьма приобрела плотную и вязкую субстанцию, каждое движение в ней давалось с трудом. Медленно, осторожно, шаг за шагом, спускались мы вниз, словно сквозь густые заросли.

Я огляделся. Тропа под ногами (да, под ногами была тропа) чуть заметно светилась тускло-красным цветом. Словно вся пропитанная пролитой на скотобойне кровью. Я ожидал увидеть кости животных, может быть даже человеческие останки, но ничего этого не было. Тропа плавно спускалась вниз. Земля вокруг тропы так же светилась, еще более тусклым лиловато-зеленоватым светом.

Вдоль тропы громоздились абсолютно черные, зловещие скалы. Но на них лучше было вообще не смотреть. Возникло ощущение тяжкого удушья; казалось, скалы медленно смыкаются и давят, давят неимоверной тяжестью. С каждой секундой все тяжелее и хуже, и конца этому нет, и не будет.

Ужас, неопикуемый мистический ужас, свел мне живот. Ужас почти ощутимо булькал в животе. В какой-то миг я ясно увидел: впереди ужасающая воронка, провал в адские миры, бесславный конец, адские муки!

Каким же глупым и бессмысленным казался из этой тьмы и гибели светлый мир стражей на Холме – он предстал пред моими мысленными очами во всех своих подробностях. Я вспомнил, как мы стояли на зеленой лужайке, на северном склоне мира стражей. И как нас слепил безбрежный Свет, и я как никогда почувствовал Благую Силу Творца, опытно познал, что Бог есть Любовь, ибо Его Благая Сила любила меня больше, чем я мог себе вообразить! А теперь я должен бесследно согнуться во мраке?! Господи, но какой же тогда насмешкой звучит то, что я пережил на лужайке мира стражей!

Я кинул взгляд, взгляд, наполненный обидой на Творца в небо. Конечно же, как я и думал, никакого неба тут не было и в помине. Над головой была черная плоская пустота. И впереди также была черная пустота. Глубоко внизу, в бездне, тускло пульсировало багрово-красным цветом нечто, похожее одновременно и на луну, и на воронку, и на кратер вулкана. Я понял – это ворота в геенну, в люциферовский космос. Я почувствовал, как черная бездна Могильников затягивает меня вниз, в багрово-красное жерло, в ад. Еще немного, еще и...

Отчаянное желание жить, выжить во что бы то ни стало, затопило меня. Я развернулся и побежал назад, прочь от адской воронки. И тут дорогу мне перегородили демоны. Демоны грубо схватили меня за руки и поволокли назад по все сужающемуся тоннелю, как раз к воронке. Я отчаянно вырывался, читал все молитвы, которые знаю. Но демоны были сильнее. Они совсем не походили на тех бесов, что напали на нас в степи: призрачные, высокие фигуры, под два метра, круглые птичьи глаза, горящие беспощадным огнем, птичьи головы.

Демоны громко, по-птичьи, щебетали. Это было непереносимо, адский щебет не давал мне молиться. И тут я почувствовал, что демоны тащат меня не вниз, а вверх. Это показалось мне странным. Но смутная, отчаянная надежда на спасение тут же зажглась во мне. Впереди показался призрачный серый свет. Еще немного, и меня вынесло наружу. Демоны-птицы оказались стражами.

Потрясенный, я протирал глаза. Тусклый свет Сумрачной земли казался мне ослепительным летним полднем. Рядом со мной сидел отец Иван и мелко трясся от нервного хохота. По бокам от меня стояли Клен и Белодрев. Пестрого, Брата и Капитана не было.

– Ну, ты, друг Дима, брыкался, – сказал мне Клен.

– И он брыкался, – выдавил сквозь смех отец Иван, – ну, хоть я не один. – И батюшка зашелся в еще большем смехе. Вместе с ним засмеялся и я. Пока мы смеялись,

из черно-серого тумана Могильника показался запыхавшийся Брат. Он тащил Пестрого и Капитана.

– Заснули, – объявил он, – еле нашел.

Пестрый и Капитан медленно открыли глаза.

– Прошу прощения, – сказал Капитан, – мы доставили вам лишние хлопоты. Но зато я окончательно понял, как тут все устроено. Все, как я и предполагал.

Тут уже засмеялись все.

– Что ж, самое гиблое место миновали, – сказал Белодрев. – С небольшими приключениями. Слава Кон-Аз-у... и поблагодарим за труды Отшельника. Напади на нас пришельцы, мы бы могли не выйти из Могильников. А теперь в путь. До границы Сумрачной земли осталось совсем немного. Впереди лес.

Мы двинулись дальше на юго-восток. Впервые, за все время нахождения на темных землях, у всех нас было легко на душе. Стражи даже что-то напевали.

Царь-Дерево

Вокруг по-прежнему была Сумрачная земля. Но стало немного светлее и теплее. Все чаще попадалась живая растительность – низкорослая и пожухлая жесткая трава. По расчетам Белодрева, мы уже должны были пересечь границу сумрака и входить в лес. Однако сумрак все не кончался, и Белодрев начинал немного беспокоиться.

Впереди, словно призраки во мгле, показались кривые и приземистые деревья, совершенно голые и сухие – целый лес мертвых деревьев! От этого зрелища в сердце снова вернулась тоска. Стражи перестали петь и остановились.

– Дыхание темной земли добралось и до леса, – вздохнул Белодрев. – Теперь я вижу, что наши братья были убиты здесь не просто так... Идемте. Этим деревьям мы ничем уже не поможем. А вот если Василия не остановим, боюсь, здесь все будет такое.

– Ну, батюшка, ну натворили Вы дел, – тихо сказал Капитан.

Двинулись дальше. Не прошли и пяти минут, как в глаза нам ударил луч солнца. Мы, наконец, покинули темную завесу. Солнце тут же скрылось за тучу, но это была настоящая туча, на настоящем небе. Вздох облегчения и восторга вырвался у людей и стражей. И сразу заметно потеплело. Пришлось скинуть свитер. Ласковый, теплый ветерок приветствовал мое тело.

Мертвые деревья кончились. Но живые – в основном это были невысокие и кривые ели с соснами – выглядели неважно, хвоя зеленовато-бурыми пучками свисала с наполовину оголенных ветвей.

Клен, Брат и Пестрый кинулись к деревьям (сработал инстинкт «лесного народа»). Они трогали шершавые стволы руками, прижимались к стволам лицом и внимательно слушали их «внутреннюю жизнь», ощупывали почву вокруг деревьев и снова прижимались к деревьям лицом.

Клен обратился к Белодреву:

– Этим деревьям еще можно помочь.

Белодрев задумался:

– Остайся с Братом, – сказал он Клену. – Куда мы идем, ты знаешь. Пестрый пусть идет с нами. Эти места по-прежнему небезопасны. А после гибели наших братьев, небезопасны вдвойне. Не забывайте про народ земли и их топоры.

Пестрый с неохотой оторвался от дерева и подошел к нам.

– Да, постарайтесь придти до захода солнца, – Белодрев махнул рукой в сторону

запада, – солнце скоро сядет, постарайтесь вернуться.

Оставив Брата с Кленом помогать деревьям, мы пошли дальше. Местность плавно понижалась, хвойные деревья очень скоро кончились. На их место пришел настоящий Брошенный лес. С трудом поспевая за стражами, мы пробирались через нагромождение каких-то кустов, сквозь молодую поросль акаций, кленов, тополей, чего-то еще.

Стражи искренне радовались буйству молодой зелени, действительно здесь все было бурным, зеленым и задорным. Молодая жизнь цеплялась за штаны, рукава, волосы, обвивалась, не пускала. Несмотря на усталость, на душе было радостно, а стражи так и вовсе ликовали:

– Хороша молодая поросль, друзья-человеки, – восклицал Белодрев. Ему вторил Пестрый:

– Никаким силам тьмы не уничтожить новую жизнь, деревья снова и снова завоюют свое пространство. Ибо так и должен выглядеть Брошенный лес.

– Почему Брошенный? – поинтересовался отец Иван.

Белодрев объяснил, что после того как люди поставили на холмах, за лесом, станцию (станцию ПВО – уточнил Капитан), стражи вынуждены были покинуть это место, из-за сильного излучения. За лесом перестали следить, и поэтому он стал брошенным. Последнее, что удалось в этом лесу народу стражей, это вырастить сосны и ели. Эти деревья хорошо сопротивляются тьме. Жалко, что половина, если не больше, погибла. А посадили их сразу же, как духи с кургана накинута на степь свою сумрачную сеть. Случилось же это после того, как люди, по наущению темных, взорвали шатер Кон-Аз-у...

– Храм в Алексеевке, – пояснил Капитан и добавил, – видите, как все в мире взаимосвязано...

Прошли еще немного, и дорогу нам преградили высоченные заросли осоки и камыша. Запахло стоячей водой, сыростью.

– Пришли, – сказал Белодрев.

Мы поднялись на небольшой пригорок. Спустились в ложбинку, что плавно уходила в заросли осоки. В ложбине было сухо, безветренно и совсем не ощущался запах болота. Вокруг зеленела свежая трава, а в самом центре, из-под большого, гладко отесанного камня, бил родник с чистой прозрачной водой.

Вокруг родника образовалось крохотное, но глубокое озерцо, берега которого были обложены мелкой и ровной галькой. Часть родника стекала в болотце, часть по небольшой и, кажется, рукотворной канавке уходила прямо в лес. Не говоря ни слова, мы быстро скинули рюкзаки и тщательно умылись холодной родниковой водой, смыли с себя всю нечистоту Сумрачной земли.

– Да, друзья-человеки, это исток реки, – сказал Белодрев, – река была практически мертва, все воды уходили в болото. Но ей вернули жизнь два наших брата. Когда люди покинули станцию и станция перестала посылать свои смертоносные лучи, эти два брата стали навещать Брошенный лес.

– Это те, которых убили гномы? – спросил Капитан.

– Да, – ответил Пестрый.

– Располагайтесь, – сказал нам Белодрев. – Здесь мы остановимся на ночь. Надо хорошо отдохнуть.

– А здесь не опасно? – спросил я.

– Теперь, после ухода наших братьев за море, нет. К тому же мы будем здесь не одни. Взгляните.

Белодрев махнул рукой в противоположную от болотца сторону. Сразу за ложбиной начиналась небольшая поляна. На краю поляны, где-то в полусотне метров от нас, возвышалось огромное, величественное дерево со странными темно-бардовыми листьями. Дерево не было очень уж высоким (я мысленно сравнил его высоту с

Серебряным Деревом; пожалуй, оно как раз бы достало до нижних ветвей), но было необычайно раскидистым, будто хотело охватить ветвями весь Брошенный лес.

– Идемте, познакомимся ближе, – предложил нам Белодрев, после того как мы омылись.

Мы встали и вышли из ложбины на поляну. Я обратил внимание, что дерево растет отдельно от всех деревьев и на небольшом пригорке. Как-то сразу стало понятно, что это непростое дерево, а как бы глава всего Брошенного леса, его центр. Мне захотелось назвать его Царь-Деревом.

У Царь-Дерева был толстенный, в несколько обхватов, морщинистый ствол, прямой, как колона. В стволе, да и во всем дереве, не было трухлявости, кривизны, дыр – дерево, несмотря на свой почтенный возраст, выглядело еще довольно крепким.

– Царь-дерево! – не удержался я.

– Пусть будет Царь-дерево, – согласился с мной Белодрев, но добавил, – только подлинное Царь-дерево – это Кон-Аз –у...

– Вот как, – оживился отец Иван, – очень интересно.

– Помните, при нашей первой встрече я сказал вам, что мы тоже знаем и почитаем Кон-Аз-у..., только по-другому, не как вы. Так вот, один из главных образов, которым Он нам открылся, это Золотое Царь-Дерево. Дерево, что удерживает все созданное, и из которого все созданное произошло.

– Логично, – сказал Капитан, – так для вас Он и должен открыться, вы же с деревьями связаны.

– Да, главный образ: Царь-Дерево. Это как в вашей песне: В Начале было Слово. Так и у нас, – в голосе Белодрева появились торжественные нотки, – в начале было и есть великое Царь-Дерево, которое вечно произрастает от Истока. Исток же, это есть Аз-А-у..., но о Нем нельзя сказать что-либо определенное.

– Исток? – переспросил Капитан, – это тот, что мы видели с холма и в сторону которого идем? А как же тогда быть со словами Клена, под шатром? Он сказал, что в центре Млечного Пути царство Аз-А-у...

– Верно, – ответил Белодрев, – но это царство не является самим Аз-А-у..., хотя и его средоточие. Так же и Исток, что мы видели, не является в полном смысле самим Аз-А-у..., даже если сам Аз-А-у... и является Истоком. Почему? Потому что, как я и сказал, о Нем нельзя произнести что-либо определенное.

– А в нашей самой главной песне поется, – гордо заявил я, – видевший Меня видел и Отца. Это сказал нам сам Воскресший. Так что мы, христиане, знаем Бога. Не в смысле, конечно, что Его постигли (Он, естественно, непостижим), а в смысле, что можем познать Отца через Сына.

– Песня эта нам известна, – задумчиво сказал Белодрев. – Мы бы очень хотели иметь понимание этой песни от вас. Но пока не получили. А почему? Вот такой вопрос: если вы, действительно, знаете Того, о Котором ничего нельзя сказать, то почему же вы продолжаете совершать столько зла?

Простейший вопрос почему-то застал меня врасплох. Я бессильно качнул руками. Дело спас отец Иван:

– Белодрев, – мягко сказал он, – поверь, это самая большая загадка нашего народа.

– Простите, – вздохнул Белодрев, – не хотел обидеть. И не будем обижать Царь-Дерево. Друзья-человеки, подойдите ближе, поздоровайтесь.

Я коснулся рукою шершавого ствола, он был теплый и, кажется, гудел от избытка внутренних сил. Смутное чувство некой величественной огромности заполнило мое сердце. И тут же я отметил про себя, что дерево это, в отличие от деревьев в мире стражей, находится как бы в полусне. Возможно, так оно защищается от соседства тьмы.

– Царь-Дерево наблюдает за тропинками в Брошенном лесе, – сообщил нам

Белодрев. – И, конечно же, знает о перемещении рабов отца Василия. Нам надо поговорить с ним. Это займет некоторое время. Царь-Дерево медлителен.

Белодрев и Пестрый опустили прямо на землю и, повернувшись спиной к стволу дерева, прикрыли глаза. Мы вернулись к роднику.

– А здорово тебя Белодрев отделал своим вопросом, – сказал отец Иван.

– Почему меня? – возмутился я. – Кажется, речь шла о всех христианах.

Повисло молчание. Отец Иван задумчиво смотрел на прозрачные воды родника. И вдруг спросил:

– Что вы обо всем этом думаете?

– О чем? – сказал я.

– Ну, вообще.

– Не понял?

– У тебя, Дима, нет такого ощущения, – медленно произнес отец Иван, – что все, что было до того, как мы с Брамой столкнулись – сон. Нет, я понимаю, конечно, что не сон. Я помню о семье, и еще вчера, когда мы вошли в Сумрачную землю, сердце едва не разорвалось от тоски и страха из-за всех этих проблем со служением и епископом. Естественно, и сейчас я помню обо всем этом... но, такое чувство навязчивое, будто мне все это снилось, вся моя прежняя жизнь со своими проблемами, и вот теперь только я начал пробуждаться.

– Представляешь, – ответил я, – и у меня похожее ощущение.

– Это нормальный процесс, – встрял Капитан. – У меня тоже так поначалу было. Возможно, психика защищается от потока новой необычной информации. Включается в поток, не анализируя его, а все прежнее переводит в сон. Иначе ведь с ума сойти можно. Смотрите. Только третий день нашего пребывания в зоне Браммы заканчивается. А столько уже всего перевидали. И прекрасный мир стражей и тьму Сумрачной земли.

– Хочу сразу предупредить; по возвращении с зоны Браммы, как только включитесь в привычный круг жизни, будет с точностью до наоборот – пребывание здесь покажется сном. Многие детали, к сожалению, тут же сотрутся из памяти. То же, наверное, защита.

Надо будет сразу записать все, что видел, – подумал я. – Жалко, если все забуду.

– Да, очень много новых ощущений, – отец Иван все так же меланхолично смотрел в родник. – И кто скажет, что это от лукавого. Я только сейчас понял страшную реальность сил тьмы. Со стыдом, вам, как друзьям, признаюсь: я, поп, страшно недооценивал реальность сил зла. Дима не даст соврать.

– Теперь, батюшка, важно не переоценить, – сказал Капитан, – что б как с отцом Василием не вышло.

– Да, иеромонах Василий, – вздохнул отец Иван. – Уже завтра должна состояться наша решающая встреча, а я ведь о ней почти и не думаю. Тоже, наверное, защита...

– Отдыхаем, друзья, – сказал появившийся Белодрев. – Детей земли в лесу нет. Всех собрал в пещере отец Василий. Наверное, готовит понемногу к военному походу.

Казнь

Гном Ляксашка бежал по узкому и извилистому коридору. За ним с тяжелым топотом неслись соплеменники.

– Стой, ма-а-асон! Стой, эку-у-уменист! – кричали они.

Коридор вел от шахт к потайному выходу из катакомбного монастыря. Ляксашка не добежал до выхода совсем немного. Он как раз пробежал под электрической лампочкой (еще два дня назад ее здесь не было, горел обычный факел). Яркий свет ослепил его и

отнял последнюю надежду юркнуть незамеченным в тайный лаз, Ляксашка сбавил ход и тут же почувствовал сильный удар в спину, потом еще удар. Ляксашка задохнулся, кто-то ударил его по ногам. Ляксашка упал. На него тут же навалились.

– Прости, бра-ате, наш грех несмирения, – шипел ему прямо в ухо Филька, заламывая руку.

– Иначе ты не поймешь, – шипел во второе ухо Васька, заламывая вторую руку.

– Та-а-щите его к человеческой машине, – скомандовал старший гном Гришка.

– Не-е-ет!!! – завопил Ляксашка.

– Глупе-е-ц, – возразил ему Гришка, – мы заботимся о спасении твоей ве-е-чной души.

– Глупцы вы! – орал Ляксашка и даже перешел на «тарабарский язык» – совсем с ума посходили, где вы видели, чтобы народ гор ползал как червь перед людьми. И никогда наш народ не воевал с народом лесным. Народ лесов нам ничего плохого не сделал. И вы будете вдвойне глупцами, если...

– За-а-ткните ему поганую бесовскую пасть, – скомандовал Гришка.

Ляксашка замолчал. Топоча, гномы свернули в боковой коридор...

В тот самый момент, когда соплеменники схватили и поволокли бедного Ляксашку к человеческой машине, от толпы гномов незаметно отделился гном Прошка. Он подождал, пока гномы свернули в боковой коридор, и быстро нырнул в тот самый тайный ход, до которого чуть-чуть не добежал Ляксашка.

Минут через пять Прошка выбрался наружу. Он знал, что должен встретиться с лесным народом и все им объяснить. Но было уже темно, и Прошка не решился идти через враждебный лес. К тому же он еще не совсем понимал, куда идти. Он решил пока переночевать в знакомой ему пещерке и завтра пораньше с утра двинуться в лес по Брошенной дороге.

Ляксашку тем временем дотащили до небольшого прохода в стене. Через проход змеился толстый, черный и жирный человеческий провод, от одного взгляда на который начинала болеть голова. По ту сторону проема была небольшая ярко освещенная комната, в ней-то и располагалась страшная человеческая машина – воняющий соляркой генератор.

Отец Василий стоял прямо посреди комнаты, в полном облачении. Рядом с отцом Василием, ближе к генератору стояли еще два человека бомжеватого вида. Это были Анатолий и Сергей, бывшие рабочие Виктора-корейца. Но самого Виктора не было. Еще утром, под надуманным предлогом – мол, надо бы поточнее договориться о закупке солярки и прикинуть, как лучше ее транспортировать через Заячью Нору, он ушел в Алексеевку. Виктор догадывался о предстоящей экзекуции и, будучи неисправимо добрым от природы, решил избавить себя от ее лицемерия.

Не было и Пастуха. Пастух должен был появиться у отца Василия в келье сразу после заката, но так и не появился. Это было странно. Пастух вел почти непрерывное и очень осторожное наблюдение за перемещением краснокутовского попа с сотоварищами и лесными демонами по землям «за Брамой». Этим вечером, после захода солнца он должен был обязательно явиться к отцу Василию, прямо в келью. И вот не явился. Это был тревожный знак.

Неужели они и Могильники перешли, и даже Пастуха обезвредили, – тревожно размышлял отец Василий, – очень плохо, они у меня под боком, а я о них ничего не знаю.

В коридоре раздался тяжелый топот гномьих сапог.

Ведут этого, как его, Ляксашку. Краснокутовский поп возможно уже почти на пороге, пора срочно поднимать боевой дух. Так что Ляксашка умом повредился весьма вовремя.

– Вот он, негодный раб! – закричал отец Василий, перекрикивая работающий

генератор.

Гномы втащили Ляксашку в комнату, через проем, и поставили под самую лампочку. А сами быстро отступили в тень.

Бывший обладатель священной «рыбки» Ляксашка стоял под невыносимым человеческим изобретением – электрической лампочкой. Страшный желтый свет слепил, давил на мозги, запрещал думать. Ляксашка не слышал ничего, кроме голоса авве Василия, и голос этот звучал подобно громовым раскатам в его голове.

Неужели и вправду через авве Василия вещает грозный человеческий бог, – смутно размышлял Ляксашка. – Или грозный царь, которого он страшно прогневал своей кражей монастырского металла, или своими сомнениями по поводу войны с лесными демонами. Вот только откуда взялись эти самые сомнения? Кажется, он что-то нашел?

Нет, ничего он не находил – все бесовский обман. И теперь его ждут вечные муки, если, конечно, авва Василий и ангел, а может быть и сам грозный царь не отмолят его у бога. Но для этого он примет мучения здесь, примет смерть...

Ляксашка задрожал. Он не боялся смерти и страшной человеческой машины, он боялся посмертной неопределенности. Он боялся грозного судию, страшного и неумолимого к еретикам и экуменистам.

Отец Василий поинтересовался: забрали ли у отступника-гнома священную рыбу? На это старший гном Гришка доложил, что рыбку забрали сразу, как обнаружили в сумке у Ляксашки ворованный ценный металл и камень-самородок. Да, – вспомнил иеромонах, – утром как раз проводили ревизию всего собранного земляным народом. Завтра все ценное потащат через Заячью Нору на сдачу Анатолий и Сергей. Пора готовиться к затвору.

Гришка продолжал рассказывать о том, как, обнаружив ворованное, устроили Ляксашке допрос, ну тут и вскрылась крамола. Крамола выражалась в том, что Ляксашка стал проповедовать зловредные масонские идеи непротивления. Мол, идти войной на лесных демонов не надо и не надо слушать авву Василия, а следует вернуться в прежний бесовский облик. И жить как прежде, точилки-молотилки. Посему, услышав такое, было решено заключить отступника Ляксашку под стражу. Ляксашка был под стражей, а когда его уже повели на игуменский суд, пытался бежать:

– ... Но от нас, конечно же, по вашим молитвам, дорогой наш авве Василию, не сбежать, – торжественно закончил Гришка.

– Зачем же ты, брат, впал в прежние бесовские сети? – спросил гнома-отступника отец Василий.

Ляксашка молчал, ослепленный и оглушенный безжалостным светом электрической лампы.

– Молчишь, но так я скажу; так говорит ангел Господень: брат, тяжек иудин грех, в который ты впал. И тяжка не кража, сама по себе, а то, что ты плюнул прямо в душу своему духовному отцу. Так говорит ангел – тебе, несчастный раб, мы даровали бессмертную душу не для того, чтобы ты обрек ее на ад. Да еще и своих братьев обрек. Вы слышите, братья! – обратился отец Василий к гномам, – он хочет, чтобы вы все мучились вечно! Он хочет вас всех предать в руки лесных демонов! Он ненавидит вас! Как вы думаете, чего он заслуживает?

– Смерти! – завопили гномы.

– Правильно, смерти, – сказал удовлетворенный отец Василий. – И мы даруем ему смерть. Даруем ее потому, что любим его. Мы даруем ему возможность смертью искупить предательство. Мы умолим грозного царя, а царь попросит Господа простить этого безумца. И пусть эта смерть послужит ему надеждой на спасение души. Мы будем молить о нем царя. И мы отомстим проклятым лесным демонам!

– Отомстим! – завопили гномы, – смерть!

Отец Василий был доволен правильной реакцией гномов, и в тоже время ему было

очень беспокойно – не явился ангел! В прежние две казни ангел присутствовал неизменно (ангел последних времен любил созерцать муки врагов Божьих).

Ни ангела, ни Пастуха, что же случилось? Но больше медлить нельзя.

Отец Василий зябко поежился и дал тайный знак Анатолию и Сергею. И те, крепко взяв гнома Ляксашку за плечи, медленно, даже торжественно повели его к генератору. С каждой секундой страшная человеческая машина становилась все ближе. Ляксашка уже ощущал ее смертоносную силу. Тысячи невидимых иголок потихоньку впивались в тело: сперва в руки, потом выше, в легкие, в голову. Вот его подвели к самой машине. Он обреченно смотрел на нее и ничего не понимал. Лишь тело хотело жить дальше.

Анатолий с Сергеем с трудом оторвали от груди правую руку гнома и стали медленно опускать на ребристый корпус генератора. Иголки все глубже и глубже впивались в тело, становилось невыносимо больно.

Рука гнома коснулась вибрирующего, наэлектризованного металла. И тут же все тело полыхнуло огнем. Боль была запредельной, но мучился он совсем недолго. Ляксашка дико закричал и тут же обвис в руках Анатолия и Сергея.

В отдалении раздалась первая дробь барабана.

Искушение

Откуда-то издали прилетел жуткий крик. Стало не по себе. Холодком по спине побежал страх. Ночная птица – успокоил я сам себя. Посмотрел на стражей, стражи спокойно спали. В нормальном, «недревесном» облике. И Капитан спал. И даже отец Иван спал!

Странно. Отец Иван человек беспокойный, а завтра решающий день. А он спит. Как сурок! Все спят. Один я мучаюсь бессонницей. Такое у меня изредка бывает – обратная реакция организма на переутомление и пережитый психологический стресс. Только Могильники чего стоят... Нет, Могильники лучше не вспоминать.

Удивительно, столько всего за три дня! А ведь не так давно, но, кажется, в другой жизни, мы сидели на маленькой кухне в Черноморке, и отец Иван говорил, что Брама для нас милость Божья.

Я ясно увидел эту сцену, но как бы со стороны, словно в кино – отец Иван говорит и смотрит невидящими глазами в мутное окно; мол, не мы этот путь выбрали, я даже за штат подавал, чтобы не ехать в аномальную зону, а теперь вижу, Господь судил иначе. Еще неясно, куда дело повернет, но то, что мы не останемся прежними, это точно... Да, куда дело повернет. Наверное, это будет ясно завтра.

Я хотел заставить себя думать о завтрашней встрече с иеромонахом Василием, но мысли упорно бежали в разные стороны. Кажется, я незаметно задремал.

– И что дальше? – спросил меня низкий густой голос.

– Кто тут? – бросил я в темноту. Страх не было, я был уверен, что сплю, но какое-то беспокойство было.

– Я твой ангел-хранитель, – спокойно ответил голос.

– Где ты, покажись!

– Я везде.

– Так не бывает. Ангел-хранитель должен иметь четкую форму. Он не может присутствовать везде.

– По-разному бывает, – голос оставался невозмутимо спокойным, каким-то даже немного механическим. – Но если ты настаиваешь на форме, хорошо.

Возле выхода из шатра тускло замерцало. Появилась высокая стройная фигура (все

остальное сливалось во мраке). Фигура жестом попросила меня следовать за собой. Зябко поеживаясь, я встал, накинул куртку и направился к выходу. Идти как-то не хотелось, что-то внутри меня сопротивлялась.

Но это же мой ангел-хранитель, даже если мне все и снится!

Вышел из шатра. Светящаяся фигура предложила мне сесть. Я все никак не мог разглядеть лицо ангела. Назвавшийся моим ангелом-хранителем был в капюшоне, как страж. И довольно умело скрывал свое лицо. Мне даже порой казалось, что под капюшоном нет ничего, пустота. От этой мысли становилось совсем не по себе.

– Итак, что дальше? – повторило свой вопрос светящееся существо. Я промолчал.

Из шатра вылез отец Иван и, не смотря по сторонам, уверенно направился в густые заросли кустарника, что рос возле самого болота, сразу за нашей ложбиной. Я хотел его окликнуть, но тут светящийся заговорил снова.

– Вы идете не имея никакого плана, совсем не зная катакомб отца Василия. Странно, что ваши проникательные друзья об этом совсем не думают. Как будто путь в катакомбах будет для них легкой прогулкой по лесу...

В низком завораживающем голосе ангела проскользнула ядовитая усмешка. Я насторожился. Но тут же снова зазвучал вибрирующий голос:

– И не стоит списывать несколько десятков фанатично преданных отцу Василию гномов, готовых умереть за своего авву. И, наконец, сам отец Василий прекрасно осведомлен о вашем перемещении. Он знает, что вы у него почти под боком. И Антиминс и Чаша укрыты им в надежном месте... У вас нет никаких шансов без плана катакомб, без знания о всех затаенных уголках отыскать что-либо.

Ангел на минуту замолчал, давая мне возможность осмыслить услышанное... Да, то, что мы идем без четкого плана, немного тревожило меня. Я рассчитывал, что завтра, по ходу, стражи что-нибудь придумают. Или Отшельник поможет. Ну а то, что отец Василий знает о нашем перемещении, конечно, совсем плохо. Плохо, но, думаю, не настолько, как ангел мне изложил. Что же делать?

– Я помогу тебе, – заговорил «светящийся». – На наше счастье, несколько гномов отца Василия взбунтовались. Одному гному удалось бежать. Он находится недалеко от вашего шатра. Но боится подойти близко, боится ваших друзей. Он даст тебе подробный план катакомб и расскажет про все потаенные места.

– Мне?! Ну... да... Только надо остальных разбудить!

– Ни в коем случае, если вы ринетесь толпой, гном испугается и бежит... Пошли, это совсем недалеко. Не бойся, я твой ангел-хранитель и желаю тебе только блага... Ну, пошли, это недалеко, – голос ангела стал тихим и совсем вибрирующим и завораживающим. Устоять против этого голоса было невозможно.

– Пойдем, – мягко повторил ангел и взял меня за руку, – хоть раз переступи через себя, преодолей страх. Не будь малодушным. Ну, пошли.

«Светящийся» наступил мне на «больную мозоль», упомянув малодушие. Все же это ангел-хранитель, – решил я про себя и покорно двинулся вслед за высоким гостем.

Мы вошли в те же кусты, куда несколько минутами ранее вошел отец Иван. За кустами шла просека. Мы двинулись по ней. Шли, как мне показалось, долго. Болотом пахло все сильнее и сильнее. Я ощутил нарастающее беспокойство и уже жалел, что поддался на уговоры неведомого ангела.

– Почти пришли, – успокаивающе сказал ангел и даже потрепал меня по голове, словно ребенка, своей холодной и, как мне почудилось, шершавой рукой. Наконец я заметил, как справа и слева от меня появились и стали приближаться тусклые болотные огоньки. Ангел остановился.

– Ну, вот и все, – торжественно произнес он, – путешествие окончено.

Цепко схватив меня за рукав, «светящийся» другой рукой потянулся к моему горлу. Тут только я все понял. Я понял, что принял демона за своего ангела-хранителя. И что

никакой это не сон, все происходит на самом деле.

Ужас овладел моей душой. Я схватился за руку, тянущуюся к моему горлу. От руки веяло космическим холодом. Я чувствовал, как внутри меня все леденеет.

Тускло мерцающий демон стал что-то бормотать. Его бормотание очень напоминало бубнение водителя-корейца, того самого, что вез меня в Черноморку. Только сейчас я понял, отчего мне было так неудобно в его машине. Однако теперь мое положение было много хуже.

Едва демон забормотал, как тусклые огоньки сорвались с места и закружились вокруг нас в бешеном хороводе. Раздался хорошо знакомый мне, по Сумрачной земле, душераздирающий свист. Я закричал, но крик мой был подобен жалкому стону.

И вдруг жуткий свист прекратился. Болотные огоньки остановили свое бешеное кружение и погасли. Рука, что уже почти сжала мое горло, дрогнула и обвисла, словно тряпичная. Демон зашипел, как змея. Но в шипении ясно слышались ноты ужаса и отчаянья. Фигура демона колыхнулась и растаяла. И вместе с ней канули в небытие огоньки. Я остался один в незнакомом мне месте.

Из-за облака вышла начинающая полнеть луна. В ее тусклом свете я увидел, что стою на едва заметной тропинке, справа и слева от меня двухметровая стена камыша. И больше ничего не видно.

Попытался вспомнить – с какой стороны меня вел сюда демон? Мои бесполезные воспоминания прервали осторожные шаги. Я почему-то решил, что это пробирается гном отца Василия. Бежать, неизвестно куда, было бессмысленно. И я решил спрятаться в камышах. Пятясь в камыши, случайно наступил на сухую ветку. Ветка предательски хрустнула под ногой. Шаги стихли.

– Кто здесь?

Это был голос отца Ивана, тревожный, испуганный.

– Это я, Дима.

– Дима! И ты тут?! Ну, слава Богу, хоть не один!

Я вышел из зарослей. Отец Иван стоял в нескольких метрах, мокрый и дрожащий. От него за версту несло болотом.

– Что произошло?

– Отца Василия встречал, – ответил отец Иван, стуча зубами. – Только вместо встречи провалился в болото. Еще едва не утопили... Бесы! Сила нечистая! Или, как стражи говорят: пришельцы с кургана... Бр-р-р, холодно как... Ангелом-хранителем назвался. Говорит, мол, иеромонах идет на мировую. Хочет покаяться и вернуться в лоно церкви. Вместе поедете к епископу. Епископ Василия оставит на краснокутовском приходе, а с меня, в знак благодарности, опалу снимет и приход нормальный даст. В пригородной зоне и возле реки, как я давно хочу. Вот, брат, такая сказка. А дальше демон говорит, мол, он тут рядом стоит, к шатру подойти не решается, стражей боится. Так ты, браток, встреть его, выйди. Ну, вот я и встретил. Едва не утонул.

Я вкратце рассказал свою историю.

– Да, дружище, попали мы с тобой! Видать серьезные дела завтра предстоят. Но и мы с тобой как легко на искушение угодили. Посему не будем судить отца Василия. Каждый из нас может оказаться на его месте.

Я согласился с отцом Иваном и тут же увидел два ярких огонька, они стремительно приближались к нам. Вот уже показались Клен с Белодревом, в руках у них пылали золотистые шарики.

– Вот вы где! – воскликнул Белодрев, – нашлись! Идемте, идемте скорее к шатру.

Шатер оказался не так уж и далеко. Но пока шли, я успел кратко рассказать, что произошло со мной и отцом Иваном.

– Это были пришельцы с кургана, как вы и сами догадались, – сказал Белодрев. – Но не те, что напали на нас в Сумрачной земле. Это их начальники. Примерно такой вот

начальник и искушает Василия... Только удивительно, что их спугнуло. Отшельника сейчас быть не должно... Странно. Очень странно. У меня такое чувство, друзья-человеки, – обратился он к нам, – радостное чувство, что вмешалась большая сила, от Кон-Аз-у...

Подошли к шатру. Возле шатра ярко горел костер, рядом суетились Пестрый и Брат.

– Нашлись! – радостно воскликнул Брат. А Пестрый добавил с досадой:

– Как же это мы духов с кургана пропустили? Эх, стареет Царь-Дерево.

– Что произошло? – из шатра вылез заспанный встревоженный Капитан. Он один из всех нас спал сном младенца.

Неожиданные новости

Как только рассвело, Прошка осторожно покинул свое укрытие. Перед тем как выйти, он долго прислушивался, не топочут ли где его соплеменники. Все было тихо. Но Прошка все же не решился идти сразу на Брошенную дорогу. Он двинулся к лесу напрямик, через холмы. Стараясь четко придерживаться западного направления.

Идти напрямик было сложно даже ему, гному. В этом месте у холмов слишком крутые склоны, а между ними одни сплошные ямы да овраги. Вдобавок склоны преимущественно песчаные, предательские: карабкаешься на склон, а он вдруг начинает под тобой осыпаться. Один раз Прошка едва не угодил в глубокий овраг. После этого решился выйти на дорогу. Впереди был знакомый ориентир – большие и призрачные развалины человеческих домов на высоком холме с широким и плоским верхом.

Прошка остановился, снял с плеча дорожный мешок и извлек из него небольшой (чуть больше пятака) осколок родового камня Раха-а-халд. Несколько минут он пристально разглядывал ничем непримечательный серебристо-серый камень. Затем, вздохнув, завязал дорожный мешок, а камень положил в карман...

Раха-а-халд защитит меня. Я буду идти по дороге, тереть камень и думать, много думать. Я мог бы и дальше идти через горы, но так я не могу тереть камень и думать. А я должен многое понять, прежде чем встречу лесной народ и скажу правильные слова...

Прошка вышел на Брошенную дорогу и, не оглядываясь, зашагал в сторону Брошенного леса.

...Ляксашка тер камень и стал другим. Сначала он вспомнил свое настоящее имя. Он не Ляксашка, он – Гам! А потом Гам вспомнил, что была совсем другая жизнь, до того как они попали под молнию ангеля. И в этой, другой жизни, они долго шли с больших гор, что находятся где-то далеко на востоке. А вот зачем они шли, Гам вспомнить не успел. Но зато он вспомнил, что до молнии мы не служили человекам и ангелям. А теперь служим, как последние рабы.

Гам тер камень и понял – это колдовские чары, злые чары. Злой ангель и злой авве Василий хотят, чтобы мы воевали с лесным народом. Мы не должны убивать лесной народ. Лесной народ мудр и добр к нам, пусть и разные у нас пути. Но лесной народ знает наш путь и подскажет, как нам быть. Плохо, что Тимошка с Филькой пролили кровь. Лесной народ может быть зол на нас, но я попрошу прощения, я скажу, что мои братья не виноваты, они под колдовством. И я скажу главное, о войне...

Так размышляя и потирая пальцами заветный камень, Прошка оставил за собой холмы и вступил в Брошенный лес:

...Гам много и хорошо думал. Он сразу обо всем мне рассказал и дал немного потереть камень. И я тоже начал вспоминать. Тогда Гам расколол Раха-а-халд, кусочек

мне подарил, а другой взял себе. Сказал, что идет в шахту, попробует еще кого-нибудь из братьев пробудить. Не получится, возьмет в сумку блестящий металл и камень-самородок. Вернется, будем уходить. Если же его, Гама, схватят, то тогда мне надо будет дожидаться ночи и идти к лесному народу. Сказать им о готовящейся войне...

Прошка встал как вкопанный. К нему вернулся прежний страх. Впереди, прямо возле дороги, в кустах, под деревом виднелась хорошо знакомая ему шляпа.

Пастух! Плохой человек, хоть и старается быть добрым к нам.

Прошка пожалел, что не взял топор. Но тут же вспомнил, что идет с миром и топор ему больше ни к чему. Ему никого не хочется убивать, даже Пастуха.

Прошка решил опять положиться на Раха-а-халд. Сжав изо всех сил пальцами камень, он стал мелкими шагами двигаться мимо сидящего Пастуха. Пастух не шевелился. Сквозь дымчатую весеннюю зелень были хорошо видны его скрещенные ноги и широкополая шляпа – она немного примялась о ствол дерева, но сидит все равно ладно, словно одно целое с головой. Вот уже видно лицо: широко открытые глаза, приплюснутый нос и полуоткрытый рот.

Странно, – подумал Прошка, и тут же понял, что именно «странно» – Пастух не дышал! Совсем не дышал! Широко открытые глаза колдуна смотрели в небо, остекленевшим взором. В стеклах мертвых глаз застыл неподдельный ужас, смешанный с удивлением. А с искаженного, полуоткрытого рта, казалось, еще рвется беззвучный вопль.

Тут только до Прошки окончательно дошло – колдун мертв. Понять это было непросто, на теле колдуна не было крови, ран, следов борьбы. Он сидел, как живой, только не дышал. Этот факт так удивил гнома, что он вспомнил свое подлинное имя. Мысль, пришедшая в голову, была такая:

Топ, болван, что ты стоишь, лесной народ рядом!

– Топ, – тихо повторил Прошка, – я Топ, Топ! Топ!.. Тогда что же я стою?!

Топ радостно поправил дорожный мешок и двинулся бодрым шагом дальше.

***

Всю ночь мне чудилось, будто ледяные пальцы тянутся к моему горлу, а холодный голос шипит: все, путешествие окончено... путешествие окончено...

Только под утро провалился в долгожданное забытие. Перед пробуждением мне приснился дождь с грозой. Сверкали молнии, грохотало, я стоял под теплыми струями дождя. Дождь смывал с меня черную болотную слизь, и на душе становилось радостнее и легче. Где-то в отдалении пели стражи, и так же стояли под струями дождя отец Иван с Капитаном. Наконец громыхнуло так, что я проснулся окончательно. И услышал знакомый голос:

– Э-гей-гей, вставайте сони! Солнце уже поднялось, э-гей-гей!

Отшельник ходил вокруг шатра и постукивал по нему своим посохом.

Отшельник был в обычном облике. Лучи восходящего солнца падали на его голову. Лохматая грива волос пылала золотистым цветом, словно нимб.

Несмотря на беспокойную ночь и на пережитый ужас я чувствовал себя отдохнувшим.

– Да, ночь была тяжелая, – сказал Отшельник. – Непростая ночь, тьма едва не раздавила нас. Но все окончилось лучше, чем мы предполагали. Так что умывайтесь, кушайте и слушайте.

– Тот, кто следил за вами, мертв, – сообщил Отшельник, когда мы сели есть.

– Пастух мертв! – воскликнули стражи, – вот так новость!

– Пастух, о каком Пастухе речь? – спросил отец Иван.

– Ах, да, извините, – сказал Капитан, – про Пастуха я вам совсем забыл рассказать.

Помните того мрачного дядечку в ковбойской шляпе, с которым вы столкнулись еще в свой первый поход в Кут?

– Конечно, помним, – сказал я.

– Это и есть Пастух.

– Можно поподробней, – попросил отец Иван.

– Мы давно за ним наблюдаем, – сказал Белодрев. – А он за нами. Но главное не в том. Он немножко, совсем чуть-чуть, по нашим меркам, владеет своей внутренней силой. Колдует, по-вашему. И сила эта у него для зла. С духами из кургана у него давние и прочные связи. Через него и стал доступен для духов Василий. Пастух и сам о такой связи не подозревает. Он думает, что верой и правдой служит Василию. Да, духи тьмы не любят раскрывать свои карты... И что же с Пастухом?

– Если вы, друзья-товарищи, – продолжил Отшельник, – пойдете по Брошенной дороге, а лучше всего двигаться по ней, вы его обязательно увидите. Если, конечно, его не обнаружат раньше рабы отца Василия и не отнесут в катакомбы. Он сидит почти на границе Брошенного леса и холмов. Недалеко от дороги. Сидит, как живой, но он мертв. Так и сидит с ранней ночи, с часа, когда на вас напали демоны с кургана.

– Так это Пастух демонов натравил? – спросил отец Иван.

– Пастуху очень не хотелось идти к отцу Василию с плохим известием, что вы благополучно миновали Могильники и стоите у него под боком. Тогда он осторожно, с помощью демонов, пощупал, так сказать, вас. А вы дрыхните в своей норе, как серые после тяжелой работы на кургане. Ну, тогда он и решился на последний и решительный бой. Задача была вывести из строя отца Ивана и его друга Диму... Да, если б ему это злодейство удалось, то тогда бы терялся весь смысл вашего похода... Так он думал и с такими мыслями сел под дерево колдовать. Он призвал всех демонов, которых смог призвать, и более того, сделал себя как бы... фокусом силы для бесплотных духов, как бы линзой для их воплощения. Очень опасное колдовство. Да. Очень опасное. Оно его и погубило, когда внезапно явился тот, кого он ненавидел, боялся и меньше всего ожидал здесь увидеть.

Отшельник сделал многозначительную паузу.

– Ну, брат Отшельник, не мучь, – сказал Белодрев.

– Тот, кто когда-то был в вашем мире отцом Геннадием, – торжественно произнес Отшельник, – явился с того Берега на огненной колеснице в сопровождении Ангелов.

– Отец Геннадий, – просиял Капитан, – батюшка из Алексеевки, которого взорвали вместе с храмом. И его Чаша...

– О чудеса, – прошептал отец Иван, – Господь с нами.

– Тот самый! – Отшельник радостно хлопнул в ладоши, и сразу вдалеке прогрехотало.

– Тот самый, друзья-товарищи! Ах, если б для Пастуха свет не был тьмой! Ему бы понять, что отец Геннадий давно простил его и хочет только ему помочь. Ему бы пасть к его ногам и попросить о помощи. А он уцепился за своих демонов. А когда увидел, что демоны бегут от отца Геннадия, как мошकारа от огня, то сразу решил, что ему конец. Сейчас ему отец Геннадий отомстит за взорванную церковь, за свою мученическую кончину.

– Что, Пастух взрывал?! – воскликнул удивленно Капитан.

– Нет, не Пастух, конечно же, взрывал, – поправился Отшельник, – но, благодаря ему, тогда носящему маску молодого комсомольского активиста, все это дело и закрутилось. При вашем Хрущеве. О, Пастух тогда немало сил приложил. Как он ненавидел отца Геннадия. И вот пришло время расплаты. Сейчас его заберут в огненную колесницу и швырнут в глубины адские, на муки вечные и непредставимые, уготованные колдунам от начала века. И никто ему теперь не поможет. Да. Тут-то сердечко у колдуна и не выдержало.

– Что ж, друзья-товарищи, будем надеяться, что отец Геннадий поможет Пастуху в его очень трудном пути на Другой Берег. А у меня вам другая радостная весть. Отец Геннадий с Ангелами этой ночью прямо в курган явились. Была большая битва. Над курганом теперь белый шатер. Над Могильниками так же светлая преграда. Пришельцы пока выйти не могут. Нам неслыханно повезло! Демонских козней не будет, путь открыт! Кто знает, может и отец Василий в себя придет. Без своего искушителя. Вот насчет духов земли сложней, они упрямые.

– Впрочем, вот еще интересная новость – один из народа гор движется сейчас вам навстречу. Хочет с лесным народом говорить. Так что вы уж, товарищи мои зеленые, не ударьте в грязь лицом. С таким союзником уже не надо будет лезть в катакомбы вслепую... Теперь наш план окончательно ясен. Пора. Солнце высоко.

Отшельник резво поднялся и нырнул в кусты. Через минуту из кустов взмыла большая чайка, и с протяжным криком устремилась на юго-восток.

***

Отправив Анатолия и Сергея с металлом в село, отец Василий вышел во двор. Во дворе гномы исполняли особый боевой танец, представляющий собой целую сложную мистерию. Попутно оттачивались удары боевыми топорами. Всем руководил Гришка. Отец Василий только давал свое благословление. Вот сегодня, с самого раннего утра, едва рассвело, благословил всех земляных духов освободить от послушаний. И срочно оттачивать боевую подготовку.

Пора начинать войну с лесными демонами. И затворяться...

О войне он старался не думать. Он ее совсем не представлял себе.

Если в ближайшие дни от ангела не будет указаний, – размышлял отец Василий, наблюдая боевую пляску гномов, – придется тогда во всем на Гришку положиться...

С противным картавым криком промчалась большая белая чайка. Чайки над холмами летали довольно часто. Все-таки море рядом. Но эта чайка отцу Василию почему-то крайне не понравилась. Отец Василий проводил птицу взглядом полным неприязни:

Кричит, как жид в синагоге.

Наглая картавая птица снова появилась из-за холма. И вновь с противнейшим криком пронеслась над ними. Отцу Василию даже показалось, что клюв у чайки изогнут на манер семитского носа, а перья, по бокам головы, сваялись... Ну, один в один жидовские пейсы! Вспомнились слова ангела: «и птицы некоторые здесь на стороне антихриста...»

Жидовская чайка появилась снова. На этот раз высоко в небе. Сделав несколько кругов, чайка полетела в сторону моря. Отец Василий внезапно понял (понимание вторглось в его разум, минуя рассудок, как бы извне), чайка – это знак. Сегодня явятся непрошенные гости.

Отец Василий подозвал гнома Гришку и дал ему указания по поводу гостей: человек пропустить к нему беспрепятственно, лесных же демонов задержать и убить. Но убить только после того, как человеки войдут внутрь катакомб. Если же демоны побегут, то преследовать их всюду.

На мгновение возникла жуткая и одновременно сладостная мысль – приказать убить всех. И концы в воду, кто чего будет искать здесь, в аномальной зоне...

Нет! Нельзя! Сатанинское искушение. Человек создан по Образу Божьему и Подобию. Убить его большой грех. По приказу государя одно дело, а самовольно – грех страшный. Не убить, а убедить надо. К тому же поп не безнадежен.

Отдав указания, отец Василий отправился в катакомбный храм. Надо было помолиться перед встречей. Попросить духовного мира и разума. Попросить грозного царя о молитвенном предстательстве у Престола Господа за него

многогрешного.

Он вошел в холодный пещерный полумрак храма. Встал на колени перед алтарем. Полились привычные слова молитвы. Однако мысли были не здесь. Отец Василий попытался сосредоточить ум на словах молитвы. Но мысли упорно бежали к предстоящему разговору с краснокутовским попом (отец Василий разил попа убедительными доводами), а то и вовсе улетали неизвестно куда.

Молитва не шла. И все же он окончил правило. Истово перекрестился, коснулся лбом холодного каменного пола, снова перекрестился и тут подумал, что надо бы спрятать Антиминс с Чашей...

Ничего он прятать не будет. Он не вор. Он будет свидетельствовать об истинном положении вещей в церкви.

Отец Василий вышел из храма. Но тут же вернулся снова. И взял с алтаря Антиминс.

Припрячу-ка я его в келье. Естественно, не ради того, что б спрятать, а ради более аргументированного разговора с краснокутовским попом.

«Ну, вот и встретились»

Брошенная дорога представляла собой две колеи, выложенные бетонными плитами. Плиты местами отсутствовали, местами были расколоты и торчали отдельными фрагментами из земли. Но, тем не менее, это была первая сносная дорога, после того как мы спустились с холма.

Мы быстро шагали вперед. Капитан рассказывал мне и отцу Ивану краткую историю дороги: мол, бывшая военная трасса на отдаленную и теперь так же брошенную станцию ПВО. Не совсем ясно, каким образом дорога, из мира людей, с такой четкостью отобразилась здесь. Капитан предположил, что, возможно, всему виной мощное излучение, что давала станция ПВО.

Прямо по курсу, далеко за лесом, показались холмы (конечный пункт нашего похода). Холмы были огромны, еще больше чем в Алексеевке; целые горы! На их пепельно-дымчатых склонах виднелись яркие зеленые точки деревьев. Уже по этим точкам можно было представить размер холмов.

– Так какой же все-таки окончательный план? – спросил стражей отец Иван.

– План теперь полностью ясен и очерчен, дерево дало лист, – ответил Белодрев. – Пора вам его поведать.

Белодрев изложил план.

Все самое опасное стражи брали на себя. Нам, человекам, а вместе с нами Пестрому, надо было только войти в катакомбы и забрать у отца Василия церковное имущество. И если все будет идти, как задумано, нам ничего не угрожает. А вот стражи рискуют жизнью. Капитан сказал об этом Белодреву. Белодрев ответил, что главное, это мы, люди, и то, что мы должны сделать – остановить отца Василия. Все остальное неважно. Если они и погибнут под топорами народа гор, то с радостью уйдут на тот Берег. А вот если погибнем мы, все потеряет смысл.

Что ж, нам осталось только поблагодарить наших необычных друзей. Если б не они и Отшельник, то наш поход был бы обречен на полный провал. Пока уточняли детали плана, впереди показалась маленькая фигурка. Она шла нам навстречу.

– Идет, – сказал Клен, – сын гор идет. Его зовут Топ. Он вспомнил свое имя, это хорошо.

– Друзья-человеки, – обратился к нам Белодрев, – встаньте-ка вы аккуратно вот за эти деревья. Что б сразу этого... гнома не смущать. Мы вас позовем.

Мы сошли с дороги и встали за ближайшее дерево. Сильно не скрываясь. Отец Иван предложил присесть. Мы присели, но маскировка у нас все равно была слабой. Зато все было хорошо видно:

Вот небольшой человечек стремительно приближается к стражам. Глядя на человечка, мне хотелось улыбнуться – лилипут с большой головой в ярко красной шапочке, в каком-то нелепом театральном кафтане и сапогах.

– Одет как крепостной лакей при дворе богатого помещика, – заметил отец Иван, – это их отец Василий так одел? Или это их обычная одежда?

Капитан пожал плечами:

– Ничего не могу сказать, сам впервые вижу этот народ. Но предполагаю, что это не их настоящая одежда. Возможно, демон, искусивший отца Василия, так их одел. Мол, образец идеального послушника, с точки зрения демона, конечно.

– Хороши послушники. Нет слов. Сюда бы нашего епископа, что б он сказал...

Человечек по имени Топ подошел к стражам. Сняв свою красную шапочку, он низко им поклонился. Стражи поклонились в ответ. Между ними завязалась беседа. Слова почти не долетали до нас. Но по отдельным гортанным звукам можно было догадаться, что разговор шел на непонятном нам языке.

Говорил в основном Топ. Говорил и все прикладывал руки к груди, как будто извинялся за что-то. А стражи все успокаивали гнома, похлопывали по плечам. Брат даже обнял его. Закончив говорить, Топ попросил напиться воды. Теперь стражи задавали вопросы, и гном им отвечал. Даже сел на корточки и, взяв палочку, стал чертить ей на земле.

– Кажется, план катакомб рисует, – догадался Капитан.

Наконец, стражи стали что-то объяснять Топу и показывать в нашу сторону. Топ понимающе кивал головой.

– Друзья! – крикнул Пестрый, – выходите. Сын земли хочет с вами познакомиться.

Вблизи Топ уже не казался столь умильным и смешным. Несмотря на маленький рост (где-то чуть больше половины обычного человеческого роста), он был необычайно широк и плотен. Во всей его угловатой, будто из камня выточенной фигуре, чувствовалась огромная сила.

Да, пожалуй, они неплохие войны.

– Здра-а-авствуйте, лю-ю-юди! – обратился к нам Топ. И протянул руку.

Слова приветствия он произнес весьма странно. Не просто растягивая гласные, а как бы выворачивая все слово наизнанку и разделяя на отдельные фрагменты. И уже эти фрагменты соединяя гортанными гласными.

Вслед за Капитаном я пожал руку Топу. Ладонь была словно каменная. Маленькие глазки гнома цепко, но дружелюбно, смотрели на меня. Сразу ниже глаз начиналась чуть рыжеватая растительность, переходящая в ухоженную бороду почти до пояса. Лицо Топы сияло.

Наверное, все вспомнил – подумал я.

– Да, главное он вспомнил, – сказал Белодрев, – все, как и предполагал Серебряный. Так что наш план полностью сходится.

– Что сходится? – спросил Капитан.

– Топ вспомнил, куда они шли, до того, как стали рабами Василия, – сказал Клен. – А вот откуда шли, вспомнил пока очень плохо... Сплошная пелена тумана. Какие-то большие горы. Им стало там трудно и непонятно жить. Тогда два десятка самых выносливых и сильных представителя их народа отправились в поход, сюда. Здесь, вблизи Истока, почти на берегу моря, есть у них священная пещера. Так что Серебряный был прав: пещера есть! Именно в нее-то мы и должны, друзья-человеки, заманить детей гор. В пещере, как верно увидел Серебряный, один из святых камней этого народа, очень важный камень и большой. Это Раха-а-халд. Путешественники

должны были добраться до этого Раха-а-халда и понять, как им быть дальше...

Раздалось частое и сухое покашливание. Это кашлял Топ и при этом быстро кивал головой.

– Наш друг Топ выражает согласие, – пояснил Белодрев. Топ перестал кашлять и сказал глухим голосом:

– Надара.

– Благодарить будешь потом, друг Топ, когда с братьями войдешь в священную пещеру, – сказал Клен и улыбнулся. – А сейчас слушайте дальше. В конце пути путешественники повздорили. У них закончились драгоценные металлы и камни. А значит, стало плохо с едой. Один из его народа, оказался очень порченным. Он стал мутить воду среди путешественников. Он говорил, что нет никакой святой пещеры. Это все сказки древних. Кончилось тем, что он сбил всех с пути. Вместо юга, они пошли на север. Дошли до брошенной вашим народом военной станции, там и попали под чары демона. А гном, что мутит воду теперь старший. Василий дал ему имя Гришка.

Клен замолчал. Несколько секунд стояла всепонимающая тишина.

– А камни и металл они, что, на еду меняют? – нарушил тишину Капитан.

– Совершенно верно, – подтвердил Клен. – Сбывают свои дары серым. Серые обожают все блестящее. Ну, а серые им дают еду.

– Дают еду? – удивился я. – Что-то когда их котлован проходили, я еды не заметил. Где ж они ее берут?

– У вас.

– Воруют?

– Не совсем. Серые очень хорошо к вам приспособились. Это... это как ваши кошки. Да, точно. Кошки. Только невидимые для вас, и более умные. Поэтому много ваших вещей как бы отражается в их мире. Ну, вот как эта дорога, по которой мы идем.

– Удивительно, – задумчиво сказал отец Иван, – как чудно все устроено... да, Клен, продолжай.

– И так же отражается ваша еда. Серые делают даже запасы в своих норах. Что же касается тех несчастных, в котловане, их, скорее всего, кормят пришельцы с кургана. Плесенью.

– Чем?! – воскликнули Капитан и отец Иван почти одновременно.

– Особая питательная плесень, – невозмутимо ответил Клен. – Темные ее выращивают прямо в кургане. Она и голод утоляет и дает нечто вроде темного забвения. И опьянения.

– Ясно, – сказал я, – нечто вроде грибочков. Понятно теперь, чего они такие безумные были.

– Друзья, – воскликнул Брат, – может, это, поедим перед главным делом?

Есть нам не сильно хотелось. Впрочем, подкрепиться не мешало бы все равно. Бог весть, когда теперь покушаем. Но я так понял, предложение поесть было сделано больше для Топы. Вот почему Белодрев сразу согласился.

И действительно, гном был весьма голоден. Покончив с трапезой, Топ отказался от воды стражей. Порывшись в своем дорожном мешке, он извлек самую обыкновенную литровую бутылку пива марки «Рогань Традиционное Монастырское». Я глазам своим не поверил.

– Авве Ва-а-асилие не бла-а-гословляет, – сказал он нам. – Но те-е-еперь можно. Те-е-еперь я другой.

Топ достал большую деревянную кружку и вылил в нее пиво.

В небе показалась большая белая чайка. Она сделала над нами круг и с тревожным криком умчалась в юго-восточном направлении.

– Отшельник торопит, – сказал Белодрев, – время удобное. Все рабы Василия на улице. Готовятся к войне. Идемте. План катакомб объясним на ходу.

Топ несколькими огромными глотками покончил с пивом. И бодро, почти не выворачивая слова, сказал:

– Я готов.

Через час достигли границы Брошенного леса. Мертвый Пастух так и сидел на том же месте и в той же позе под деревом – да, это был именно тот зловещий пастух овец, с которым нам довелось встретиться при выходе с Черноморки. Именно тот.

Стражи пропели над ним короткую и печальную песнь, а отец Иван прочитал такую же краткую заупокойную молитву. Я поймал себя на мысли, что мертвый Пастух выглядит даже лучше, чем живой. Как не кощунственно это звучит. Но мертвые стеклянные глаза все же не так страшны, чем глаза полные запредельной потусторонней ненависти.

– Какая тяжелая здесь атмосфера, – сказал отец Иван.

Мы покинули мертвого Пастуха и ускоренным шагом двинулись дальше. Брошенный лес остался позади. Теперь нас обступали со всех сторон огромные, словно горы, холмы. Дорога то петляла между ними, то взбиралась на их плоские желтовато-белые песчаные вершины.

Вскоре показалась оставленная воинская часть. Правильней, наверное, сказать – позиция. До части несколько призрачных одноэтажных домов с покосившимися мачтами антенн, на вершине громадного отдельно стоящего холма, не дотягивали. Дома были длинные, как бараки в Черноморке и частично обрушенные. Пыльная серая дымка витала над ними. Брошенная позиция напоминала мираж, готовый вот-вот растаять. Мы остановились.

– Пора, – сказал Пестрый.

Капитан повернулся к отцу Ивану:

– Батюшка, благословите, – тихо попросил он.

Отец Иван благословил и обнял его:

– Друг, Николай, ты мне прямо как родной стал. Господи, только бы все получилось у нас. Я так переживаю.

– Все мы переживаем, – сказал Клен поразительно спокойным голосом, – не переживайте, все будет хорошо.

– Верно, – подхватил Пестрый, – все будет хорошо... Веди нас, Топ.

Гном важно кивнул головой и двинулся в сторону оставленной позиции. Следом за ним Пестрый и Капитан. Топ должен был провести их к тайному лазу в катакомбы. По той самой тропинке, по которой уходил от отца Василия сам. Лезть обратно в катакомбы Топ наотрез отказался. Боюсь стать прежним – заявил он нам. Так что Капитану и Пестрому оставалось в одиночку обшарить логово отца Василия. Взять церковные ценности и выдвигаться к главной келье, «игуменской».

А мне и отцу Ивану предстояла беседа с «игуменом», в этой самой келье. Если, конечно, нас не прибудут раньше его рабы. Хочется верить стражам, но, увы, страх сильнее.

– Идемте, – сказал Белодрев, – осталось совсем немного.

– Вы, – обратился Белодрев к отцу Ивану и ко мне, – идите теперь чуть вперед. Мы немного отстанем, чтобы в случае чего успеть спрятаться. А вы смело шагайте, говорите им, что к Василию идете. Они вас не тронут. Не бойтесь. Мы читаем мысли Василия, что звучат в их головах.

Я и отец Иван тяжело вздохнули и двинулись быстрым шагом вперед. Дорога несколько раз круто повернула, а потом мы услышали голоса. Грубые гортанные голоса, выкрикивающие, кажется, какую-то команду. Что-то вроде «аза-аб-дуб». И снова все мое нутро похолодело от страха. Отец Иван выглядел не лучше. Но шаг мы не сбавляли.

Дорога вывела нас на небольшую поляну перед высоким конусообразным холмом,

со срезанной вершиной. Именно отсюда и раздавались голоса. С десяток, если не больше, родственников Топа носились по поляне и махали устрашающими огромными топорами. Со стороны все их движения напоминали причудливый, сложный танец... если б только не зловещие топоры.

Из толпы «танцующих» отделился один гном. Выставив вперед топор, он двинулся прямо на нас. У меня сердце ушло в пятки. Не доходя до нас несколько шагов, гном остановился и прокричал:

– Ни ша-а-агу вперед, слу-у-ги анти-и-христа!

Мы остолбенели. Тут появился другой гном, толстый и важный, с густой черной бородой. Он оттолкнул кричавшего гнома в сторону и обратился к нам, почти не выворачивая слова:

– А-авве Василие ждет вас. Идите прямо. Видите вход? Идете туда. В мона-а-астырь. Будет стена. Нажмете на рыбку, войде-е-те в коридор, нитки-веники. Потом пря-я-мо по коридору. Будет лестница. Идите по ней наверх. И та-ам увидите.

И гном даже нам поклонился. Я обратил внимание, что гном без топора, зато на груди у него болтается та самая «рыбка», а рукава и полы кафтана прошиты золотыми нитками и украшены блестящими самоцветами.

Гришка, – догадался я, – старший гном.

Мы неспешно двинулись вперед. Остальные гномы (а они перестали махать топорами, как только заговорил с нами Гришка) кланялись нам и как заведенные повторяли:

– Простите нам наше несмирение. Простите нам наше несмирение...

От этой картины было и смешно и страшно одновременно.

Мы миновали несколько ступенек, высеченных в камне, и уже почти вошли в катакомбы, как на нашем пути оказался невысокий, чуть полноватый человек, лет 30-35. У него было круглое, бледное лицо и жидковатая, но длинная борода. Человек был в черном подряснике. Увидев нас, он широко улыбнулся и дружелюбно взмахнул руками:

– Ну, вот и встретились, – сказал он.

Матрица

– Идемте ко мне в келью, что стоять-то, – продолжил полнолицый человек с самой теплой нотой в голосе и сделал нам пригласительный жест.

Мы оказались в длинном полутемном коридоре. Где-то впереди тускло горела электрическая лампочка, словно маяк.

Внезапно я понял, откуда взялись все эти катакомбы:

Это же так просто – если на вершине холма стояла станция ПВО, что просвечивала своими радарными далекий турецкий берег; то здесь, под холмом, у военных были подземные коммуникации. Их-то и занял отец Василий...

Дойдя до конца коридора, мы уперлись в стену. На стене, прямо над нами, висела большая икона, изображающая Страшный Суд. Под иконой была нарисована «рыбка» (точно такая же, как в ограбленной краснокутовской церкви). Свет единственной электрической лампочки падал прямо на икону и на «рыбку». Встав под икону, напротив «рыбки», полнолицый человек надавил руками на стену. Ровный квадратный кусок стены, размерами с небольшую дверь, плавно и бесшумно поехал вглубь.

– Умеют же делать, земляные черти, – небрежно бросил нам человек в черном подряснике.

Вошли в следующий коридор, освещенный уже гораздо лучше. Полнолицый толкнул дверь: толстая каменная плита послушно поехала назад и с легким костяным

стуком встала на место. Теперь сзади нас была сплошная стена.

Да, явно не военные делали, – подумал я, – работа гномов. Кого ж еще? С такими дверьми можно держать любую оборону...

– Добро пожаловать в катакомбный монастырь во имя Апостола и евангелиста Иоанна Богослова, – торжественно сообщил нам полнолицый человек и пригласил жестом следовать дальше, по коридору.

Первые метров тридцать коридор был сплошным и напоминал не столько «монастырь», сколько тоннель метро. Над нашими головами, по левой стене, змеился черный кабель, а в лицо нам еле заметно дышал теплый подземный ветер, пахнущий чем-то техническим, кажется соляжкой. Наконец, справа от нас показался большой проем. За проемом виднелась просторная пещера с каменными скамейками. Пещеру освещал тусклый, непонятно откуда струящийся полусвет.

– Это у нас Царская Палата, – гордо сказал нам наш провожатый.

Шагов через десять, с другой стороны коридора, нам открылся еще один проем. За ним также находилась пещера. Но в ней все утопало во мраке.

– А тут у нас трапезная.

Нам как будто проводили экскурсию. Отец Иван даже хмыкнул, но ничего не сказал. Дошли до винтовой лестницы. Коридор уходил дальше и терялся во мраке. В глубине коридора одиноко горела единственная лампочка. Но она не могла развеять тьму.

– Там у нас кельи для... в общем, хозяйственные постройки, шахта, генератор, все системы жизнеобеспечения, – сказал полнолицый...

Все верно, все, как Топ рассказывал. Только про кельи для гномов наш провожатый постеснялся сказать, оно понятно – нелюдь...

– Монастырь может быть полностью автономным, – продолжал полнолицый, – мы тут как никак целую зиму перезимовали... Прошу.

Поднялись по винтовой лестнице наверх. Здесь тоже шел коридор, но только в одну сторону, и в нем было гораздо больше света.

– Тут у нас кельи для людей, – сообщил нам наш провожатый.

Дойдя до конца коридора, мы поднялись еще по одной короткой лестнице и буквально уперлись в узкий проход в стене.

– Узок путь в Царство Небесное, – прокряхтел полнолицый, протискиваясь в проход. Следом вошли мы. И оказались в небольшой, но уютной комнате – келье.

Келья представляла собой пещерку, освещенную приятным, немного рассеянным дневным светом. Свет падал непонятно откуда (не было ни окон, ни каких-либо отверстий); казалось, свет просачивается прямо сквозь стены.

В келье стоял топчан, стол; был даже компьютер и роскошная настольная лампа с зеленым абажуром. Сразу за столом возвышался деревянный иконостас. У основания иконостаса я увидел небольшую полку. Полку «украшали» две «рыбки».

...Интересно, владеет ли сам отец Василий этим оружием?..

На столе лежала толстая распечатка каких-то материалов. Прежде чем полнолицый убрал их со стола, я успел прочесть одно заглавие:

Святая опричнина в России (Россию преобразят короткие, но эффективные репрессии).

– Присаживайтесь, – предложил нам наш провожатый, указывая рукой на топчан.

Мы сели и тут снаружи до нас донеслись отдаленные крики гномов:

– Демоны, демоны, аза-а-дуб, аза-а-дуб, демоны...

Мы напряженно замерли. Человек в черном подряснике застыл, облокотившись рукою об стол. Через минуту крики стихли. Человек в подряснике вздохнул, опустил на стул напротив нас:

– Испытания, испытания, – тихо сказал он и обратился к отцу Ивану, – а я Вас давно жду. Вы, надо полагать, новый краснокутовский священник, отец Иван?

– Надо же, – ответил батюшка, – даже имя мое известно. А Вы, стало быть, отец Василий?

– Да, это я, – согласился полнолицый и тяжело вздохнул, – полагаю, у вас ко мне есть вопросы?.. Как видите, я не прячусь. Это я дал команду вас пропустить.

– Вопрос у нас один, – сказал отец Иван, – даже не вопрос, а законное требование... Отец Василий, отдайте то, что Вы взяли в церкви. А еще лучше, возвращайтесь в церковь сами.

– Отец Иван, разве Вы не видите, что творится в церкви? Что творится?!

– Не понимаю...

– Прошу меня выслушать, – перебил отец Василий, – тогда вам будет понятно все...

Он говорил, наверное, с полчаса. Начал тихим, умирающим голосом, но под конец распалил сам себя чуть ли не до крика. На его бледных полных щеках постепенно проступал матовый румянец.

Проповедником он оказался неплохим, но многое им сказанное было ожидаемым. Впрочем, некоторые моменты были мне интересны, как бывшему «борцу с антихристом».

Отец Василий начал с того, что привел пророческие слова какого-то прозорливого старца Рафаила о том, что в последние времена церковь будет как блудница, сидящая на звере, – это будет уже антихристова церковь, а настоящая Церковь Христова уйдет в катакомбы.

После этого на нашу голову хлынул целый поток пророчеств известных и не очень святых. Все эти пророчества, так или иначе, были каким-то образом связаны с катакомбами, в которых мы сейчас сидим. Создавалось ощущение, что бегство иеромонаха в пещеры – это предсказанный еще Апокалипсисом Иоанна Богослова уход Истинной Церкви в пустыню.

В бой пошла тяжелая артиллерия. Отец Василий выдержал театральную паузу и торжественно сообщил:

– Время ухода Церкви в катакомбы настало. Официальная патриархия окончательно предалась антихристовому духу. В ее храмы, по пророчеству Лаврентия Черниговского⁹, ходить уже никак нельзя. Ибо соль потеряла силу. Об экуменических шабашах и культе мамоны даже не говорится. Это все знают. Полное презрение князей церкви, епископов и митрополитов к своим же братьям во Христе. Вот что страшно. С еретиками и жидами лобызаются, а своих сторонят.

– Разве Вы, батюшка, не знаете этого? – обратился к отцу Ивану иеромонах. – Где братская любовь между нашим епископом и нами, простыми священниками и монахами? Где?! Нет ее! Вместо нее тягостное антихристово время, бремена неудобноносимые, фарисейские, как в Евангелие. Вот Вас, не считаясь с Вашей семьей, владыка кинул в эту дыру. И пропадите Вы здесь пропадом, епископа это не волнует! Пропадете, другого пошлют. Что с того, что семья ваша нуждается!

Отец Иван пошевелился, иеромонах попал в его «болеву точку»:

– Допустим, соглашусь с Вами по поводу архиерея. Допустим... Но не соглашусь с Вашими поступками. Ответьте мне, и не надо пророчествами прикрываться; зачем Вы ограбили собственную церковь, бежали в эти катакомбы, натворили тут дел. Зачем?!

– Зачем! – вскочил отец Василий (на его щеках уже во всю играл матовый румянец, а

---

⁹ Преподобный Лаврентий Черниговский – (1868 – 1950 г.), схиархимандрит Черниговского Троицкого монастыря. 22 августа 1993 года Освященным Архиерейским Собором Украинской Православной Церкви Московского Патриархата схиархимандрит Лаврентий Черниговский (Проскура Лука Евсеевич, 1868 -1950), был причислен к лику святых в чине преподобного.

округлое лицо как бы натянулось, приобрело волевою решимостью), – хорошо, раз Вас пророчества и знамения не убеждают, я скажу самое главное...

И отец Василий заговорил о страшном жидовском иге над Русью Святой. Иге, предсказанном еще святым прозорливцем Авелем¹⁰.

– ...Гуманизм, экуменизм, дряблкое непротивленчество – вот оковы жидовского ига! Но близко освобождение! Через две недели грядут знамения гнева Божьего, невиданные природные катаклизмы. Власть на Руси Святой и здесь, на этих землях на краткое время полностью станет сатанинской. Начнутся лютые гонения на истинных христиан. Бесы примут облик человеческий, придя в наш мир вот через такие капища, как здешняя Брама. А еще через полгода придет избавление. Грозный царь, посланный самим Господом, высадится прямо на эти земли. Отсюда начнется победоносный поход на Москву...

В этом месте я не удержался и спросил иеромонаха об источнике таких странных пророчеств.

– Откуда такие данные! – воскликнул отец Василий, и, не сбавляя темпа, принялся рассказывать, как ему недостойному явился ангел последних времен. И как привел его в эти катакомбы. И как знак того, что власть его от Господа, ангел дал ему в послушники земляных духов, нелюдь, или гномов. И сказал, что Господь намерен сотворить из гномов новых детей Авраама. Лучших воинов грозного царя. В посрамление нам, православным христианам. За то, что мы не боремся с жидовским игом. Только в Интернете друг с другом грыземся, одна болтовня...

– ... Все больны интеллигентщиной, диссидентщиной, растлены гуманизмом! – вещал отец Василий. – Вот земляные и научат всех этих так называемых монархистов, лже-опричников: как беспощадно разить экуменистов и прочих божьих врагов! Царь грядет, братья!!! – пронзительно прокричал отец Василий и, протянув нам правую руку как бы для приветствия, продолжил:

– Присоединяйтесь! Присоединяйтесь ко мне! Вместе пересидим бедствия в катакомбах. Встретим царя. И будем вместе с государем жидовствующих собак в Москве-реке топить! Вот веселье-то будет! Очистим Святую Русь от жидов. И будем радоваться вместе с государем! И будут колокола звонить по всей Руси. И не будет больше проклятых жидов-олигархов и этой дьявольской демократии. И не будут нас спаивать и уничтожать! И мы станем братьями друг другу! И сестры наши в нарядных платьях...

Иеромонах остановился, видимо, живо переживая только что сказанное. И тут раздался голос Николая (мы и не заметили, как он вошел):

– Отец Василий, Вы что? – он смотрел на иеромонаха широко открытыми глазами, и в глазах был ужас. – Ведь это сатанизм чистой воды, то, что Вы сейчас говорили. Как же можно веселиться, убивая?! Как?! Даже если они и негодяи. Даже если они враги!

Отец Василий какое-то время разглядывал Капитана, как бы припоминая: кто это?

– А, Николай из Браммы, – сказал он с недоброй улыбкой на лице, – как же я забыл... провожатый... Зря вы ему доверились. Это же местный бесноватый. Одержимый, человек с двойным дном! С виду хлипкий интеллигентик, а на деле: страшный оккультист! С демонами общается, хочет их в наш мир привести. Не общайтесь с ним!

– Нашли? – обратился отец Иван к Николаю.

---

¹⁰ Монах Авель (в миру Василий Васильев; 18 марта 1757, Акулово, Алексинский уезд, Тульская губерния — 29 ноября 1841, Суздаль, Владимирская губерния) — монах-предсказатель. В приписываемых Авелю сочинениях приводится ряд предсказаний: свержение монархии в России, обе мировые войны, Гражданская война в России и т. д.

– Да, все нашли. И Чашу... Кроме... кроме главного, этого.

– Антиминса?

– Да.

Отец Иван повернулся в сторону отца Василия:

– Спектакль окончен, – сказал он. – Отдайте Антиминс. И разойдемся.

– Вот как, – иеромонах скрипнул зубами. – Так ты, батюшка, так ничего и не понял. Я поражаюсь! Я поражаюсь твоей духовной слепоте! Через две недели бедствия, гнев Божий!

– Отдай Антиминс!

– Вот заладил... Святыне не лежать на престоле антихристовом. А у тебя и твоих спутников пути назад нет. Либо встаете со мной под знамена царя, либо... вас всех, как плевели... сами понимаете. Скоро вернуться мои гномы.

– Они не вернуться, – сказал Капитан. – Они уже далеко. Их ведут в надежное место...

– Тебе почем знать, бесовское отродье?! Впрочем, догадываюсь... проклятые лесные демоны... Как же я не сообразил? Надо было часть нелюди оставить здесь, под началом Фильки.

– Отдай Антиминс, – повторил отец Иван более мягким голосом. – Отец Василий не сходи с ума. Я понимаю, аномальная зона, бесовское прельщение, с каждым может быть. Господь тебя любит...

– Хватит!!! – внезапно провизжал отец Василий и ударил рукой по столу. Его полное лицо перекошилось от злобы. Матовый румянец на щеках пошел темно-багровыми пятнами.

Неужели демон-искуситель вернулся, – подумал я, – неужели они прорвали завесу!

Словно подтверждая мои мысли, отец Василий посмотрел куда-то вверх и влево. Глаза у него потемнели и как-то неестественно округлились:

– Последний раз спрашиваю, – спросил он нас дрожащим от ярости голосом, – намерены ли вы отрястись от праха жидовского и встать под знамена царя, а?!

– Отдай Антиминс, – снова повторил отец Иван.

– Да свершиться суд Божий, по молитвам грозного царя! – страшно прокричал отец Василий и кинулся к Иконостасу. В руках у него оказалась «рыбка».

Отец Иван среагировал мгновенно. Быстрым ударом ноги он выбил «рыбку». Плоский вытянутый диск с глухим стуком упал на пол. Внутри диска задрезбужало, как будто что-то сломалось.

Отец Иван обхватил отца Василия за шею и повалил на топчан, лицом вниз. Упершись коленом в спину иеромонаху, он схватил двумя руками его ногу и стал тянуть к своему колену. Я вспомнил, что когда-то в юности будущий батюшка занимался самбо; и то, что он сейчас делает – это классический болевой прием, словно с учебника списанный.

– Будь ты проклят, поп антихристов! – хрипел отец Василий.

– Отдай Антиминс! Ногу выкручу!

– Жидовское отродье, не получишь... ой, больно! Что ты делаешь?

– Отдай Антиминс!

– Не отдам! Ой! Ногу ломаешь, сатана!... Будь ты... Ой! Больно! Под подушкой! Возьми!

Не отпуская ногу отца Василия, отец Иван быстро просунул руку под подушку и вытащил оттуда свернутый Антиминс.

– Ну вот, так гораздо лучше, – сказал он и отпустил ногу отца Василия.

Иеромонах остался лежать на топчане без движений. Появился Пестрый. Вид у него был встревоженный:

– Друзья, что происходит? Крики, шум! Как ураган. Я был внизу. Тут почувствовал

присутствие духа с кургана. Короткое, но сильное... как черный ветер. Пока сюда бежал, дух исчез. Как что-то спугнуло.

Взгляд Пестрого упал на валяющийся на полу диск:

– О, дастардар-у..., оружие народа гор.

Пестрый протиснулся в келью и поднял с пола «рыбку»:

– Ого, эта штука заряжена. Если уметь ей пользоваться, всех нас легко можно перебить.

– Кто здесь? – спросил отец Василий, не отрывая лица от подушки.

– Не переживайте, – сказал Капитан, – это... это... страж. Благое существо. Хотя Вы и повинны в крови этого народа, который, кстати, не сделал ничего плохого Вам. Но Вас искусил демон. Мы понимаем.

– Демон, – повторил отец Василий, по-прежнему не отрывая лица от подушки. – Да, конечно, демон. Несложно догадаться, раз Николай из Браммы здесь, то и демон где-то рядом.

– Что ж, поделом мне. Наказуя наказуеши мя Господи. Я оказался недостойным. Я приму наказание... Нет, Господи, я не могу сейчас умереть! Будь ко мне милосердным! Я должен увидеть царя!.. Глупец, малодушный глупец. Что эта брэнная жизнь по сравнению с Вечностью...

– Отец Иван, ты ему ничего не повредил? – спросил я. – Кажется, он бредит.

– Упаси Господи! Я же аккуратно. Только ногу, обычный болевой прием.

Пестрый склонился над лежащим отцом Василием:

– Неужели я его так напугал?... Или так тяжка утрата того, во что верил?

Пестрый положил руку на плечо лежащего иеромонаха:

– Послушай, человек, я не собираюсь тебя мучить или убивать. Ты поступил плохо. Но я не сужу тебя. Ты был сам не свой, под чарами пришельцев.

Отец Василий оторвал лицо от подушки. Посмотрел отсутствующим взглядом на Пестрого, потом оглядел всех нас.

– Матрица, – тихо сказал он, – да, да, матрица. Фильм такой... был. И у меня было такое ощущение, что все вот так произойдет... Вы все явитесь. Да, явитесь. В Матрице... Поэтому, поэтому вас нет. Я сплю...

Отец Василий уронил лицо в подушку:

– Я сплю, – повторил он, – сплю. А когда проснусь, все будет, как и должно быть. Я увижу свою прежнюю келью. И отец Феррапонт...

Отец Василий пробормотал что-то совсем неразборчивое и, кажется, заснул.

– Матри-у-ца, – повторил Пестрый и аккуратно положил руку иеромонаху на затылок. – Пусть будет Матри-у-ца. Сон. Отдых. Спи.

Пестрый тихо запел. Через пять минут отец Василий спал глубоким сном.

Исток

Все шло отлично. Немного, правда, рисковали, пока бежали по открытой местности – холмы защищали мало. Особенно непросто пришлось возле холма с брошенным человеческим поселением. Здесь дорога была прямой, без поворотов. Их счастье, что никто из гномов не догадался применить «рыбку». Цепкий глаз Клена сразу заметил, что «рыбки» были у Гришки и еще двух его соплеменников.

Достигнув Брошенного леса, стражи с облегчением вздохнули. Здесь они в своей среде. Боялись только, что гномы вдруг повернут обратно. Но нет, четко, как человеческие машины, они исполняли приказ «игумена»: «догнать и убить!»

Со страшным треском дети гор вломились в заросли Брошенного леса. Стражи повели их на юг, в сторону моря. Вели голосами, поэтому шумели, как только могли.

Гномы следовали по пятам, не отступая. Через полчаса показались небольшие, круглые холмы, похожие на причудливые походные шатры. Они миновали огромный ствол поваленного дерева, виденный Серебряным в тонком сне. Священная пещера была совсем рядом.

Вот и поляна, а на ней отдельно стоящий холм, чем-то напоминающий гигантский гриб, со съехавшей шляпой. Священная пещера здесь. Остается найти вход, тщательно спрятаться и обманными голосами заманить гномов в пещеру (самая трудная часть плана).

Вход должен быть с восточной стороны. Там, где «шляпа» холма резко задрана вверх – ровная каменная стена и в ней вход в пещеру.

Они обогнули холм, и тут Клен закричал:

– Вход, вход завалили!

В отчаянье стражи кинулись разбирать завал руками. Завал был свежий, сделанный наспех, – ветки, небольшие стволы деревьев, песок. Все это можно легко раскидать, при наличии времени, но его-то как раз и не было. На поляне уже показались гномы.

– Отступаем в лес, – сказал Белодрев, – быстрее!

Он и Клен кинулись под деревья. Остался Брат.

– Брат, отступай! – крикнул Клен.

– Ведите их вокруг холма, – Брат распрямился, показывая рукой куда вести, – я успею разо...

Он не договорил. В воздухе что-то низко прогудело, как будто пролетел огромный шмель. Брата резко качнуло, словно молодое дерево при сильном порыве ветра. В районе груди, наискосок, прочертилась черная полоса, вспыхнула багровым пламенем. Брат упал разорванный почти пополам.

Из-за дерева показался Гришка с «рыбкой» в губах. Клен с Белодревым метнули в него свои золотистые шарики. Выронив «рыбку» Гришка замахал руками и свалился, лишившись чувств. Второй гном поднес к губам «рыбку». На его голову стремительно обрушилась большая белая чайка. Чайка возникла будто из ниоткуда. Гном отчаянно замахал руками, прогоняя птицу и потерял свою «рыбку». Белая чайка метнулась в кусты.

Оставшиеся гномы подняли боевые топоры, готовясь к атаке. Дальше произошло нечто невероятное; гномы на мгновение замерли, развернулись и кинулись обратно, подхватив Гришку.

Белодрев и Клен бросились к убитому стражу. Брат лежал неестественно вытянувшись, разорванная плоть еще дымилась. Белодрев нагнулся и прикрыл ему глаза:

– Да будет благословенным для тебя путь на другой Берег.

Из-за кустов показался взволнованный Отшельник:

– Опять убийство! – воскликнул он, – проклятые «рыбки»... Я предупреждал, что они опасны.

Белодрев и Клен почти не видели и не слышали Отшельника, они пели грустную песню над убитым Братом.

– Друзья, – настойчиво перебил их Отшельник, – не время петь песни. Брат молод, его душа еще не успела прикипеть к этой земле. Она легко найдет дорогу на Другой Берег. А мы, если будем распевать здесь песни, потеряем остальных, в том числе человек.

При слове «человеки» стражи вскочили.

– Почему они повернули? – тревожно спросил Клен Отшельника.

– Разве вы не почувствовали присутствие пришельца с кургана? – вопросом на вопрос ответил Отшельник.

Стражи отрицательно помотали головой.

– Дух был здесь, – продолжил Отшельник, – видимо, смог пройти завесу. Очень сильный дух, наверное начальник всех пришельцев с кургана. К счастью завеса сильно ослабила его силы. Однако их ему хватило, чтоб перестроить мысли рабов Василия. Он внушил им срочно возвращаться.

– Опередите их! Они тащат Гришку, значит, движутся медленней. Попробуйте их еще раз заманить к пещере. Я найду Топа, видимо, сын гор заблудился в лесу. Топ разберет завал. Если не получится заманить, бегите навстречу Пестрому и человекам. И на Поющую Косу. Я, как отыщу Топа, тоже туда. Попытаюсь попросить помощи на море.

***

Шедший впереди нас Пестрый внезапно остановился. Лицо у него побелело:

– Брат, – прошептал он, – Брат покинул тело. Они убили его. Друзья, беда, надо торопиться... Белодрев говорит, что дети гор движутся в нашу сторону.

У меня опять похолодело под сердцем. Воображение тут же нарисовало картинку бегущих нам навстречу гномов с огромными топорами. Нас рубят «в капусту». И все. Конец. Кто и что будет здесь искать? Миссия окончена.

– Отец Василий спит, но дело его живет, – мрачно пошутил отец Иван.

Пестрый «добавил оптимизма»:

– Бежим! Надо как можно быстрее достичь Брошенного Леса. Если столкнемся с ними здесь, на открытой местности... сами понимаете.

Это мы понимали. Поэтому со всех ног кинулись вслед за Пестрым.

Достигли спасительного леса и бессильно повалились под раскидистую липу, с трудом переводя дух. Мы оказались гораздо слабее гномов и стражей. Пока переводили дух, все время прислушивались – не топчут ли где «духовные дети» отца Василия.

– Тревожная обстановка, – сказал, немного отдышавшись Капитан, – но наш поход движется к концу. И силы тьмы стараются помешать будущему союзу. Хорошо хоть, с отцом Василием обошлось.

– Да, с отцом Василием все, слава Богу, – откликнулся отец Иван. – Я думал, будет гораздо хуже... Пусть лучше поспит. Сон тоже лечит. Там, дай Бог, примет правильное решение. Я сразу к епископу не буду торопиться.

– Батюшка, еще отсюда надо выбраться, – напомнил я. – О гномах забыл?

– Стражи не допустят нашей гибели, – заверил Капитан.

– Да, жалко Брата, такой прекрасный народ гибнет ради нас. Неужели этот союз так важен...

– Друзья, отдохнули? – перебил меня появившийся Пестрый, – он ненадолго отходил в сторону, чтобы мысленно связаться со своими.

– Обходим холмы и идем на юго-восток. К Истоку. Поющая Коса уже рядом.

Со стариковским кряхтением поднялись и двинулись дальше, за Пестрым. Теперь холмы были от нас постоянно по левую руку, лес – по правую. А прямо, уже недалеко, нас ждало безбрежное море.

Море... Я ушел в воспоминания. Вспомнился день прибытия на эти земли. Ранняя весна, голые поля и лесопосадки, стаи чаек, запах моря и вспаханной земли...

Гномы появились внезапно. Выскочили из-за кустов, буквально в тридцати шагах от нас. «Духовных воинов» Василия было, кажется, раза в два меньше, чем мы видели на поляне, перед катакомбами. Однако это служило слабым утешением. Гномы выглядели весьма устрашающе – огромные топоры наперевес, почерневшие лица и маленькие, сверлящие нас глазки, горящие азартом охоты.

Важный рыжебородый гном поднял руку:

– Стоять, бесо-о-поклонники! Покаяние или смерть! – и гном устрашающе взмахнул топором.

Шедший впереди нас Пестрый остановился, так же, как и гном, поднял руку и приложил ее к сердцу:

– Сыны гор, послушайте меня, а потом можете убить. Мы нашли вашу священную пещеру! Вы ведь именно ее искали. Вспомните!

– Вот оно что, – зловеще проговорил рыжебородый, – пе-е-ещера. Да, демон, иска-а-ли, когда были бе-е-сами, язы-ы-чниками. Но те-е-перь мы не бе-е-сы! Мы воины гро-о-зного царя. И вам, де-е-ти сатаны, не вернуть нас обратно! Да, не вернуть! Мы убьем ва-а-с, как вра-а-гов нашего спа-а-асения.

Дальше все напоминало кошмарный сон. Рыжебородый вскинул топор и страшным голосом прокричал:

– Каза-а-дуб!

– Каза-а-дуб! – закричали остальные гномы и кинулись на нас.

Пестрый обратил к нам свое белое, словно из бумаги, лицо:

– Бегите, бегите на юго-восток, к Истоку!

– Но... ты! – крикнул Капитан.

– Обо мне не думайте, – Пестрый ловко увернулся от топора, – бегите!

Я увидел летящего прямо на меня страшного черного гнома, с полуоткрытым оскаленным ртом. Липкая волна ужаса, почти как в Могильниках, сковала мне ноги. Я увидел свою смерть, – не спеша, неотвратимо, словно в замедленном кино, она заносила топор для смертельного удара.

В это же мгновение возле меня возник Белодрев. Он кинул золотистый шарик. Гном резко развернулся, выронил занесенный для удара топор и с криком кинулся в лес.

– На Косу! – сказал Белодрев, – только там наше спасение.

Дальше произошло самое страшное. Кто-то из гномов метнул странно изогнутый топорик, прямо в спину Белодреву. Раздался хруст, словно сломали дерево. Белодрев свалился на землю. Его спина окрасилась кровью.

На поляне появился Клен. Он стал метать золотистые шарики в гномов. Пестрый присоединился к нему. Рой золотистых шариков чем-то напоминал пчелиный. Шарики бешено носились над головами гномов и еле уловимо для уха звенели. Гномы вели себя так, словно на них действительно напал рой диких лесных пчел: они кричали, махали руками, бегали по поляне. Под конец бросив свои боевые топоры, скрылись в лесу.

Пестрый и Клен сразу же кинулись к убитому стражу. Следом мы. Гибель Белодрева, нашего мудрого вожатого, вывела нас из оцепенения.

Белодрев лежал лицом вниз. Капюшон был откинут. Виднелась длинная, совершенно белая прядь волос, такая же белая борода. Лицо погибшего было совершенно спокойным, казалось, он спит. Если б только не страшные сгустки крови, что еще толчками выходили со спины.

Пестрый и Клен жалобно вскрикнули, на своем птичьем наречии; Пестрый упал, обняв Белодрева. Капитан встал на колени и закрыл ладонями лицо:

– Столько жертв, столько нелепых смертей, – сказал он, – все ради нас; неверного, забывчивого человеческого племени – зачем?!

Было безумно жаль нашего доброго Белодрева:

Как же все чудовищно и нелепо... – По моим щекам текли слезы.

Клен повернул к нам свое бескровное вытянутое лицо, обрамленное каштановыми волосами:

– Нет, наши жертвы не напрасны, – сказал он. – Белодрев с нами. Он просит нас во что бы то ни стало достичь Косы и Истока. Во что бы то ни стало! Бежим!

Последнее было сказано вовремя. На поляне появилась вторая группа гномов, что тащила Гришку. Верней, уже не тащила, а вела главного гнома под руки. Гришка медленно приходил в себя. Приходили в себя и первые гномы, что бежали в лес. Они выходили из-за деревьев, подбирали брошенное оружие и становились в один плотный

ряд, направленный на нас.

Мы побежали. Я больше не чувствовал утробный, животный страх за свое существование. Гибель Белодрева как бы переключила чувства на новый уровень. С одной стороны, стало все равно, с другой – появилась ясная уверенность, что мы обязательно достигнем моря и увидим Исток. Только после этого окончится наше пребывание здесь.

Гномы упорно преследовали нас. Поначалу дистанция между нами увеличивалась. Короткие ноги «воинов» отца Василия не могли сравниться с нашими ногами. Но мы, люди, многократно уступали гномам в выносливости.

Дети гор бежали, словно запрограммированные машины, – не сбавляя и не убавляя темп. Мы же, минут через двадцать, если не раньше, начали терять скорость. Темп был потерян, как только холмы по левую сторону от нас окончились. И мы углубились в просторное мелколесье, состоящее преимущественно из низкорослых маслин и густых колючих кустов, которые мы тщательно огибали.

Постепенно кусты исчезли, маслины стали заметно выше и реже. Среди мелколесья все чаще нам встречались маленькие полянки со странной голубой травой, чем-то напоминающей осоку. А в воздухе уже ощутимо пахло морем. До него оставалось совсем немного. Но силы наши были на исходе.

Темп все продолжал падать и гномы нас настигали. Вот уже споткнулся отец Иван, упал, схватившись за сердце. Клен с Пестрым тут же его подхватили, и потащили дальше.

Дорога поползла вверх, на большой холм, за которым начиналось море и Исток. Силы покидали и меня. Я задыхался в самом прямом смысле слова. В какой-то момент показалось, что теряю сознание. Возникло необычное ощущение – я чувствовал, как внутри меня и одновременно в юго-восточной части неба разгорается яркий свет. И сразу стало хорошо и спокойно. Откуда-то издалека прилетел голос Клена:

– Друзья-человеки, еще чуть-чуть! Ворота благословленной земли!

Меня схватили за ногу. Хватка была железной. Я обернулся – гном с солидной черной бородой (возможно, тот самый, что летел на меня с топором) пытался стащить меня вниз. Но его лицо уже не выражало такой фанатично-воинственной уверенности, как там, на поляне. В лице была растерянность. Гном был без топора.

Рядом со мной другой гном – он также был без топора – пытался стащить отца Ивана. А Капитан тянул батюшку за руку вверх, на гребень холма, – до вершины холма оставалось совсем чуть-чуть. Ниже Пестрый и Клен барахтались в пыли, пытаясь не пустить к нам остальных воинов Василия. Все это продолжалось несколько драматичных минут. А затем...

Невыразимо прекрасный голос прилетел к нам со стороны моря. И произошло чудо – гномы попадали на землю и замерли. Упал на землю и чернобородый, отпустив мою ногу.

Голос был женский, он пел. Он пел как бы на одной ноте, и в тоже время это была целая симфония. И даже песни стражей, слышанные нами во время ужина на Холме, блекли по сравнению с этим пением. Голос звучал как чистый свет, ниспадающий с Небес на землю. Мне казалось, что я теряю сознание от блаженства, от счастья, от полноты ощущений.

Неведомая мягкая сила подняла меня и повлекла на вершину холма. И еще дальше и выше. Я погрузился в теплую морскую волну, и эта волна одновременно была светом – пронзительно синим, с легким, струящимся серебристым оттенком. Волна убаюкивала и качала, словно на материнских коленях. Белые барашки волн вокруг меня расцветали большими дивными цветами. И мелодично звенели, как иллиунурии на Холме.

А голос все продолжал петь. К нему присоединились еще несколько голосов. Уже можно было определить направление, откуда шло пение. Я посмотрел в ту сторону и

увидел узкую полоску земли, а на ней – огромные цветущие деревья.

Поющая Коса!

Коса извивалась и уходила к самому горизонту. Впрочем, горизонта, как такового, здесь не было. А было нечто другое, трудно поддающееся описанию. Синее, лучезарное море простиралось от меня вдаль и одновременно вверх. И там, где должна быть линия горизонта, я увидел Облако, состоящее из чистого света. Все точки пространства смыкались в этом Облаке. Именно из Облака и ниспадал на землю свет.

Я понял, что увидел Исток. Но это еще было не все. Поющие голоса усилились, взмыли в непостижимые высоты, им в ответ из глубины моря раздался чистый, низкий, как бы трубный звук. И также устремился ввысь.

В этот момент я увидел Горы. Они были огромными, неописуемо величественными, как бы из чистого хрустала. Они возникли прямо в воздухе; и сияющее чистым светом Облако окутывало их подножие.

Я уже знал, что это и есть Другой Берег, Рай-у, как говорил Пестрый, Небесная Страна....

Через мгновение Горы сокрылись, Облако стало меньше и дальше. И только невыразимо прекрасный хор все продолжал петь мне о Рае. А со стороны Поющей Косы плавно скользила небольшая белая ладья.

Вместо эпилога

– Дима, Дима, пробудись, солнце садится. – Капитан трясет меня за плечо.

Медленно открываю глаза... Лесопосадка. Самая обыкновенная лесопосадка. Рядом со мной зевает отец Иван. Капитан возвышается над нами.

– А где ладья? – спрашиваю я. – Неужели, все?

– Да, мы вернулись, – говорит Капитан, – все хорошо.

Закрываю глаза. Передо мною лучезарные Небесные Горы. И белая ладья. В ладье высокая, прекрасная женщина, вся в белом. Это Игуменья. Она улыбается мне и протягивает свою светло-коричневую руку. От руки пахнет кипарисом.

Вот я уже в ладье, сажусь рядом с Капитаном и отцом Иваном. Изумленно трогаю свою одежду – она сухая...

Помню все в мельчайших подробностях. Может, теперь сплю? Нет, и здесь все предельно реально.

Опять закрываю глаза и оказываюсь там, где только что был.

...Ладья пристает к берегу. На берегу нас ждет Серебряный, вместе с Кленом и Пестрым. Все в торжественных белых одеяниях. Только Пестрый с Кленом выглядят смертельно уставшими. Серебряный весело хлопает в ладоши:

– Друзья, вы дошли, это главное! Теперь наш союз состоится!

– Но не будем торопить события, – говорит Игуменья, – на все воля Кон-Аз-у... А пока мы отвезем вас к вашему дому...

Мы сели в ладью. И ладья поплыла на запад. Ладья плыла, почти не касаясь волн, как будто летела. И вот я заснул по-настоящему. А проснулся...

– Николай, где мы?

– Мы? В лесопосадке. Недалеко от Брамь.

– Возле перестроечных плакатов? – уточняет отец Иван.

– Да, возле них... Ну, что, идемте? Солнце почти село.

– Подожди... пусть сядет, – говорит отец Иван, – лучше по темноте в село войдем. Подожди, – роется в своем рюкзаке. Наконец, достает сверток с Антиминсом и Чашу. Лицо у батюшки сияет:

– Вот главное доказательство, что все, что было с нами, нам не приснилось.

– Однозначно, – подтверждает Капитан.

– И все же, какое странное расставание, – возражаю я. – Конечно, стражи существа прекрасные, но зачем было нас усыплять? Такое ощущение, что они сами хотели нам казаться сном. Тогда к чему все эти разговоры о каком-то союзе?

– Дима, все нормально, – улыбается Капитан.

– Да, все окончилось, слава Богу, – соглашается отец Иван. – Но все же интересно, как мы оказались здесь? Или ты тоже спал?

– Меньше вас всех. Поэтому помню больше... Мы поплыли по морю в западном направлении. Прошли границу Сумрачной Земли, но никакого сумрака не было. Я, помнится, спросил об этом у Серебряного. Он мне ответил, что и сумрака стало меньше, и мы идем сейчас от Истока верхней водой. Потом вошли в устье реки. Река та самая, возле которой молебен служили. По ней двинулись вверх. Дошли до холма с Серебряными Деревьями. Там нас стражи встречали. Была Легкая, был, кстати, Отшельник и было несколько новых, незнакомых мне. Все очень радовались. А дальше я сам заснул. А сюда нас видно отнесли.

– Отшельник, – задумчиво произносит отец Иван. – Пожалуй, его бы я хотел увидеть больше других. В нем какая-то загадка, причем именно с людьми связанная.

– Вспоминайте его, – говорит Капитан, – вспоминайте его, когда будет гроза и веселый летний ливень. И кто знает, может он и придет.

– Кто знает, – отец Иван многозначительно вздыхает, – ну, что, солнце село. Идем потихоньку.

– Последний вопрос, – говорю я, – что случилось дальше с этими несчастными гномами? Я помню, они попадали, когда запели прекрасные голоса. Кстати, кто это пел?

– Пели Сирины и Алконосты. А с гномами все нормально. Они обрели свой Раха-а-халд... Идемте!

Мы вышли с лесопосадки на дорогу и двинулись в сторону села. Брама теперь была позади нас.

Вадим Булычев